

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

1 (43) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лажнев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

1 (43) 2016

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
A.I. Tatarkin, RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

- Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Стратегия национальной безопасности–2015 – шаг к новому этапу развития России..... 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 26

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

- Губанов С.С.* Системные предпосылки экономического подъема России 34

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Татаркин А.И.* Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации 39

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Бухвальд Е.М.* Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии 66
- Лаженцев В.Н.* Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России81
- Домашенко Д.В.* Взаимосвязь экономического роста, цен на нефть и уровня монетизации экономики в странах нефтегазового экспорта: выводы для России96

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И.* Почему не растёт самообеспеченность бюджетов городских округов..... 108

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Александрова О.А., Ярашева А.В.* Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса..... 122
- Леонидова Г.В., Свирелкина И.И.* Негосударственное дошкольное образование: текущая практика территориального развития 138

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Фролова Е.В., Кабанова Е.Е.* Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики 153

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Иванов В.А.* Влияние рыночных реформ на развитие аграрного сектора и самообеспечение продовольствием северного региона 170

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Сунь Юйпин.* Влияние иммиграционного потока на региональную экономику: к вопросу о повышении экономической конкурентоспособности провинции Цзянси 187

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Барсуков В.Н.* Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории 195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Об итогах VII научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект» 214

ЮБИЛЕИ

- Ильину Владимиру Александровичу – 75 лет 221
- Требования к оформлению статей 224
- Информация о подписке 229

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> National Security Strategy 2015 – a Step towards the New Phase of Russia’s Development	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	26

CRITICAL ECONOMIC ISSUES

<i>Gubanov S.S.</i> System Prerequisites for Economic Recovery of Russia	34
--	----

THEORETICAL ISSUES

<i>Tatarkin A.I.</i> Theoretical-Methodological Preconditions for the Formation of Mixed Economy in the Russian Federation	39
--	----

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Bukhval’d E.M.</i> The Strategy for Development of Small and Medium Entrepreneurship in Russia till 2030: Ambitions and Realities	66
<i>Lazhentsev V.N.</i> Geosystem Approach to Socio-Economic Development in the Regions of the North of Russia	81
<i>Domashchenko D.V.</i> Correlation between Economic Growth, Oil Prices and the Level of Monetization of Economy in Oil and Gas Exporting Countries: Challenges for Russia	96

PUBLIC FINANCE

<i>Povarova A.I.</i> Why Is the Self-Sufficiency of Urban Districts Budgets Not Growing	108
---	-----

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V.</i> Transformation of Investment and Savings Behavior of High-Income Groups during the Crisis.....	122
<i>Leonidova G.V., Svirelkina I.I.</i> Non-State Preschool Education: Current Practices of Territorial Development	138

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Frolova E.V., Kabanova E.E.</i> Strengthening the Tourism Appeal of Russian Territories: Current Trends and Management Practices	153
--	-----

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

<i>Ivanov V.A.</i> Impact of Market Reforms on the Agricultural Sector Development and Food Self-Sufficiency in the Northern Region	170
--	-----

FOREIGN EXPERIENCE

Sun Yuping. Analysis of the Impact of the Flow of Migrant Workers on Regional Economy: Based on the Thought about the Promotion of Jiangxi Regional Economic Competitiveness	187
--	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Barsukov V.N.</i> Labor Activity of the Population of Retirement Age as a Factor in Socio-Economic Development of the Territory	195
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

About the Results of the 7th Research-to-Practice Conference “The Strategy and Tactics of Socio-Economic Reforms: the Regional Aspect”	214
---	-----

ANNIVERSARIES

Vladimir Aleksandrovich Ilyin Celebrates His 75th Anniversary	221
---	-----

Requirements to Manuscripts	224
-----------------------------------	-----

Subscription Information	229
--------------------------------	-----

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.1
УДК 338(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Ильин В.А.

Стратегия национальной безопасности–2015 – шаг к новому этапу развития России

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

31 декабря 2015 г. Президент РФ В.В. Путин подписал новую Стратегию национальной безопасности. Анализ ключевых положений этого документа привел нас к выводу о том, что данное событие можно расценивать как новый, исторически значимый шаг главы государства по укреплению российской государственности и переходу страны к новому этапу развития.

*В Стратегии национальной безопасности–2015 зафиксировано, что «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации». Таким образом, Президент принимает на себя персональную ответственность за обеспечение реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности, и это – шаг не только своевременный, но и демонстрирующий способность В.В. Путина взять на себя историческую роль лидера в трудное для страны время.*

Многовековая история становления и развития российского государства наглядно показывает, что одной из ее особенностей является ключевая роль личности. Исторические для России решения во все времена принимал конкретный человек – лидер.

Принятие Русью христианства при князе Владимире (IX в.); укрепление самодержавия в период правления Ивана Гроз-

ного (XVI в.); реформы Петра I, проведенные по европейскому образцу (1-я четверть XVIII в.); эпоха «просвещенного абсолютизма» Екатерины II (Великой) (2-я половина XVIII в.); отмена крепостного права при Александре II (2-я половина XIX в.); установление Советской власти и коммунистического режима после Октябрьской революции в период политического руко-

водства В.И. Ленина (1-я половина XX в.); победа в Великой Отечественной войне в период правления И.В. Сталина (1-я половина XX в.) – за каждым из этих событий следовали многолетние эпохи, которые составляют историю нашей страны и «по кирпичику» формируют специфику российского менталитета. Наверное, можно по-разному оценивать эти события, однако очевидно, что каждое из них по-своему уникально и возникало не на пустом месте, а вызревало из повседневной жизни миллионов россиян. Каждое из этих знаковых событий сопровождалось тем, что система выдвигала лидеров, исторически значимых личностей, которые несли в своих словах и поступках идеи модернизации страны в борьбе за укрепление ее международного статуса.

Есть в российской истории и другие периоды – когда в стране не было ярко выраженного лидера, когда он не мог взять на себя ответственность за принятие решения или когда его решения не соответствовали национальным интересам. Как правило, такие «смутные» времена характеризовались бесконечными переворотами, борьбой за власть внутри страны и попытками внешнего вмешательства. Такими, например, были период правления Бориса Годунова (приведший к польско-литовской интервенции; конец XVI – начало XVII в.); эпоха дворцовых переворотов (середина XVIII в.); период правления Николая II, закончившийся отречением от престола в пользу временного правительства А.Ф. Керенского, что стало одним из ключевых событий Февральской революции 1917 г., со дня которой прошло уже почти 100 лет (2-я половина XIX – начало XX в.); период «перестройки» М.С. Горбачева (2-я половина 1980-х – начало 1990-х гг.), закончившийся «августовским путчем» и самороспуском Советского Союза («бело-

вежские соглашения» о создании Содружества Независимых Государств; 1991 г.); период правления первого Президента России Б. Ельцина, запомнившийся кровавыми событиями 1993 г., когда были насильственно, с применением танков, разогнаны Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации.

Современный этап российской истории не исключение, роль личности ярко проявляется и сегодня. Как отмечают эксперты, конкретные действия и управленческие решения, которые принимает В. Путин на посту главы государства, становятся для России по-настоящему историческими¹. С его именем связывают преодоление катастрофического положения, в котором оказалась наша страна в конце 1990-х гг., урегулирование конфликта в Чечне, присоединение Крыма... За период с 2000 по 2015 г. Россия превратилась из страны, находящейся на грани исчезновения, в государство, без которого невозможно решение ключевых проблем мирового масштаба. В российском обществе за это время появился и окреп средний класс, качественно изменились материальные потребности людей, но главное – качественно изменилось отношение россиян к самим себе, повысилась их самооценка и самоуважение, люди пересмотрели свое представление о месте России в мире, о желательном и фактическом в нашей реальности, о наших успехах и неудачах².

Однако на протяжении всего периода президентства Путина во внутренней политической жизни наблюдались противоречия в системе управления. В истории

¹ Главный марафонец // Журнал «Эксперт». – 2016. – 14 февр. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/01/glavnyij-marafonets/>

² Если будут ухудшения, то рейтинг Путина будет меняться последним // Известия. – 2016. – 20 янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/601912>

России были примеры и таких ситуаций (например, деятельность А.Д. Меншикова при Петре I или Э.И. Бирона при императрице Анне Иоанновне³).

В настоящее время эффективность независимой политики, которую реализует глава государства в целях обеспечения национальных интересов, укрепления суверенитета России и повышения ее статуса на международной политической арене, «тормозится» внутренними управленческими решениями, принимаемыми в первую очередь финансово-экономическим блоком Правительства при поддержке либеральных СМИ. Как следствие —

Россия, с каждым годом усиливающая свой международный статус и свое влияние на положение дел в мире, одновременно является страной с неэффективной, экспортно-сырьевой моделью экономического развития, не соответствующей тенденциям мировой экономики и интересам национальной безопасности.

Публичные выступления Президента, в ходе которых он регулярно демонстрирует глубокое познание российской истории⁴, говорят о том, что В. Путин понимает противоречивость ситуации, сложившейся во внутренней системе управления. Поэтому шаг за шагом он проводит политику,

³ Некоторые выдержки из учебника русской истории В.О. Ключевского (источник: Ключевский В.О. Курс русской истории // Интернет-ресурс «Хронос: всемирная история в интернете». — Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/klyuch00.php).

1. О князе Меншикове:

• «При общем беспорядке внизу и произволе наверху робкие люди не пускали в оборот своих сбережений... сам князь Меншиков держал в Лондоне на вкладе не один миллион».

• «...Петр сам с инженерами осмотрел местность между Ладогой и Шлюссельбургом и поручил дело князю Меншикову, ничего в нем не понимавшему, но во все совашемуся. Меншиков с товарищем своим повел дело так, что истратил больше 2(16) миллионов рублей, без толку копаясь в земле, переморил дурным продовольствием и болезнями тысячи рабочих и ничего не сделал».

• «...Курбатов в своих жалобах царю задирали сильных людей, даже само страшило, заплечного обер-мастера князя Ф.Ю. Ромодановского, выгораживая только покровителя своего князя Меншикова, наибольшего казнокрада».

• «Меншиков окружил себя шайкой чиновных хищников, обогатившихся и обогащавших своего патрона на счет казны».

2. О герцоге Бироне:

• «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов: «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, — писали послы, — нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». Между тем управление велось без всякого достоинства».

• «Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогли: в 1732 г. по смете ожидалось дохода от таможенных и других косвенных налогов до 2/2 миллиона рублей, а собрано было всего лишь 187 тысяч. На многомиллионные недоимки и разбежались глаза у Бирона. Под стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам, устроена была доимочная облава на народ: снаряжались вымогательные экспедиции; неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правее и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы. Стон и вопль пошел по стране. В разных классах народа толковали: Бирон и Миних великую силу забрали, и все от них пропали, овладели всем у нас иноземцы; тирански собирая с бедных подданных слезные и кровавые подати, употребляют их на обедение и пьянство; русских крестьян считали хуже собак; пропащее наше государство!»

• «За неумелое увлечение высшего класса политикой весь народ был наказан биронищиной; испытав при Меншикове и Долгоруких русское беззаконие, при Бироне и Левенвольдах испробовали беззаконие немецкое».

⁴ Например: Послание Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г., речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г., выступление на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. и др.

направленную на повышение эффективности деятельности Правительства. Одним из последних таких шагов стала утвержденная 31 декабря 2015 г. новая Стратегия национальной безопасности.

Следует отметить, что Закон о стратегическом планировании, принятый в 2014 г., обязывает пересматривать ключевые стратегические документы раз в 6 лет. Предыдущая Стратегия, по оценкам одного из экспертов, была «заведомо беспомощной, не имеющей отношения к реальности, не предусматривающей механизмов реализации, наглядно доказывающей интеллектуальную импотенцию либералов»⁵. Она была подписана Д. Медведевым в 2009 г., то есть после знаменитого мюнхенского выступления В. Путина, когда он впервые заявил о том, что Россия готова и будет проводить независимый курс внешней политики.

Д. Медведев занимал пост главы государства в период с 2008 по 2011 г. В преддверии очередных президентских выборов (2012 г.) вице-президент США Джозеф Байден посетил с рабочим визитом Москву (9 марта 2011 г.). По мнению экспертов, это демонстрировало «поддержку Западом потенциального выдвижения Дмитрием Медведевым своей кандидатуры на второй срок»⁶ или, другими словами, было направлено против возвращения В. Путина на пост Президента РФ.

Однако, несмотря на внешнее давление со стороны США, 4 марта 2012 г. россияне сделали свой выбор, который наглядно показал, что только В. Путин может реально

представлять интересы большинства граждан (на президентских выборах он набрал 63,6% голосов; ближайший претендент Г. Зюганов – 17,2%). На стремление и способность В. Путина продолжить реализацию курса независимой внешней политики, основные принципы которой были изложены им в мюнхенской речи 2007 года, американцы ответили развязыванием нового витка гибридной войны, которая продолжает активно развиваться. Роль «разменной монеты» для достижения этой цели досталась Украине.

Последующие события показали две вещи.

Во-первых, то, что гибридная война между Россией и США выходит далеко за пределы двухстороннего конфликта. В нее было втянуто большинство стран мира, и это означало, что ключевые идеи мюнхенской речи В. Путина, произнесенной еще в 2007 г., получили реальное воплощение, что однополярная модель мироустройства действительно «не только неприемлема, но и вообще невозможна», а Россия, будучи страной с более чем тысячелетней историей, «практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»⁷.

Во-вторых, как следует из событий 2012–2015 гг., россияне сделали правильный выбор. В условиях постоянного информационного давления на общество через средства массовой информации, а также регулярных провокаций с целью вовлечения России в военные действия в Украине Президент РФ стоял перед необходимостью решения внешнеполитических задач.

⁵ Делягин М. Шабаш либералов // Газета «Завтра». – 2016. – №3(1155). – 21 янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/shabash-liberalov/>

⁶ Джо Байден попытается отговорить Владимира Путина баллотироваться на пост Президента РФ в 2012 году? // Общероссийская общественно-политическая электронная газета «The Moscow post». – Режим доступа: <http://www.moscow-post.com/politics/000129922924180/>

⁷ Стенограмма выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

И можно с уверенностью сказать, что в этот период В. Путин проявил всё то, за что голосовал народ на президентских выборах 2012 г. — глубокое, стратегическое понимание ситуации и готовность к четким и своевременным действиям в интересах большинства населения.

Оценивая последствия одного из главных мировых событий 2014 г. — вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, многие ученые (Г.В. Осипов, М.К. Горшков и др.) высказывали предположение о том, что Россия стоит на пороге нового этапа своего исторического развития, что «крымская весна», возможно, навсегда поменяла отношение россиян к миру, своей стране и к самим себе.

Это подтверждают и события вокруг Сирии с июня 2015 г. С того момента, когда по официальному запросу президента Сирии Б. Асада⁸ началась антитеррористическая операция Российских военно-космических сил по уничтожению боевиков ИГИЛ (30 сентября 2015 г.), стало очевидным, что России больше не надо доказывать полноценность партнерства с ведущими мировыми державами. Эффективность авиаударов российских ВКС была признана США и во всем мире, и Россия стала не просто равноправным, а ключевым «игроком», без которого невозможно решение сирийского вопроса.

Правда, на пути к новому этапу развития существуют и серьезные проблемы. По мере усиления международных позиций России возникает всё больше требований к тому, чтобы она соответствовала своему

⁸ 30 сентября 2015 г. Администрация президента Сирии Башара Асада подтвердила обращение к России по поводу военной помощи. «Любое усиление российской военной поддержки Сирии происходило и происходит в результате запроса от сирийского государства», — заявили в администрации сирийского президента (источник: Новости РБК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/560bbb069a7947a7de197c8b>).

статусу в вопросах не только внешней политики, но и внутреннего экономического развития, самоощущения россиян, культурно-идеологических основ общества, состояния социальной сферы.

В последние годы всё более очевидно отставание России от развитых стран в плане экономического развития. И эта угроза является не менее опасной, чем любой вооруженный конфликт. В то время как в США и промышленных странах ЕС происходит высокотехнологичная, цифровая индустриализация промышленности, обеспечивающая переход к постнефтяной энергетике, рециркуляции ресурсов и энергетической эффективности всего общественного производства, в России сохраняется экспортно-сырьевая модель экономики.

«Неоиндустриальное изменение структуры общественного электробаланса в промышленно развитых державах крайне усиливает зависимость от них тех стран, которые живут компраторским экспортом сырья. Если мы сохраняем в посткризисный период экспортно-сырьевую модель экономики, то вместо высоких темпов роста попадаем прямиком в ситуацию затяжной депрессии... Опираясь на *постнефтяную* электроэнергетику, индустриально развитые державы смогут в одностороннем порядке манипулировать мировым рынком углеводородов, рынком нефти и газа. К примеру, смогут безболезненно для себя сбивать цены сколь угодно низко, устраивая кризисы для нефтедобывающих стран не раз в 3—5 лет, а раз в полгода.»⁹

Неоиндустриализация — это закономерный ход развития постиндустриального общества. Любые кризисы или вооруженные

⁹ Губанов С.С. Системные предпосылки экономического подъема России: доклад на VII научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект» (г. Вологда, ИСЭРТ РАН, 18.12.2015).

конфликты со временем преодолеваются, а смена экономического уклада – естественный процесс, который ничто не может остановить. Поэтому страны, которые не успевают приспособиться к нему, становятся неконкурентоспособными.

Таким образом, с момента принятия Стратегии национальной безопасности 2009 г. прошло 6 лет, и за это время перед Россией возникли новые глобальные вызовы, связанные с укреплением ее международного статуса и естественным процессом неоиндустриализации промышленности, протекающим в развитых странах. Для отражения приоритетных направлений обеспечения национальных интересов в изменившихся геополитических условиях потребовалась новая Стратегия, которая и была подписана Президентом 31 декабря 2015 г.

В этом документе появился ряд принципиально значимых изменений, отражающих как новый статус России в мире, так и новые приоритеты внутренней политики. Ключевыми из них, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации»¹⁰, то есть глава государства берет на себя персональную ответственность за обеспечение реализации приоритетов, обозначенных в Стратегии-2015.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 31 дек. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

Во-вторых, в новой Стратегии существенно усилен акцент на приоритетах экономической безопасности и качества жизни населения. Среди них появились «повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура»; в списке ключевых угроз – «риски нецелевого использования бюджетных средств»; среди показателей состояния национальной безопасности – «удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личностных и имущественных интересов», «ожидаемая продолжительность жизни», «ВВП на душу населения».

Таким образом, в новой Стратегии закреплено, что Президент целиком берет на себя ответственность за обеспечение государственной политики в сфере национальной безопасности, в том числе в отношении тех проблем, которые в наибольшей степени беспокоят граждан страны – проблем материального характера, уровня жизни, состояния экономики¹¹.

В новой Стратегии национальной безопасности отмечаются изменения и в реализации приоритетов внешней политики, которая в силу объективных обстоятельств, сложившихся на международной арене, по-прежнему занимает важное место. Главной задачей ставится предотвращение угроз со стороны НАТО (США), а не со стороны «ряда ведущих зарубежных стран», как было зафиксировано в Стратегии 2009 года.

Очевидно глубокое понимание Президентом истинных причин военных конфликтов, в которые была втянута Россия в последние годы (прежде всего – украинский и сирийский кризисы).

¹¹ Результаты социологических измерений, подтверждающих этот факт, представлены ниже, в разделе «Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества».

Бескомпромиссное признание того, что за ними стоят США¹², — это именно то, что не было отражено в Стратегии 2009 г.; и это то, что кардинально отличает Лидера Путина от «Лидера» Медведева.

Однако в целом главное отличие Стратегии–2015 от Стратегии 2009 года состоит в том, что в ней существенно более значимая роль отводится вопросам внутренней жизни в стране. Действительно, её неконкурентоспособность, обусловленная «бесперспективной и изначально преступной» моделью экономического развития, в основе которой лежит «паразитирование на наследии предков вместо интенсивного научно-технологического и промышленного развития»¹³, — это главный вопрос национальной безопасности. Поэтому неслучайно, что в новой Стратегии национальному приоритету «Экономический рост» уделено повышенное внимание. В качестве главных страте-

гических угроз национальной безопасности в области экономики отмечаются «низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы»¹⁴.

Объективный критерий — динамика официальных статистических показателей свидетельствует о неэффективности сложившейся в стране системе управления экономическим развитием. За последние годы она привела Россию к кризису, выходящему далеко за рамки экономики. Это структурный кризис, проявляющий себя в различных областях и направлениях: в реальном секторе экономики, в бюджетной политике, социальной сфере, системе управления.

¹² В. Путин о ситуации в Украине: «Наши западные партнёры во главе с Соединёнными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что права могут быть всегда только они. Они действуют так, как им заблагорассудится: то тут, то там применяют силу против суверенных государств, выстраивают коалиции по принципу «кто не с нами, тот против нас». Чтобы придать агрессии видимость законности, выбивают нужные резолюции из международных организаций, а если по какимто причинам этого не получается, вовсе игнорируют и Совет Безопасности ООН, и ООН в целом. Так было в Югославии, а потом были и Афганистан, и Ирак, и откровенные нарушения резолюции СБ ООН по Ливии... Подобный сценарий был реализован и на Украине» (источник: Обращение Президента РФ к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества 18 марта 2014 г. // Сайт Президента. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>).

В. Путин о ситуации на Ближнем Востоке: «Почему усилили, допустим, наших американских партнёров и их союзников по борьбе с «Исламским государством» не дали внятных результатов? Очевидно, что дело не в нехватке военного имущества или потенциала. Безусловно, Соединённые Штаты располагают огромным, самым большим в мире военным потенциалом, просто всегда трудно вести двойную игру. Объявлять о борьбе с террористами и одновременно пытаться использовать часть из них для того, чтобы расставлять фигуры на ближневосточной доске в своих интересах, как кажется, в своих интересах» (источник: Стенограмма выступления В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба Валдай 22.10.2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/50548>).

Выдержка из Стратегии национальной безопасности 2015 г.: «Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» (источник: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>).

¹³ Болдырев Ю. Трагедия или шанс? [Электронный ресурс] // Литературная газета. — 2016. — №5(6540). — 4 фев. — Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-5-6540-4-02-2016/tragediya-ili-shans/>

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

В отличие от России, в 2012–2013 гг. развитыми странами были преодолены негативные тренды экономической ситуации, имевшие место в период мирового финансового кризиса. Это наглядно отражает динамика темпов роста ВВП (в 2012–2014 гг. темпы роста ВВП в среднем по странам мира составили 3,4% к предыдущему году, в развитых странах они увеличились с 1,2 до 1,8%, в России снизились с 3,4 до 0,6%; табл. 1).

По предварительным оценкам Международного валютного фонда, в 2015 г. по темпам падения ВВП Россия займёт 9 место среди развивающихся стран, причём это преимущественно государства Южной Африки. В группе стран СНГ более глубокий обвал реального ВВП ожидается лишь в Украине.

За последние 12 лет (2002–2014) эксперты отмечают сокращение доли обрабатывающих производств при увеличении добычи и экспорта полезных ископаемых, высокий уровень дифференциации насе-

ления по доходам, ухудшение трудового потенциала, «перекося» в управленческой системе, выражающиеся в значительном увеличении бюрократического аппарата (табл. 2).

Крайне низкая степень диверсификации экспорта, свидетельствующая о низкой конкурентоспособности российской обрабатывающей промышленности на мировом уровне, является «не просто рискованной, но даже опасной»¹⁵, поскольку добывающая промышленность становится очень зависимой от мировых цен на полезные ископаемые.

Отечественные и зарубежные эксперты признают, что системный кризис в России порождён не геополитическими факторами, а неэффективной экономической политикой¹⁶. Для изменения ситуации требуется политическая воля и решительность действий, примеры которых в настоящее время можно увидеть только в реализации курса внешней политики, проводимого Президентом.

Таблица 1. Динамика темпов роста ВВП по странам мира за 1997–2015 гг.
(% к предыдущему году в сопоставимых ценах)

Страны	В среднем за 1997–2006	В среднем за 2007–2015	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015, оценка
Мир	4,0	3,5	5,7	3,1	0,0	5,4	4,2	3,4	3,3	3,4	3,1
Развитые страны	2,8	1,2	2,8	0,2	-3,4	3,1	1,7	1,2	1,1	1,8	2,0
США	3,3	1,3	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,5	2,4	2,6
Япония	0,9	0,4	2,2	-1,0	-5,5	4,7	-0,5	1,7	1,6	-0,1	0,6
Зона евро	2,3	0,4	3,0	0,5	-4,6	2,0	1,6	-0,8	-0,3	0,9	1,5
Развивающиеся страны	5,4	5,6	8,7	5,8	3,1	7,5	6,3	5,2	5,0	4,6	4,0
<i>СНГ</i>	<i>5,5</i>	<i>2,4</i>	<i>9,0</i>	<i>5,3</i>	<i>-6,3</i>	<i>4,6</i>	<i>4,8</i>	<i>3,4</i>	<i>2,2</i>	<i>1,0</i>	<i>-2,7</i>
Россия	5,0	1,8	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,6	-3,8
Кроме России	6,6	3,8	10,4	5,6	-2,5	5,0	6,2	3,6	4,2	1,9	-0,1

Источник: данные Международного валютного фонда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2015/02/pdf/text.pdf>

¹⁵ Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Какой в России кризис и как долго он продлится? // Общество и экономика. – 2015. – №8-9. – С. 18.

¹⁶ Такое мнение, в частности, высказал президент Федерального объединения немецкой промышленности У. Грилло: «Глубокий экономический кризис в России вызван в первую очередь ошибками, совершёнными Москвой в прошлом. Главная причина нынешнего кризиса – не санкции, а однобокая фиксация российской экономики на нефти и полезных ископаемых» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/rus/ekob/>

Таблица 2. Некоторые показатели, свидетельствующие о системном кризисе России

Показатель	2002 г.	2014 г.
Доля обрабатывающих производств, в % от общей ВДС промышленности	62,5	53,2
Добыча полезных ископаемых, в % от общей ВДС промышленности	24,2	35,2
Экспорт минеральных продуктов, %	55,2	70,5
Децильный коэффициент фондов, разы	14	16
Коэффициент Джини	0,397	0,416
Численность работников органов государственного управления всех уровней и всех ветвей власти, тыс. чел.	1252,3	1548,1*
Численность работающих в органах исполнительной власти, тыс. чел.	1070,2	1264,8*
Численность штата работников федеральных органов, тыс. чел.	444,4	589,0*
Число занятых в экономике на 100 пенсионеров, чел.	170	163
Реальный размер назначенной пенсии, в % к предыдущему году	116,3	100,9
Реальные располагаемые доходы населения, в % к предыдущему году	111,1	99,3
* Данные за 2013 г. Источник: Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Какой в России кризис и как долго он продлится? // Общество и экономика. – 2015. – №8-9 – С. 5-44.		

Что касается либерального крыла Правительства, то многие эксперты приводят доказательства его беспомощности: «Какая-то робость сковывает наших управленцев, складывается впечатление, что дожидаться от них масштабных и действенных решений будет трудно... нерешительность и надменное отторжение чужих, качества, которые сочетаются в той группе российской бюрократии, что отвечает за экономику, мешают двигаться вперед, становятся политической проблемой»¹⁷. «Складывается впечатление, что министры и их руководитель не встречаются на работе, не обсуждают проблемы, не вырабатывают ЛИНИЮ правительства, которую все высказывают и отстаивают.»¹⁸

Некоторые в своих оценках идут еще дальше, сравнивая действия кабинета с пре-

дательством национальных интересов, заявляя о том, что «правительству пора перестать обманывать народ. Оно не справляется с развитием экономики. То, что у нас происходит, это вообще не кризис. Это деградация и распад социально-экономической системы... Со времен Гайдара у нас избран порочный курс развития и построена дефективная социально-экономическая формация. Определенным узким кругам она выгодна. И экономический блок правительства работает на пользу этих кругов, а не на благо страны»¹⁹.

И те и другие в целом приходят к одному выводу: «Если экономическую политику радикально не менять, настанет тот день, когда мы научно-технологически отстанем от Запада настолько, что никто наши энергоресурсы покупать у нас не будет – просто придут и заберут»²⁰.

¹⁷ Фадеев В. Экономика тонет в фарисействе [Электронный вариант] // Журнал «Эксперт». – 2016. – №3(971). – 18 янв. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2016/3/#page_3

¹⁸ Стариков Н. А знакомы ли между собой Силуанов и Медведев? [Электронный ресурс] // Официальный блог Н. Старикова. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/61831>

¹⁹ Запесоцкий А. Правительство России как угроза национальным интересам // Комсомольская правда. – 2016. – 13 янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.kp.ru/daily/26479/3349764/>

²⁰ Болдырев Ю. Трагедия или шанс? [Электронный ресурс] // Литературная газета. – 2016. – №5(6540). – 4 февр. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-5-6540-4-02-2016/tragediya-ili-shans/>

Неэффективность деятельности либерального крыла кабинета министров парализует развитие всей российской экономики, создает благоприятную почву для роста коррупции не только во власти, но и в крупном бизнесе; не только на федеральном, но и на региональном уровне. Это наглядно видно по результатам деятельности крупнейших ресурсодобывающих компаний, выступающих основой экономического благополучия в странах с сырьевой направленностью экономики.

Российский нефтегазовый комплекс, формируя почти треть налоговых поступлений, является ключевым источником доходов бюджетной системы РФ. Однако результаты исследований²¹ свидетельствуют о том, что отсутствие должного

государственного регулирования позволяет руководству госкорпораций самостоятельно выстраивать распределительную политику в целях удовлетворения своих личных интересов в ущерб задачам увеличения доходности бюджета.

Расчётная оценка выпадающих доходов бюджетной системы от использования различных схем минимизации налогообложения нефтегазовых корпораций показывает, что за 2008–2014 гг. дополнительные налоговые платежи от открытых акционерных обществ «Газпром», «Роснефть», «Татнефть», «Роснефтегаз» могли бы составить 2880,5 млрд. руб. в год, в том числе: в федеральный бюджет – 2648,2 млрд. руб.; в бюджеты регионов – 232,3 млрд. руб. (табл. 3).

Таблица 3. Налоговые и неналоговые доходы, недопоступившие от нефтегазовых корпораций в бюджетную систему РФ за 2008–2014 гг., млрд. руб. в год

Показатели	Газпром	Роснефть	Татнефть	Роснефтегаз	Итого
Экспортные продажи углеводородов по заниженным ценам	52,4	32,5	4,1		89,0
Неконтролируемый рост удельных коммерческих, управленческих, процентных расходов	29,7	7,1	1,8		38,6
Необоснованные налоговые льготы Газпрому	1644,0				1644,0
Уменьшение налогооблагаемой прибыли Газпрома за счёт списания сомнительных долгов	17,0				17,0
Возвраты налогов	291,8	31,7	18,1		341,6
Погашение задолженности по налогам в бюджет	165,6	201,0	14,6		381,2
Недопоступившие дивиденды, исчисленные с прибыли по РСБУ	164,8	88,9			253,7
Неперечисленные дивиденды Газпрома и Роснефти				32,0	32,0
Отсутствие чёткого правового регулирования чистой прибыли, используемой на дивиденды	Недопоступление дивидендов от 10 крупнейших компаний				83,4
Всего	2365,3	361,2	38,6	32,0	2880,5
- в федеральный бюджет	2243,4	260,0	29,4	32,0	2648,2
- в территориальный бюджет	121,9	101,2	9,2		232,3

²¹ Исследование было проведено ИСЭРТ РАН на примере трех крупнейших российских нефтегазовых корпораций – открытое акционерное общество «Газпром»; открытое акционерное общество «Нефтяная компания «Роснефть»; открытое акционерное общество «Татнефть». Все эти компании входят в список «Forbes», включены в перечень системообразующих организаций, утверждённый Правительством РФ 05.02.2015 г., и имеют государственную собственность (более 50% акций Газпрома и почти 70% акций Роснефти принадлежит Российской Федерации).

Не менее острая ситуация наблюдается и на базовых предприятиях черной металлургии²².

За 2008–2014 гг. дополнительные налоговые платежи от Череповецкого, Магнитогорского и Новолипецкого металлургических комбинатов могли бы составить 81,3 млрд. руб. в год, в том числе: в федеральный бюджет – 37,7 млрд. руб., в территориальные бюджеты – 43,6 млрд. рублей, из них в бюджеты: Вологодской области – 22,7 млрд. руб.; Челябинской области – 15,9 млрд. руб.; Липецкой области – 5,0 млрд. руб. (табл. 4).

Снижение фискальной функции крупнейших налогоплательщиков является следствием олигархической сущности отечественной экономики. Нерешенность этой проблемы обуславливает тот факт, что на фоне ежегодного роста выручки крупней-

ших госкорпораций в стране продолжает увеличиваться объем накопленного долга субъектов РФ и муниципальных образований. Так, за период с 2008 по 2014 г. он увеличился в 2,3 раза (с 14,4 до 33,5% объёма собственных доходов территориальных бюджетов). За последние пять лет долговые обязательства региональных бюджетов увеличились почти в два раза, а количество регионов, имеющих критический уровень долговой нагрузки (более 80%), выросло с 4 до 25. По итогам 2014 г. в тринадцати субъектах РФ объём государственного долга приблизился к объёму собственных бюджетных доходов или превысил его²³.

Несмотря на ясность поставленной ещё в 2012 г. Президентом РФ задачи деофшоризации российской экономики²⁴, до сих пор серьёзных успехов по снижению роли

Таблица 4. Налоговые доходы, недопоступившие от крупнейших комбинатов чёрной металлургии РФ за 2008–2014 гг., млрд. руб. в год

Источник	ЧерМК	ММК	НЛМК	Итого
Занижение цен при экспорте продукции	1,7	4,3	2,7	8,7
Увеличение удельных коммерческих, управленческих и процентных расходов	3,1	1,3	2,2	6,6
Возмещение экспортного НДС	5,0	6,9	12,2	24,1
Возмещение налога на прибыль	1,3	1,7	0,6	3,6
Обложение доходов, полученных от участия в других организациях, по ставке 0%	2,3	0,2	3,9	6,4
Обложение дивидендов по пониженной ставке 5%	1,5	0,6	0,7	2,5
Списанные на убытки расходы по формированию резервов под обесценение финансовых вложений иностранных компаний*	19,0	10,1		29,1
Всего	33,9	25,1	22,3	81,3
– в федеральный бюджет	11,2	9,2	17,3	37,7
– в территориальный бюджет	22,7	15,9	5,0	43,6

* Рассчитано, исходя из объёмов потерь налога на прибыль в результате отнесения на расходы ЧерМК и ММК резервов под обесценение финансовых вложений зарубежных дочерних компаний ПАО «Северсталь» и ОАО «ММК».

²² Исследование проводилось на примере Череповецкого, Магнитогорского и Новолипецкого металлургических комбинатов. ПАО «Северсталь», ОАО «ММК» и ОАО «НЛМК» включены в перечень системообразующих организаций, утверждённый Правительства РФ. Источник: Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия – 2020: проблемы реализации. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.

²³ Влияние интересов собственников вертикально-интегрированных корпораций на социально-экономическое развитие: отчет о НИР // исп. Поварова А.И. – Вологда, 2015. – 101 с.

²⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.; Бюджетное послание Президента РФ о бюджетной политике на 2014–2016 годы 13 июня 2013 г.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

офшорного фактора в экономике добиться не удалось²⁵. Применительно к металлургическим корпорациям это проявилось в продолжающемся манипулировании сделками с аффилированными лицами, с помощью этого из-под российского налогообложения ежегодно выводилось более 40 млрд. руб. выручки от экспортных продаж, в результате чего потери бюджета по недопоставившему налогу на прибыль оцениваются суммой около 9 млрд. руб.

Снижению наполняемости бюджета во многом способствовали законодательно разрешённые и активно используемые руководством корпораций способы оптимизации прибыли за счёт наращивания управленческих и коммерческих издержек, накопления корпоративных долгов. Таким путём база налогообложения ежегодно снижалась в среднем на 20–30 млрд. руб.

При этом, на фоне неуклонного падения платежей в бюджет, под видом возврата переплаты по налогу на прибыль и возмещения экспортного НДС металлургическим корпорациям ежегодно компенсировалось порядка 30 млрд. руб., или 60–90% фактически уплаченных налогов, что девальвировало их участие в мобилизации бюджетных доходов. Темпы роста возмещений НДС опережали темпы роста экспортных поставок, что свидетельствует о неэффективности налогового стимулирования крупных экспортёров.

Убыточность внебюджетной деятельности превратилась в одну из постоянных основных угроз не только финан-

совой устойчивости комбинатов, но и поступлений налога на прибыль в бюджет. Главным фактором убытков выступают не столько результаты производства, сколько налоговое законодательство, целенаправленно создавшее крайне запутанные, сложные и непрозрачные механизмы администрирования прибыли крупнейших налогоплательщиков, усиленные предоставлением зачастую лишённых экономического смысла налоговых льгот.

С созданием сконцентрированных в Москве налоговых инспекций, регулирующих налогообложение крупного бизнеса, региональные власти окончательно утратили контроль за полнотой поступления ключевого источника бюджетов монопрофильных территорий – налога на прибыль.

Приведенные данные свидетельствуют об открытом попирании частными владельцами системообразующих предприятий и руководителями госкорпораций моральных норм поведения, характерных для социально ориентированного государства, углублении конфликта интересов мажоритарных собственников с интересами других акционеров и общественными интересами. И всё это – при активном участии либерального финансово-экономического блока Правительства и обслуживающих его интересы средств массовой информации, фактически относящихся к России как к колонии, ресурсы которой могут быть использованы не в национальных, а личных интересах.

«Россия нелюбима либералами не как враг, не как противостоящая сила, но лишь как неудобство, как гвоздь в ботинке: ее народ мешает им красиво потреблять, как плохому танцору мешают танцевать ноги... Но именно у либералов – и именно в силу их идеологии – потребительская ориентация выражена предельно полно. И, служа своему потреблению, они автоматически,

²⁵ Только в конце 2014 г. Государственной Думой РФ был принят закон о контролируемых компаниях, в соответствии с которым каждый россиянин, имеющий контроль над иностранной компанией, обязан платить налоги в бюджет по законодательству РФ. Ещё одним значимым событием стало внесение 1 декабря 2015 г. Правительством РФ в Госдуму РФ законопроекта об ограничении государственной поддержки иностранным юридическим лицам в виде субсидий, гарантий, инвестиций.

незаметно для себя самих, начинают служить странам и регионам, где потреблять наиболее комфортно, — нашим объективным, стратегическим конкурентам. И, живя ради потребления, они начинают любить те места, где потреблять хорошо, комфортно, и не любить те, где потреблять плохо, неудобно. Не любить Россию. И это очень хорошо демонстрируют практические действия либералов, по-прежнему обслуживающих власть и практически полностью определяющих ее как минимум социально-экономическую политику»²⁶.

В середине 2015 г., когда Президент РФ дал поручение разработать проект новой Стратегии национальной безопасности, он отметил: «Причины давления на Россию понятны. Мы проводим независимую внутреннюю и внешнюю политику, не торгуем своим суверенитетом, не всем это нравится, но по-другому быть не может»²⁷. В самой Стратегии указано, что «проведение РФ самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах».

Действительно, независимый курс внешней политики, проводимый В. Путиным, имеет широкую общественную поддержку²⁸ вместе с тем сомнение вызывает то, что люди, возглавляющие финансово-

экономический блок Правительства, также нацелены на укрепление суверенитета России, а не являются теми, кто стремится «окончательно поставить российское государство на службу глобальному бизнесу, интересы которого объективно несовместимы с интересами даже существования, не то что развития нашей страны»²⁹.

Таким образом, принятие новой Стратегии национальной безопасности продиктовано не только изменившимися внешнеполитическими условиями. Глубокие, системные предпосылки этого шага касаются прежде всего организации внутреннего управления развитием экономики и страны в целом.

Российская история учит тому, что в критические моменты в нашей стране появляется лидер, и только лидер берет на себя историческую ответственность, принимая решения, за которыми следует новая эпоха. Очередной критический момент наступил тогда, когда распался Советский Союз и бывшая сверхдержава оказалась на грани исчезновения. В. Путин на протяжении всех своих президентских сроков с успехом доказывал способность принять историческую роль лидера, сначала — предотвратив крушение российской экономики и демографический коллапс, после — вернув российскому народу самоуважение и гордость за страну.

Яркий пример — военно-промышленный комплекс (ВПК), который в период Советского Союза представлял собой «четко организованный по отраслевому принципу, замыкающийся на высшем руководстве страны сегмент экономики», а к началу 2000-х гг. был фактически ликвидирован в результате «продуманной» политики «эффективных управленцев».

²⁶ Делягин М. Глобализация и предательство элит [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». — 2016. — №2(1154). — Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/globalizatsiya-i-predatelstvo-elit-/>

²⁷ Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета безопасности РФ 3 июля 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49862>

²⁸ По данным социологических измерений ИСЭРТ РАН, доля людей, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, с 2014 г. составляет 50–52%. Для сравнения: оценка успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан — 28–35% (см. ниже раздел «Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества»).

²⁹ Делягин М. Шабаш либералов [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». — 2016. — №3(1155). — 21 янв. — Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/shabash-liberalov/>

В 2007 г. ВПК был выведен из-под контроля Правительства в непосредственное подчинение Президенту путем создания новой организационно-правовой формы – государственной корпорации³⁰. В результате к началу 2010-х гг. он преобразился так, что для сторонних наблюдателей это оказалось «шоком, сродни восстанию феникса из пепла, а появление Российских ВКС в небе Сирии вообще заставило замолчать всех, кто давно кричал, что все потеряно»³¹.

По своей сути вертикально-интегрированные государственные корпорации применяются во всем мире, и пример ВПК – это реальное подтверждение эффективности создания и развития сложнейшей агломерации, произошедших при непосредственном контроле главы государства. Пример, который должен быть распространен на все важнейшие отрасли, участвующие в обеспечении национальной безопасности, что постепенно приведет к решению задачи новой индустриализации промышленности и к преодолению Россией критического отставания от развитых стран.

³⁰ Законы о государственных корпорациях:

- Федеральный закон от 17 мая 2007 г. №82 «О банке развития» (Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк);
- Федеральный закон от 19.07.2007 г. №139 «О Российской корпорации нанотехнологий»;
- Федеральный закон от 21.07.2007 г. №185 «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»;
- Федеральный закон от 30.10.2007 г. №238 «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» (государственная корпорация «Олимпстрой»);
- Федеральный закон от 23.11.2007 г. №270 «О Государственной корпорации “Ростехнологии”»;
- Федеральный закон от 01.12.2007 г. №317 «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”».

³¹ Брызгалов А.Л. Путин и Правительство: возрождение ВПК // Официальный блог Н. Старикова. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/62800>

Системный кризис остро ставит перед главой государства задачу ускоренных темпов национализации элит, обеспечения ее политической и экономической независимости от влияния геополитических соперников России. Как показывают результаты социологических измерений, во второй половине 2015 года наметились негативные тренды социальных настроений – комплексного показателя, отражающего психологическое состояние общества (табл. 5).

Снижение доли тех, кто испытывает положительные эмоции, отмечается не только в социально уязвимых категориях населения, но и среди среднеобеспеченных людей, представителей молодого и среднего возраста – всех тех, кто является опорой действующей власти. По сути, в конце 2015 – начале 2016 г. существенное ухудшение социального настроения произошло во всех социально-демографических категориях, кроме самых богатых людей – тех, кто по самооценке уровня доходов попадает в категорию 20% наиболее обеспеченных.

Такая динамика общественных настроений свидетельствует о затянувшихся ожиданиях населения относительно решения элементарных проблем, связанных с уровнем жизни, таких как низкая заработная плата, инфляция, положение дел в экономике, – всех тех проблем, которые ведущие социологические центры страны отмечают как «наиболее значимые» для россиян³².

Сегодня последствия не соответствующей национальным интересам внутренней экономической политики доминируют в общественном сознании людей и ведут к ухудшению социальных настроений. Пока что это создает лишь почву для социальной

³² Пресс-выпуск ВЦИОМ от 01.02.2016 № 3029 «Проблемный фон: в фокусе – рост цен» // Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115568>

Таблица 5. Индекс социального настроения в различных социально-демографических группах населения Вологодской области (в пунктах)*

Категория населения	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Изменение (+/-) фев. 2016 по отношению к...	
					Авг. 2015	Дек. 2015
Пол						
Мужской	153,9	144,6	147,0	136,6	-17	-10
Женский	146,0	145,4	143,7	133,0	-13	-11
Возраст						
До 30 лет	160,7	169,2	159,2	147,8	-13	-11
30–55 лет	146,9	139,7	143,4	131,3	-16	-12
Старше 55 лет	146,6	137,3	139,5	131,2	-15	-8
Образование						
Среднее и н/среднее	144,3	137,1	137,8	124,7	-20	-13
Среднее специальное	153,7	145,3	142,0	129,6	-24	-12
Высшее и н/высшее	151,5	153,4	156,9	151,4	0	-5
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	115,2	116,9	115,4	97,0	-18	-18
60% среднеобеспеченных	158,2	144,1	148,7	138,8	-19	-10
20% наиболее обеспеченных	172,5	176,4	160,3	160,8	-12	+1
Территории						
Вологда	159,6	156,7	151,5	139,5	-20	-12
Череповец	151,6	145,3	148,9	137,5	-14	-11
Районы	143,0	138,4	139,4	130,2	-13	-9
Область	149,6	145,0	145,2	134,6	-15	-11

* Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Для расчёта индекса из доли положительных ответов («Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние») вычитается доля отрицательных («Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску»), затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

напряженности и потери доверия к власти. Однако при дальнейшей нерешенности задачи национализации элит это может привести к более тяжелым последствиям, форму которых предсказать достаточно сложно, — от результатов предстоящих парламентских и президентских выборов до массовых протестных выступлений.

Оглядываясь в недалекое прошлое, можно увидеть, что и для обеспечения независимости внутренней экономической политики В. Путин делает важные, исторически значимые шаги, которые на первый взгляд могут показаться несвоевременными и непонятными. Однако в комплексе они выстраиваются в четкий логический ряд последовательных решений, направленных

на укрепление всей вертикали власти за счет создания «новой идейно-политической платформы, дающей иное видение экономических проблем и иные способы их решения, имеющей нравственные точки опоры и моральную силу, которая будет осознана обществом»³³.

К таким решениям можно отнести:

- **Федеральный закон от 11.07.2001 №95 «О политических партиях»**, в котором, как отмечают эксперты, «не был заинтересован ни один из привычных политических игроков, однако это был стратегический

³³ Фадеев В. Экономика тонет в фарисействе [Электронный вариант] // Журнал «Эксперт». — 2016. — №3(971). — 18 янв. — Режим доступа: http://expert.ru/expert/2016/3/#page_3

выбор Президента, выбор пути развития системы, сигнал, что президентская власть руководствуется не только краткосрочными соображениями, что там присутствует длинный горизонт принятия решений»³⁴;

- **поправки в Конституцию 2009 г.**, которые обеспечили увеличение срока полномочий Президента и Государственной Думы;

- инициативы В. Путина по созданию **Общественной палаты и Общероссийского народного фронта**;

- **реформу Совета Федерации**, которую поначалу восприняли как «половинчатую и косметическую», мол, «президентская редакция законопроекта отводит гражданам в лучшем случае роль фильтра на выборах, но справедливости ради надо отметить, что новая система все же способна добавить верхней палате парламента толику представительности»³⁵;

- **Федеральный закон от 22.02.2014 №20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»**, который возвращал страну к смешанной избирательной системе, когда одна половина депутатов ГД РФ из 450 человек выбиралась по одномандатным округам, а другая – по партийным спискам (последний раз такая система применялась в 2003 г., и этот шаг существенным образом менял законодательство «в сторону открытости, прозрачности и конкурентности»³⁶);

³⁴ Скоробогатый П. Тираж президентской «ромашки» [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». – 2016. – №5. – 1 февр. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/05/tirazh-prezidentskoj-romashki/>

³⁵ Всё пустое: реформа Совета Федерации оказалась полумерой // Новостное интернет-издание Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2012/06/28/sovfed/>

³⁶ Чем обернется смешанная система выборов на Кавказе // Официальный блог радио «Эхо Москвы». – 2014. – 17 март. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/1260888-echo/

- **реформу судебной системы**, в ходе которой полномочия Высшего арбитражного суда (высшей судебной инстанции, специализирующейся на экономических спорах) передаются Верховному суду РФ, при этом кардинально изменяется процессуальное законодательство, усиливается контроль за решениями судей, администрация Президента создает рабочую группу по правоприменительной деятельности и мониторингу правоприменения в сфере предпринимательства³⁷;

- **меры, принимаемые против офшоров** (в частности, ФЗ №23 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации», согласно которому запрещается бюджетное финансирование компаний, имеющих более 50% уставного капитала в офшорных юрисдикциях);

- **антикоррупционную кампанию**, включающую целый комплекс мероприятий, в том числе усиление уголовной ответственности за коррупцию, привлечение администрации Президента и общественных организаций к проведению совместной антикоррупционной проверки;

- **деятельность по созданию механизма регулярного диалога между представителями бизнеса и правоохранительных органов при посредничестве администрации Президента и личном участии В. Путина**, для того чтобы «выявлять тонкие места и вещи, которые беспокоят, с одной стороны, пра-

³⁷ Как отметил Президент, «реформа должна, прежде всего, способствовать повышению качества и доступности правосудия. Она была предпринята как раз ради решения именно этих задач: для эффективной защиты прав, достоинства, собственности граждан нашей страны, для того, чтобы росло их доверие к суду и к судьям... в самом обществе должно утверждаться уважение к решениям суда, их цивилизованное восприятие... Судьям, которым какие-либо интересы мешают соблюдать законы, стоит поискать другое место работы» (источник: Стенограмма выступления В.В. Путина на семинаре-совещании председателей судов 16.02.2016 // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/51343>).

воохранительную систему, которая обязана обеспечивать интересы всего общества, а с другой стороны, бизнес-сообщество... С тем чтобы и разрабатываемые нормативные акты, и, что очень важно, правоприменительная практика после принятия этих актов соответствовали интересам государства в целом»³⁸.

В совокупности данные меры приводят к такой ситуации, когда различные политические силы действуют в заданных Президентом рамках суверенной национальной политики, испытывая при этом давление со стороны гражданского общества, требующего от элит осознания своего предназначения и своей ответственности.

Каким будет следующий шаг главы государства, пока неизвестно, но нам представляется, что стратегически выверенная деятельность по национализации элит идет уже много лет, на протяжении всех президентских сроков В. Путина. Ее цель — сформировать такой правящий класс, который в дальнейшем сам будет поддерживать рамки конкурентной политики. Идущая большая реформа 2012–2016 годов

прочно закрепила движение нашей страны на этой траектории. «А начинающаяся избирательная кампания в Госдуму—2016 станет испытанием на прочность»³⁹.

Закрепление в Стратегии национальной безопасности — главном стратегическом документе, определяющем приоритеты развития страны, — основ внутреннего политического и экономического развития позволяет рассчитывать на то, что эта работа продолжится, что она будет эффективной и в конечном итоге приведет Россию не только к внешней политической, но и к внутренней экономической готовности соответствовать статусу одного из центров многополярного мира.

Взяв на себя ответственность за комплексное обеспечение реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности (в том числе по вопросам развития экономики, роста уровня и качества жизни населения), В. Путин сделал новый значимый шаг по укреплению российской государственности в процессе перехода страны к новому этапу развития.

³⁸ Путин предложил бизнесу регулярно встречаться с правоохранителями [Электронный ресурс] // РИА-новости. — 2016. — 15 февр. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20160215/1374839273.html>

³⁹ Скоробогатый П. Тираж президентской «ромашки» [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». — 2016. — №5. — 1 февр. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/05/tirazh-prezidentskoj-romashki/>

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

National Security Strategy 2015 — a Step towards the New Phase of Russia's Development

Vladimir Aleksandrovich Ilyin — Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в декабре 2015 – феврале 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (апрель 2015 – февраль 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В декабре 2015 – феврале 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (68–70%), что соответствует средним показателям за 2015 г. (69%) и значительно выше, чем в 2011 – 2014 гг. (59–64%).

Поддержка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца незначительно снизилась (на 3 п.п., с 58 до 55%). В феврале 2016 г. уровень одобрения деятельности Председателя Правительства ниже, чем в 2011 и 2015 гг. (58–59%).

Для справки: в целом по стране за период с декабря 2015 по январь 2016 г. уровень одобрения деятельности главы государства снизился по данным ВЦИОМ на 2 п.п. (с 86 до 84%), по данным Левада-Центра – на 3 п.п. (с 85 до 82%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,5	69,5	72,0	69,3	69,7	68,1	69,4	+5	+11	-6
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	16,2	16,1	17,8	18,1	16,5	16,1	16,8	-6	-9	+5
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	56,5	59,1	60,7	58,1	57,9	54,9	57,9	+4	-1	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	20,5	19,5	22,5	21,0	21,7	22,6	21,3	-6	-3	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,1	40,5	41,5	38,7	39,7	35,1	38,8	-1	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	37,5	35,4	35,4	36,0	35,3	38,2	36,3	-3	+6	+14

* Вопрос задается с 2008 г.

За период с декабря 2015 по февраль 2016 г. доля жителей области, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (51–53%), что соответствует уровню 2014–2015 гг.

Вместе с тем оценка успешности решения Президентом большинства ключевых проблем страны за период с декабря 2015 по февраль 2016 г. незначительно снизилась:

- доля жителей области, считающих, что глава государства успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране, уменьшилась на 3 п.п. (с 51 до 48%);
- удельный вес жителей, положительно оценивающих работу Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан, снизился на 4 п.п. (с 41 до 37%);
- доля тех, кто считает, что глава государства успешно справляется с задачей подъема экономики и роста благосостояния граждан, уменьшилась на 3 п.п. (с 31 до 28%).

В целом оценка успешности действий Президента по решению всех перечисленных проблем сохраняется на уровне 2014–2015 гг., за исключением деятельности по подъему экономики и росту благосостояния населения (в 2014–2015 гг. – 34–35%, в феврале 2016 г. – 28%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	52,7	51,1	52,2	50,7	53,2	50,9	51,8	+1	+6	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	28,7	32,5	32,4	33,1	31,5	29,1	31,2	-1	-2	+6
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>124,0</i>	<i>118,6</i>	<i>119,8</i>	<i>117,6</i>	<i>121,7</i>	<i>121,8</i>	<i>120,6</i>	<i>+3</i>	<i>+8</i>	<i>-13</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	50,1	49,9	51,7	48,6	50,5	47,7	49,8	+2	+13	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	37,5	38,0	37,9	38,7	38,0	37,2	37,9	-1	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,6</i>	<i>111,9</i>	<i>113,8</i>	<i>109,9</i>	<i>112,5</i>	<i>110,5</i>	<i>111,9</i>	<i>+3</i>	<i>+25</i>	<i>-7</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	39,2	42,2	42,6	38,1	41,0	36,9	40,0	+3	+8	-4
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	39,9	38,3	41,7	44,3	43,7	44,3	42,0	-3	-6	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>99,3</i>	<i>103,9</i>	<i>100,9</i>	<i>93,8</i>	<i>97,3</i>	<i>92,6</i>	<i>98,0</i>	<i>+6</i>	<i>+14</i>	<i>-9</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	34,7	36,2	36,6	32,1	30,9	28,0	33,1	-2	+2	-14
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	49,9	49,9	52,6	54,3	55,7	57,0	53,2	0	-3	+14
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>84,8</i>	<i>86,3</i>	<i>84,0</i>	<i>77,8</i>	<i>75,2</i>	<i>71,0</i>	<i>79,9</i>	<i>-2</i>	<i>+5</i>	<i>-28</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2014 г.

По сравнению с декабрем 2015 г. в феврале 2016 г. уменьшилась доля людей, считающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия» (на 4 п.п., с 39 до 35%). Их удельный вес ниже, чем в среднем за 2015 г. (39%), однако выше, чем в 2007 – 2014 гг. (30 – 33%).

Незначительно (на 2 п.п., с 7 до 9%) увеличилась поддержка коммунистической партии (КПРФ): в феврале 2016 г. она достигла своего максимума за период с апреля 2015 по февраль 2016 г. (9%).

В остальном структура партийно-политических предпочтений населения существенно не изменилась: поддержка ЛДПР составила 7%, «Справедливой России» – 3–4%. Такое распределение оценок сохранялось на протяжении всего 2015 года.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
															2014	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,2	40,3	38,5	38,0	39,0	35,1	38,2	+5	+7	+8
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	7,8	6,8	7,1	6,9	6,5	9,4	7,4	-2	-3	0
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	6,1	5,4	5,9	6,1	7,1	6,9	6,3	-1	-2	-1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	3,7	3,3	3,5	3,3	3,7	2,7	3,4	0	-2	-4
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	0,3	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,4	0,5	0,2	0	-2	-2
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	34,4	31,8	31,5	32,5	33,8	32,3	30,5	31,7	32,1	-2	+3	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	10,2	11,7	12,2	12,5	11,6	11,1	13,3	12,9	13,7	12,5	+1	-1	-9

В декабре 2015 – феврале 2016 г. заметно ухудшились оценки социального состояния населения (за период с апреля 2015 по февраль 2016 г. зафиксированы минимальные значения позитивных и максимальные значения негативных оценок):

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», уменьшилась на 7 п.п. (с 70 до 63%);
- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился на 5 п.п. (с 78 до 73%).

Ухудшение психологического самочувствия населения, по-видимому, связано с отсутствием позитивных изменений в динамике материального положения. Так, за последние два месяца не произошло существенных изменений в доле жителей области, считающих себя «бедными и нищими» (50–51%, причем данный показатель оставался стабильным на протяжении всего прошедшего года); продолжает снижаться индекс потребительских настроений (в декабре 2015 – 78 пунктов, в феврале 2016 г. – 75 п., что является самым низким показателем с июня 2015 г.). Негативная динамика ИПН свидетельствует, прежде всего, об ухудшении ожиданий в динамике личного материального положения и экономической ситуации в целом.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	67,6	69,5	73,1	70,4	69,6	63,4	68,9	0	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,6	24,4	23,5	25,4	24,3	28,9	25,5	+1	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,9	79,0	82,2	78,2	78,0	73,1	78,2	-3	+3	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	14,9	14,7	13,3	13,9	12,7	16,1	14,3	+2	-1	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	36,7	39,4	39,9	39,2	38,9	39,9	39,0	-4	-4	-9
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	51,6	48,0	50,5	50,2	50,5	51,4	50,4	+1	+6	+8
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	73,4	80,1	77,9	77,7	77,7	75,0	77,0	-11	-13	-29
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»															

В годовой динамике удельный вес людей, характеризующих свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное», остается стабильным с 2013 г. (69–70%) и более высоким, чем в 2007 и 2011 гг. (65–67%).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2014 г. незначительное снижение доли положительных оценок социального настроения наблюдается только среди жителей городов (в Вологде – на 3 п.п., с 76 до 73%; в Череповце – на 5 п.п., с 76 до 71%), а также среди людей, которые по самооценке доходов попадают в группу 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 3 п.п., с 85 до 82%).

По сравнению с 2007 и 2011 гг. в среднем за последние 6 опросов изменения носят позитивный характер: в большинстве социально-демографических категорий населения доля людей, испытывающих положительные эмоции, увеличилась на 5–8 п.п.

Социальное настроение в различных социально-демографических группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	67,4	72,7	75,2	69,8	69,9	63,9	69,8	+1	+5	+4
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,8	66,8	71,3	70,9	69,2	63,1	68,2	-2	+6	+6
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	73,5	79,4	78,9	82,8	76,9	69,9	76,9	+2	+7	+6
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,9	67,6	72,1	68,0	69,0	62,1	67,8	-2	+5	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	63,7	65,9	70,8	66,0	65,9	61,5	65,6	0	+7	+11
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	64,0	70,2	65,7	64,6	57,8	64,1	+2	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,2	73,6	75,3	70,3	67,7	60,7	69,3	-1	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	73,1	70,6	74,1	75,8	76,9	72,9	73,9	-2	+6	+5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	55,6	57,1	55,7	54,2	49,8	42,6	52,5	+2	+7	+1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,2	71,3	77,7	70,1	72,2	66,3	71,1	-1	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	78,1	82,5	85,1	87,1	78,8	77,9	81,6	-3	+6	+7
Территории															
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	72,5	75,6	77,9	77,6	73,6	65,1	73,7	-3	+7	+11
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	69,8	71,2	74,9	71,4	73,2	66,4	71,2	-5	0	+3
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	63,7	65,1	69,4	65,9	65,0	60,9	65,0	+3	+8	+3
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	67,6	69,5	73,1	70,4	69,5	63,5	68,9	0	+6	+5

Негативные тенденции социального настроения отмечаются в краткосрочной динамике общественного мнения. В первой половине 2015 года (с февраля по июнь) наблюдался устойчивый рост удельного веса жителей области, позитивно характеризующих свое эмоциональное состояние. Однако в августе – октябре 2015 г. в большинстве групп наметились отрицательные тенденции, которые продолжают и в начале 2016 года.

Краткосрочная динамика оценок социального настроения в различных социально-демографических группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Изменение (+/-), фев. 2016 по отношению к...	
								Фев. 2015	Дек. 2015
Пол									
Мужской	61,7	67,4	72,7	75,2	69,8	69,9	63,9	+2	-6
Женский	61,9	67,8	66,8	71,3	70,9	69,2	63,1	+1	-6
Возраст									
До 30 лет	71,3	73,5	79,4	78,9	82,8	76,9	69,9	-1	-7
30-55 лет	58,3	67,9	67,6	72,1	68,0	69,0	62,1	+4	-7
Старше 55 лет	60,7	63,7	65,9	70,8	66,0	65,9	61,5	+1	-4
Образование									
Среднее и н/среднее	54,8	62,1	64,0	70,2	65,7	64,6	57,8	+3	-7
Среднее специальное	65,2	68,2	73,6	75,3	70,3	67,7	60,7	-5	-7
Высшее и н/высшее	65,8	73,1	70,6	74,1	75,8	76,9	72,9	+7	-4
Доходные группы									
20% наименее обеспеченных	38,3	55,6	57,1	55,7	54,2	49,8	42,6	+4	-7
60% среднеобеспеченных	65,2	69,2	71,3	77,7	70,1	72,2	66,3	+1	-6
20% наиболее обеспеченных	80,3	78,1	82,5	85,1	87,1	78,8	77,9	-2	-1
Территории									
Вологда	66,4	72,5	75,6	77,9	77,6	73,6	65,1	-1	-9
Череповец	63,1	69,8	71,2	74,9	71,4	73,2	66,4	+3	-7
Районы	58,6	63,7	65,1	69,4	65,9	65,0	60,9	+2	-4
Область	61,8	67,6	69,5	73,1	70,4	69,5	63,5	+2	-6

Особенно заметно доля тех, кто положительно характеризует своё эмоциональное состояние, уменьшилась в следующих категориях населения:

- люди в возрасте до 30 лет (с октября 2015 по февраль 2016 г. – на 13 п.п., с 83 до 70%);
- жители области со средним и неполным средним образованием (с августа 2015 по февраль 2016 г. – на 11 п.п., с 70 до 59%), а также средним специальным образованием (за этот же период – на 14 п.п., с 75 до 61%);
- люди, которые по самооценке доходов относятся к группам 20% наименее обеспеченных (с августа 2015 по февраль 2016 г. – на 15 п.п., с 58 до 43%) и 60% среднеобеспеченных (за этот же период – на 12 п.п., с 78 до 66%);
- жители Вологды (с октября 2015 по февраль 2016 г. – на 13 п.п., с 78 до 65%).

За последние два месяца (декабрь 2015 – февраль 2016 г.) ухудшение оценок социального настроения произошло во всех социально-демографических категориях населения (на 4–7 п.п.). Отрицательных изменений не наблюдается только среди людей, которые по самооценке собственных доходов относятся к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области.

Заключение

За период с декабря 2015 по февраль 2016 г. динамика общественного мнения по большинству ключевых вопросов, связанных с самооценкой материального положения и социального самочувствия, ухудшилась:

- оценка успешности решения Президентом задач по подъему экономики и росту благосостояния граждан снизилась на 3 п.п. (с 31 до 28%);
- индекс потребительских настроений уменьшился на 3 пункта (с 78 до 75 п.);
- доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 7 п.п. (с 70 до 63%), запаса терпения – на 5 п.п. (с 78 до 73%);
- на стабильно высоком уровне (50%) остается удельный вес жителей области, считающих себя «бедными и нищими» (для сравнения: доля людей «среднего достатка» значительно меньше – 39%).

Отсутствие позитивных изменений в динамике материального положения – одна из главных проблем, волнующих население. Это касается не только жителей Вологодской области, но и россиян в целом. Как отмечает ВЦИОМ, «в январе 2016 г. россиян больше всего беспокоила инфляция. Зато обеспокоенность внешнеполитическими проблемами пошла на спад». Низкие зарплаты, рост цен и положение дел в экономике – три наиболее острые проблемы, которые отмечают жители страны в начале 2016 г.

Затянувшийся характер экономических проблем, ощущаемых населением, негативно сказывается на динамике оценок работы органов власти. В Вологодской области уровень поддержки главы государства пока остается стабильным (68–70%), однако в целом по стране отмечается снижение оценок деятельности Президента (с 86 до 84% по данным ВЦИОМ и с 85 до 82% по данным Левада-Центра).

Таким образом, продолжающиеся негативные процессы в российской экономике становятся всё более важным фактором, определяющим тенденции социального самочувствия россиян и их отношение к деятельности органов управления. В начале 2016 г. опасения за своё материальное положение «вытеснили» актуальность проблем международного характера. Подобная ситуация наблюдалась и в начале прошлого года, когда рост цен и падение уровня жизни стали для людей более значимыми, чем развитие событий на Украине (включая вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации).

31 декабря 2015 г. В.В. Путиным была подписана новая Стратегия национальной безопасности, в которой зафиксировано, что «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации»².

Таким образом, Президент берет на себя персональную ответственность за реализацию ключевых приоритетов национальной безопасности, в том числе в сфере экономики, уровня и качества жизни. Этот шаг главы государства свидетельствует, с одной стороны, о неудовлетворенности результатами деятельности экономического блока Правительства, с другой стороны, позволяет рассчитывать на преодоление негативных процессов в экономике и приведение внутренней системы управления в соответствие с национальными интересами.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 31 дек. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Как сообщалось в предшествующем выпуске нашего журнала, в декабре 2015 года в Вологде состоялась VII Международная конференция «Стратегия и тактика социально-экономических реформ», которая была приурочена к 25-летию со времени основания ИСЭРТ РАН. В ходе пленарных заседаний конференции были заслушаны и обсуждены доклады известных российских ученых, руководителей обществоведческих изданий, а также представителей органов региональной и местной власти. Большой интерес у участников конференции вызвал доклад доктора экономических наук, профессора главного редактора журнала «Экономист» С.С. Губанова. Ниже излагаются основные положения этого доклада*, затрагивающие ключевые вопросы решения экономических и социальных проблем, вставших на нынешнем этапе развития России.

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.2

УДК 330.35, ББК 65.012.332

© Губанов С.С.

Системные предпосылки экономического подъема России

**Сергей Семенович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

В начале своего выступления С.С. Губанов обратил внимание на то, что во всех предшествующих его докладу речах, при всех девиациях социологических оценок и графических значений основное восприятие событий в стране — это стабильная кризисная ситуация. Становится модным миф о том, что страна ввергнута в со-

стояние неопределенности. «Я, — сказал докладчик, — дам такое название этому по-верью: определенность “неопределенности”». Почему так?

Прежде всего потому, что на фоне современного развития неоиндустриальной парадигмы формула «вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация» отно-

* Обзор доклада С.С. Губанова «Системные предпосылки экономического подъема России» подготовил к.э.н. М.Ф. Сычёв.

сится не только к России, но и к мировому хозяйству в целом. Совершенно однозначно можно говорить, что в промышленно развитых странах развертывается высокотехнологическая или технотронная индустриализация, цифровая индустриализация и плюс — что самое главное, ибо это ее системная основа, — вертикальная интеграция. А сегодня уже можно говорить также и о сетевой интеграции. Но нам достаточно было бы, если б удалось обеспечить хотя бы горизонтальную и вертикальную интеграцию.

Формула развития России: вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация. В приведенную формулу развития России экспортно-сырьевая модель не входит, и это было видно еще несколько лет назад.

Так, в наших публикациях при констатации ситуации 2009 года отмечалось: если мы сохраняем в посткризисный период экспортно-сырьевую модель экономики, то вместо высоких темпов роста попадаем прямоком в ситуацию затяжной депрессии. По расчетам, в 2009 году реальный КПД экспортно-сырьевой модели не превышал 13%. Сейчас ее КПД означает арифметический ноль. Что подразумевает под этими 13%? В долларовом выражении с 2000 по 2008 год ВВП нашей страны вырос примерно в 6 раз, а реальная покупательная способность граждан, бюджета и предприятий увеличилась максимум на 27%, то есть не дотягивает даже до трети. Такой перепад происходит за счет инфляции нефтедоллара — параметра, которым наша страна абсолютно не управляет. Но игра в экспорт сырья — это игра с нулевой суммой: когда мы дороже продаем нефть, газ и остальные ресурсы, то дороже покупаем оборудование и другие продукты. Инфляция нефтедоллара не дает нам ровно никакого выигрыша.

В 2009 году на основе анализа нами было высказано еще одно кажущееся весьма категоричным суждение о том, что сырьевого роста нашего ВВП в посткризисный период уже не будет ни при каких условиях.

Интересные выводы мы опубликовали в январе 2012 года. Заметьте, еще нет никаких украинских событий, никакого Майдана, действуют высокие цены на нефть, нет санкций, нет отсечения от мировых рынков рефинансирования, с точки зрения внешних условий ситуация благоприятная. Выполняя в это время исследовательскую работу, как это обычно бывает, вместе с основным мы получили довольно интересный побочный результат, доказав, что второй волны мировой рецессии в промышленно развитом мире в 2012 году не будет. Зато совершенно неожиданно, согласно расчетам, опасность автономной рецессии выявилась для России.

Проведенный в середине 2012 года анализ эмпирического и статистического материала показал, что оценка, сделанная в январе, абсолютно корректна. Тогда было спрогнозировано то, что мы увидели потом в декабре 2014 года. И тогда уже в профессиональном экономическом сообществе пошла речь об антикризисной политике.

Итак, с чем же мы имеем дело: с временной остановкой темпов экспортно-сырьевого роста или с кончиной самой экспортно-сырьевой модели? Что перед нами? Если перерыв в росте, тогда это временное, конъюнктурное нефундаментальное событие. Если же это конец экспортно-сырьевой модели, значит, необходим поворот к совершенно новой модели развития. Это не означает конец России, наоборот, это конец старой и начало новой модели.

Если мы в 2008 году солидарно говорили, что повторения 1998 года не будет, то, к сожалению, в нынешней ситуации соз-

дались предпосылки национального дефолта. Его скрытое состояние видно по неспособности государства обеспечивать свои внутренние обязательства, например перед категориями бюджетников, пенсионеров и т.д. Происходящий сегодня отказ от полноценной индексации на величину инфляции — это не что иное, с точки зрения финансовой дисциплины, как частичный дефолт. Бюджетный дефолт есть не что иное, как следствие дефолта экспортно-сырьевой модели.

Поэтому с позиции нынешнего дня мы дискутируем с ретролибералами — теми, кто представляет позицию дня минувшего. Я их упоминаю, потому что они взялись выяснять истоки автономной рецессии в нашей стране после того, как она стала фактом. А мы знали эти причины до того, как она случилась. Отсюда возникает риторический вопрос: кто имеет право на разработку антикризисных мер? Тот, кто ничего не понимает в ситуации, или тот, кто доказал ее понимание, предвосхитив ее три года назад?

Предложения ретролибералов сводятся к следующему: осуществить переход от экономики спроса к экономике предложения. Звучит вроде бы резонно: у государства сейчас все равно нет средств на поддержку спроса, поэтому давайте перейдем к экономике предложения. Сократим налоги, уберем поддержку по многим расходным статьям, начиная с обороны, инфраструктуры, подрежем социальные расходы, расходы на науку. Естественно, что экономика предложения в том исполнении, как нам предлагают ретролибералы, это не что иное, как банальный откат к ситуации 1990-х годов, когда вся экспортно-сырьевая рента перекочевывала в карманы олигархов, а те совершенно не поддерживали внутренний спрос. Особое внимание хочется обратить на то, что все рассуждения ретролибералов,

таких как А. Кудрин, А. Улюкаев, Е. Гурвич, основаны исключительно на мифе — экономики спроса в России не было и нет.

Весь ли прирост ВВП первого десятилетия 2000-х годов становился приростом совокупного внутреннего спроса страны? Если была экономика спроса, значит, все, что прибавилось к ВВП, обратилось во внутренний спрос. Если это не так, значит, рассуждения об экономике спроса — просто досужные разговоры. А вот как это проверить? Ясно, что нужно учесть еще один параметр — то, что вычитается из этого прироста, т.е. так называемый чистый экспорт. Наши расчеты показывают, что чистый экспорт за весь анализируемый период превышал прирост ВВП, в итоге совокупный внутренний спрос не только не возрастал соразмерно приросту ВВП, а из года в год сокращался. Сокращался из-за оттока капитала, резервирования, размещения средств в зарубежных ценных бумагах и из-за схемы обмена товарного на бестоварное, т.е. виртуальное.

Но что же добило экспортно-сырьевую модель? Не санкции, не цены на нефть, не другие конъюнктурные внешние факторы, а феномен, который называется новой индустриализацией промышленно развитых стран.

Иногда мы можем слышать о реиндустриализации в странах ЕС, в США, Великобритании. К сожалению, у нас в переводных терминах очень слабо ориентируются и плохо представляют себе, что это такое. Иногда можно услышать совершенно несуразную трактовку: реиндустриализация — увеличение доли промышленности в ВВП. Это неаутентичный перевод. Под реиндустриализацией в промышленно развитых странах понимают, прежде всего, антипод финансиализации, т.е. нынешнего состояния, когда финансовый капитал доминирует в экономической системе и коман-

дует ею. Реиндустриализация же означает стремление вернуть господствующие позиции промышленному капиталу. Это аутентичное понимание реиндустриализации в США и англо-саксонском ядре. Однако и это еще не охватывает процессов развития и прогресса, которые на самом деле происходят в промышленно развитых странах, потому что там всюду идет автоматизация и роботизация производительных сил. Рост качества и удельного веса автоматизированных рабочих мест — это и есть первый показатель новой индустриализации. В материальном производстве США автоматизировано более 25% рабочих мест. В целом цифра автоматизации рабочих мест в промышленно развитых странах сегодня достигает 60%. Вот что такое новая индустриализация в действии. В России уровень роботизации составляет всего 0,2%.

Каким образом новая индустриализация в ЕС похоронила нашу экспортно-сырьевую модель? Прежде всего путем роста доли постнефтяных источников, т.к. процесс новой индустриализации сопряжен с переходом от тепловой углеводородной энергетики к постнефтяной, не сжигающей. Еще в 2009 году мы высказали прогноз, что в электробалансе Европейского союза доля постнефтяной энергетики к настоящему времени составит 33–35%. Действительно, Европейский Союз уже вышел на 33% удельного веса альтернативных источников в совокупном электробалансе, что в нефтяном эквиваленте означает годовую экономию до 160–170 млн. тонн нефти. На эту сумму сократился спрос на нефтегазовый экспорт России. Понятно, что сюда входят такие процессы, как рециркуляция ресурсов, рост энергоэффективности и др. Они камня на камне не оставляют от былой сумасбродной идеи превратить Россию в энергетическую сверхдержаву.

Ещё раз подчеркиваю, что старая экономическая система абсолютно бесперспективна. Роста она нам не даст, что бы мы ни делали. Но это не значит, что перед нашей страной закрыты перспективы развития. Перспектива развития есть, ресурсы, потенциал развития есть, но не хватает экономической системы, рассчитанной на подъем страны. Нам нужно совершить переход к экономической системе, рассчитанной на социально-экономический подъем. Именно он гарантирует нам развитие.

В связи с вышесказанным С.С. Губанов озвучил следующие предложения.

1. Необходима разработка долгосрочной стратегии новой индустриализации России до 2020 года, но не абстрактной Стратегии–2030, как ее сегодня рисуют, а именно стратегии новой индустриализации. Нужно стремительно автоматизировать производительные силы. С точки зрения социальной структуры общества это означает увеличение доли интеллектуального труда в совокупном распределении общественного труда.

2. Государственное руководство должно обеспечить равные условия разработки как ретролиберальной, так и неоиндустриальной программы развития. До сих пор административные и финансовые ресурсы находятся в руках ретролибералов, а у того, кто отстаивает новую индустриализацию, совершенно нет возможности и нормальных условий для разработки программы новой индустриализации страны. Мы выступаем за то, чтобы и та, и другая программа получили равные условия для разработки, для привлечения специалистов, организации научных коллективов и т.д.

3. Сегодня вся модель прогнозирования рассчитана на входной параметр в виде цены за бочку нефти. Следует создать другую модель прогнозирования и плани-

рования, рассчитанную на входной параметр в виде почасовой производительности труда и заработной платы. Это профессиональный вопрос, и мы знаем, как его решить.

4. Необходимо провести Всероссийское экономическое совещание по системным вопросам новой индустриализации. Это достаточно гибкая для государственного руководства форма и в политическом смысле накануне электорального цикла. Если государственное руководство сочтет, что не все вопросы достаточно проработаны, оно может откреститься и сказать, что это диспут в научном сообществе. Если оно сочтет, что вопросы решены достаточно глубоко и предметно, то может уже выходить на общегосударственное решение. Поэтому я считаю, что такая форма

обсуждения и принятия системных изменений накануне электорального цикла достаточно продуктивна.

Условиями реализации этих предложений является поддержка научного и промышленного сообщества со стороны органов региональной и федеральной власти и, на чем хотелось сделать особый акцент, — издание соответствующих поручений Президента РФ. Президент поручил обновление Стратегии—2020 не тем людям и не тем командам. Именно это я подразумеваю, когда говорю об издании других поручений Президента по затронутым вопросам.

Таковы альтернативы системного выбора. Мы отлично видим перспективы развития нашей страны, у нас есть конкретные предложения и полное понимание того, как их реализовывать.

Сведения об авторе

Сергей Семенович Губанов — доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Экономист», Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, (19991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1)

Gubanov S.S.

System Prerequisites for Economic Recovery of Russia

Sergei Semenovich Gubanov — Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of the journal “Economist”, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

In the latest issue of the Journal we informed our readers about the 7th International Conference “Strategy and Tactics of Socio-Economic Reforms” that was held in December 2015 in Vologda. The event was dedicated to the 25th anniversary of ISEDT RAS. Renowned Russian scientists, chief editors of social science publications and representatives of regional and local authorities delivered their reports at the plenary sessions of the conference. The report delivered by Sergei Gubanov, Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of the journal “Economist”, was considered to be of great interest by the conference participants. Here we outline the main provisions of the report touching upon the key issues that would help resolve economic and social problems that Russia is facing at the current stage of its development.*

* The overview of Sergei Gubanov’s report “System prerequisites for economic recovery of Russia” was prepared by Ph.D. in Economics Mikhail Sychev.

Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации*

**Александр Иванович
ТАТАРКИН**

академик РАН, профессор
Институт экономики УрО РАН,
620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
tatarkin_ai@mail.ru

Аннотация. В статье предложена авторская позиция по формированию в Российской Федерации смешанной (конвергентной, двухпутной) модели социально-экономического и общественного развития – как имманентно присущей федеративному государству с многонациональным населением, огромным пространством, разнообразием экономических укладов, обусловленных историческими и национально-культурными традициями. За основу авторской позиции взят широко обсуждаемый и дискутируемый тезис о необходимости органического сочетания преимущественно государственного регулирования макроэкономических процессов с преимущественно рыночным саморегулированием микроэкономических процессов. В рамках смешанной модели социально-экономического и общественного развития обосновывается необходимость более активного и, главное, результативного использования «точечного» государственного регулирования при создании благоприятных и равных условий для системного развития всех форм (частного, с государственным участием) бизнеса и расширении «коридора возможностей» для пространственного обустройства всех российских территорий и повышения качества и уровня жизни всего российского населения (независимо от места проживания и занимаемой должности). Обоснована теоретико-методологическая возможность успешной реализации смешанной модели в Российской Федерации.

Ключевые слова: теоретико-методологические направления регулирования социально-экономического развития, их роль в регулировании, либерально-рыночное, государственно-плановое, смешанное регулирование, их преимущества и «провалы», регулирующий потенциал общества, качество регулирующего воздействия и его «границы», оценка результативности регулирующего воздействия.

* Статья подготовлена на средства Программы УрО РАН №14.

Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти.

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов [1, с. 349].

В мировой и отечественной литературе активно обсуждается возрастающая роль регулирующего воздействия общества и государства на социально-экономические и общественные процессы в интересах повышения устойчивости, системности и общественной результативности развития [2, с. 96-100; 3], обсуждается методология и предлагаются авторские методики оценки качества и результативности регулирующего воздействия государства на социально-экономические и общественные процессы [4; 5], обосновываются предложения по совершенствованию правовых институтов для достижения режима экономики и устойчивости развития [6; 7; 8]. Предлагаются математические модели для достижения «оптимальности разрабатываемого регулирующего решения» [4; 9]; посредством «экономико-математического моделирования обосновывается несостоятельность действующей экономической системы России, а также погрешности ее конструкции» [10, с. 2 (аннотация)].

Отмеченное выше дает основание считать, что проблема качества управления социально-экономическим и общественным развитием нуждается, во-первых, в постоянном и профессиональном обновлении для повышения качества и результативности регулирования с учетом меняющихся условий (международных и внутренних); во-вторых, в постоянной «нацеленности» на оптимизацию государственных расходов на содержание

и обслуживание госаппарата, эффективное и результативное расходование выделяемых государственных инвестиций и льготных кредитных ресурсов, осуществление всемерного режима экономии как решающего условия устойчивости и конкурентоспособности любой рыночной системы; в-третьих, в активном и системном использовании инновационных факторов и источников развития не только ведущих отраслей реального сектора экономики, но и всех уровней управления и регулирования. Для этого необходимо не столько постоянно реформировать, сколько «подстраивать» науку (академическую, прикладную, отраслевую), образование (общее, профессиональное, высшее), здравоохранение и другие социальные сферы под потребности устойчивого и социально ориентированного общественного развития Российской Федерации.

Теоретические подходы к выбору регулирующих моделей социально-экономического развития разных стран

Традиционно считается, что каждая страна обладает и использует в интересах системного и устойчивого развития широкий набор регулирующих воздействий на всех субъектов и участников рынка, с одной стороны, ориентируясь на сформировавшиеся в обществе исторические, национальные, культурные и иные традиции и образ жизни населения, а также приоритеты их сохранения и развития. Существенную роль в выборе приоритетов развития играют форма государственного устройства (унитарное, федеративное, конфедеративное) и форма государственного правления (монархия, президентская, парламентская республика). С другой стороны, опираясь на сложившиеся в обществе структурные, пространственные, инфраструктурные, социальные и иные особенности, требующие

приоритетного решения для поддержания системности и устойчивости развития. В зависимости от названных особенностей можно классифицировать основные теоретические подходы и регулирующие модели (регуляторы) по трем укрупненным группам.

Рыночная модель (либерально-рыночная) – наиболее ранняя, во многом эффективная и универсальная модель регулирующего воздействия на социально-экономические и общественные процессы в своем развитии основывалась на нескольких теоретических направлениях и школах. Наиболее известна так называемая соломанская научная школа (Хуан де Матъенсо, Хуан де Луго и др.), преобладавшая в XVI–XVII вв. и считающаяся основательницей теории свободных рынков с конкурентным соперничеством и абсолютной свободой рыночных агентов. Роль государственного регулирования сводилась к созданию условий для свободы предпринимательства и ограничению внешних конкурентов. С конца XVII и до начала XX в. все национальные рыночные системы развивались в рамках классической школы, у истоков которой стояли величайшие экономисты Вильям Петти, Адам Смит, Давид Рикардо, Жан Батист Сэй. По их мнению, использование принципов государственного невмешательства и полная свобода рыночной деятельности автоматически обеспечивают эффективное распределение произведенного товара (услуг, работ) по Паретто. Основной их постулат рыночного саморегулирования основан на предположении, что перепроизводство в рыночной экономике невозможно в принципе, поскольку производство через рыночные механизмы «невидимой рукой» (по А. Смиту) якобы автоматически формирует свой собственный спрос и поддерживает (опять же автоматически!) равновесие на национальном рынке.

К слову, «невидимая рука рынка» используется А. Смитом совершенно в другом смысле, не в плане признания за рынком всеобщего и единственного эффективного регулятора, а в качестве механизма, способного через достижение частного экономического интереса в производстве и присвоении прибавочной стоимости обеспечивать «поддержку отечественной промышленности. «Разумеется, – продолжал А. Смит, – обычно он (владелец капитала. – А.Т.) не имеет в виду содействовать общественной пользе и не осознает, насколько он содействует ей... Он имеет в виду лишь свой собственный интерес... преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения...» [1, с. 443]. А. Смит последовательно и настойчиво выступал против административного ограничения свободы предпринимательского саморегулирования, в том числе и посредством ограничения монополизации экономики, излишнего государственного вмешательства, возрастающих государственных расходов.

В XIX веке заявила о себе и в XX веке приобрела популярность кембриджская научная школа Альфреда Маршалла и других видных экономистов. Свободная конкуренция как особый институт самоорганизации и саморегулирования бизнеса воспринимается А. Маршаллом как особая форма свободы производства и предпринимательства. Свободная конкуренция преподносится как способ организации, обеспечивающий оптимальное распределение труда и ресурсов между агентами рынка.

Представители австрийской научной школы (Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Бенджамин Андерсон и др., XIX–XX вв.) в своих теоретических исследованиях исходили из утверждения, что эффек-

тивный обмен и рациональное использование ресурсов возможно лишь посредством ценового механизма на свободном от государственного вмешательства рынке. Ценовой механизм, по их мнению, способен оптимально разделить и синхронизировать общее и личное знание, позволяя обществу добиваться наивысших результатов за счет самоорганизации. Близкой к названной научной школе считается и чикагская научная школа (Милтон Фридман, Арнольд Харбергер и др.), центральной идеей которой предложена децентрализация власти и передача полномочий на максимально низовой уровень, поскольку, по их мнению, существует прямая зависимость темпов экономического роста от уровня экономической свободы населения и рыночных агентов.

Государственно-плановая модель регулирования социально-экономических, в том числе и рыночных, отношений и процессов. В названной группе интерес представляют две научные школы. Представители школы экономического романтизма (Жан Шарль Сисмонди, Пьер Жозеф Прудон) исходили из постулата, что «невидимая рука» рынка не всегда поддерживает равновесие, как и погоня за увеличением личного дохода. Отсюда выводилась необходимость регулирующего вмешательства государства для «сглаживания страдания населения» в периоды кризисов, которые есть результат опережающего развития производства.

Видные представители марксистской научной школы (Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Карл Каутский, В.И. Ленин и др.) настаивали, что только обобществление собственности и планомерное регулирование воспроизводственных процессов способны устранить «анархию» и «диспропорции» рынка и обеспечить системное и устойчивое социально-экономическое и общественное развитие.

Смешанная модель оптимального и гибкого сочетания государственного регулирования макроэкономических параметров социально-экономического и общественного развития с рыночным саморегулированием на микроуровне.

Многие авторы рассматривают ее как двухпутную (*double track*) или конвергируемую экономику. Родоначальником этой модели считается американский социолог российского происхождения Питирим Сорокин, идеи которого достаточно успешно реализуются в Швеции, Финляндии, Китае, Казахстане, Белоруссии и других странах. Смешанная модель регулирующего воздействия на социально-экономическое развитие имеет свои относительно обособленные научные школы и направления исследования. В частности, кейнсианская научная школа (Джон Кейнс, Джоан Хикс, Джоан Робинсон и др.) за основу своих исследований принимала неизбежность экономических кризисов и их циклический характер в условиях рыночного перепроизводства, что делает неизбежным участие государства и его регулирующих возможностей для поддержания устойчивости развития и сбалансированности предложения и спроса. Представители научного направления по конвергенции (сближению) капиталистической рыночной и государственной плановой систем регулирования (Джон Гэлбрейт, Торстейн Веблен и др.) опираются на неизбежное сближение двух регулирующих моделей путем заимствования друг у друга положительных качеств в целях формирования постиндустриального общества, свободного от рыночных и плановых изъянов [11, с. 27, 28].

Краткое знакомство с содержанием наиболее обсуждаемых моделей социально-экономического и общественного развития позволяет выделить то общее, что их

объединяет, и то сущностное, что их разъединяет. Объединяющим началом для всех рассмотренных школ и предлагаемых ими регулирующих моделей является поиск наиболее эффективных (с точки зрения затрат) и результативных (с позиций конечного результата) государственных (ГР) и рыночных (РР) регуляторов, в наибольшей степени соответствующих национальным и историческим особенностям страны и менталитету большинства населения. При этом традиционно отвергаются другие модели и подходы по основаниям, часто далеким от экономики, — идеологическим, политическим, нравственным. Разъединяет все вышеперечисленные модели и школы, на наш взгляд, отсутствие стремления осознать очевидную истину: в природе и обществе нет и не может быть явления (процесса, модели, отношения, института, механизма и т.д.) только с положительными или только с отрицательными свойствами или характеристиками, как нет и не может быть атома только с положительным или только отрицательным зарядом. Тем более если регулируется проблема социально-экономического развития, где каждый, даже незначительный фактор роста может стать решающим в конкурентной борьбе.

Диалектика развития любого явления (процесса, института, отношения) основана на «борьбе противоположностей», которые и становятся, — при профессиональном регулировании, — источником их устойчивого и системного развития. Отсутствие же профессионализма неизбежно замедляет развитие и снижает его результативность. Именно поэтому нами предлагается рассматривать регулирующий потенциал общества в единстве всех существующих и действующих форм, институтов и моделей регулирующего воздействия субъектов (государства, его компетентных органов, рыночных агентов) на социально-

экономические и общественные процессы в целях достижения прогнозируемого конечного результата (обеспечение устойчивого и сбалансированного экономического роста, модернизационное обновление производства, реструктуризация экономики, поддержание социального согласия в обществе, повышение качества жизни населения).

Предложенная формулировка регулирующего потенциала общества требует, как свидетельствует практика последних лет, большей ее конкретизации относительно разных уровней общественного и государственного обустройства, частных компаний и монопольных объединений, общественных объединений и институтов гражданского общества. Особые формы регулирующего воздействия должны использоваться в отношении регионов и муниципалитетов, финансовой и налогово-бюджетной систем, территориально-пространственных образований (агломерации, экономические зоны, территории опережающего развития, кластерные объединения, инновационные центры и др.), малого и среднего бизнеса, особенно в АПК.

С «высот» теоретико-методологических попытаемся осмыслить, насколько эффективно и результативно используется регулирующий потенциал в Российской Федерации и что мешает полноценно, эффективно и, главное, результативно его использовать в интересах системного и устойчивого развития во благо для всех?

Методологические подходы к оценке критериев оценки качества и результативности экономических регуляторов

Общепризнанным теоретическим постулатом считается, что экономические регуляторы могут по-разному влиять на социально-экономическое и общественное развитие. *Во-первых*, они способны содействовать и мотивировать развитие в нуж-

ном обществу направлении, обеспечивая достижение требуемых результатов, если объективно учитывают внешние условия и не менее объективно оценивают ресурсный потенциал общества. *Во-вторых*, регулирующее воздействие может сдерживать социально-экономическое и общественное развитие по причине низкого качества регулятора, формальной оценки конечного результата регулирующего воздействия, отсутствия должного профессионализма при разработке и использовании регулятора. Примеров подобного сдерживания в российской практике много и разных: от исключительно субъективного «желания» правительственных чиновников с 2011 г. и вплоть до 2020 г. ежегодно повышать не зарплаты и даже не пенсии и пособия на детей, а цены и тарифы на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки и коммунальные услуги на 8–31% до увеличения страховых и пенсионных взносов малым бизнесом и индивидуальными предпринимателями, что привело к резкому сокращению их численности, а следовательно, и деловой активности во всех без исключения регионах и муниципалитетах.

В-третьих, при слабой научной проработанности регулирующее воздействие может выступать искусственным «барьером» на пути системно устойчивого социально-экономического развития в целом или отдельных его направлений. По мнению Т. Фомиченкова, от «500 тысяч или даже миллион человек можно вовлечь в малый бизнес дополнительно, правильно отрегулировав и настроив налоговую систему» [12, с. 5]. К сожалению, «настройки» у российской власти зачастую надолго затягиваются, как с последним обещанием (на календаре уже февраль 2016 г., а к регулированию еще не приступали!), или наносят ощутимый ущерб рыночным агентам, населению и всему обществу. Не подготов-

ленное профессионально, исключительно волевое повышение Правительством РФ более чем в два раза размера фиксированного страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию для индивидуальных предпринимателей вызвало резкое снижение их численности и снятие с учета: во Владимирской области – 6800, в Кировской – 6493, Республике Бурятия – 4133, Томской области – 4000, Калининградской – 2872, Брянской – 7557 [13, с. 1, 3].

Непрофессионально подготовленное регулирующее решение не только «выбросило» из экономической деятельности более 100 тыс. человек, лишив индивидуальных предпринимателей (и работающих с ними) источника существования, но и не обеспечило цели – «наполнить до краев» страховую часть пенсионного фонда. Наполнить не наполнили, но региональным и муниципальным бюджетам вред нанесен заметный. По оценке аудитора счетной палаты Ю. Росляка бюджеты Белгородской области от «регулирующих новаций правительства» оскудели на 247 млн. рублей, Владимирской – на 46 млн., Кировской – на 28 млн. [там же, с. 3]. И это только прямые налоги. А какой ущерб нанесен бизнесу?

Вывод в подобных случаях напрашивается однозначный: слишком дорого обходится российскому обществу непрофессиональное, а часто и формальное отношение властной элиты к качеству государственных регуляторов.

Серьезные претензии к качеству государственного регулирования и у Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Главной проблемой, по мнению союза, остается нехватка квалифицированных кадров и слабая научная проработка принимаемых правительством регулирующих решений [14, с. 38-41]. Проблема ценового и тарифного регулирования, судя по результатам опроса членов

РСПП, продолжает оставаться главным «сдерживающим» развитие бизнеса фактором. Более 38% опрошенных членов Союза высказали обеспокоенность нарастающей «бесконтрольностью», а в чем-то и «лоббируемым» государством ростом цен и тарифов либо созданием государственными органами льготных ценовых и тарифных условий для отдельных компаний, как и отсутствием эффективных регуляторов ценовых действий посредников. Представители бизнеса предлагают активнее использовать «ценовые и инвестиционные, налоговые и кредитные стимулы» для импортозамещения, освоения инновационной и конкурентной продукции, модернизационного обновления и реиндустриализации отечественной экономики.

Повышением эффективности и результативности регулирующего воздействия государства на социально-экономическое и общественное развитие обеспокоены не только представители бизнеса, руководители регионов и муниципалитетов, научное и образовательное сообщество, но и большинство российских граждан. Предлагаются разные формы общественной оценки проектов регулирующего воздействия: от одобрения сообществом, условия которого меняются (А.Б. Пугачева на встрече с депутатами Государственной Думы), перехода исключительно к проектному регулированию с научным обоснованием цели и конечного результата, определения ответственных за сопровождение проекта и мониторинга процессов его реализации до отказа от любых «навязываемых» обществу регулирующих реформ и инициатив без серьезной научной и правовой экспертизы и их публичного общественного одобрения. Наиболее показательной считаем позицию Г.О. Грефа, который, открывая дискуссию на Петербургском Международном экономическом форуме, заявил: «Единственное

отличие успешных государств от неудачных — в качестве государственного аппарата и его управления. История знает факты, когда государства обладали всеми ресурсами и являлись бедными на протяжении веков. Есть государства, которые не обладают ресурсами, но за счет качества государственного управления достигли значительных успехов в развитии и уровне благосостояния» [15, с.17]. На необходимость усиления внимания российского руководства к проблеме качества и результативности регулирующего воздействия государства на социально-экономические и общественные процессы вынуждены указывать и зарубежные политики и представители бизнес-сообщества.

Выступая на Петербургском Международном экономическом форуме, Э. Блэр, бывший премьер Великобритании, отметил, что для серьезного переустройства общества необходима методология реформ, которая имеет решающее значение для достижения прогнозного результата. «Нужно иметь инструментарий по реализации реформы, который поможет донести до людей то, что вы делаете, и так, чтобы страна за вами пошла» [15, с. 19]. Эту мысль продолжает Лим Сион Гуан (президент группы GIC, Сингапур), утверждая, что «цели правительства должны отражать потребности общества в целом и... под цели — привлекать профессионалов» [там же, с. 20]. На Петербургском, а затем и Гайдаровском форумах отмечалось, что выход российской экономики на траекторию устойчивого развития потребует реструктуризировать экономику, реформировать и обновить правительство (путем привлечения в его состав профессионалов), которое должно наконец определиться с курсом (моделью) и работать на основе доверия по улучшению делового, инновационного и инвестиционного климата. Тот факт, что этого не сделано

до сих пор, расценивается зарубежными и отечественными специалистами как один из самых серьезных изъянов российского политического руководства [16, с. 1, 2]. «Мы, конечно, проводили модернизацию, но не теми темпами, которые могли быть, если бы у нас не было таких социальных расходов», – сказал Д. А. Медведев, добавив, что рост благосостояния увеличивает быстрее роста экономики [16, с. 2].

Достаточно продолжительный период развития большинства стран мирового сообщества по разным моделям рыночной системы хозяйствования позволяет утверждать, что каждая модель имеет не только недостатки, которые обстоятельно анализируются и по минимизации которых принимаются меры обществом и государством. Определены и отработаны каждым государством модели рыночного развития, которые в большей степени учитывают исторические, национально-культурные, структурно-производственные, пространственные, научно-образовательные и другие особенности, что позволяет через государственные органы в большей степени учитывать потребности всех групп населения и содействовать их удовлетворению. Рыночно развитые страны используют в основном две модели: либеральную экономическую (ЛЭМ) и модель социального рыночного государства (СРГ), каждая из которых имеет плюсы и минусы, подробно рассмотренные В.А. Кашиным [6, с. 47-62].

Любая рыночная система имеет и свои национальные достоинства, профессиональное понимание которых и системное использование в интересах устойчивого развития и повышения благосостояния всего населения должно стать лейтмотивом деятельности всех государственных органов Российской Федерации. Какие пре-

имущества рыночной системы делают ее привлекательной для многих стран, в том числе и бывших социалистических?

Выделим наиболее существенные и наиболее значимые для развития, до сих пор «слабо» усвоенные российским руководством и чиновниками.

1. Частная инициатива и предприимчивость большинства населения в условиях рыночной конкуренции становится «двигателем» инновационного развития производства и формирования экономики, основанной на новейших знаниях, а потому их системная государственная поддержка должна быть нормой, а не исключением.

2. Частная инициатива и предприимчивость предполагает всемерную экономию труда, средств и ресурсов. Действие всеобщего закона Экономии времени в условиях рыночной системы превращается в решающий источник системного и устойчивого социально-экономического и общественного развития. Да, устойчивость часто нарушается экономическими кризисами перепроизводства, что, на наш взгляд, лишней раз свидетельствует о «несбалансированности» усилий государства и бизнеса в согласованном регулировании социально-экономического развития. Эта важнейшая аксиома любого рынка, к сожалению, до сих пор не находит понимания у российского руководства. Позитивной рекомендацией Петербургского Международного экономического форума можно считать призыв к российской власти заняться сокращением госрасходов и оптимизацией госаппарата. В настоящее время госрасходы составляют 40% ВВП страны, из них более 32% приходится на содержание и обслуживание госаппарата, что в 2,5 раза выше, чем в США (13%), в 3 раза – чем в Германии (11%), в 3 раза – чем в Великобритании (10%) [22, с. 69].

3. Частная инициатива и предприимчивость позволяют системно и на высоком технологическом уровне развивать наиболее конкурентные отрасли и сферы национальной промышленности, превращая их в «локомотив» социально-экономического и общественного развития, повышения международного признания страны.

4. Свободное рыночное ценообразование должно, а по рыночной логике и обязательно контролироваться обществом в лице государства. Устанавливаемый многими государствами (в том числе и США) «ценовой коридор» для социально значимых товаров и услуг призван не столько ограничивать их производство, сколько поддерживать социальное благополучие большинства населения страны в глобализирующемся и быстро меняющемся мировом сообществе.

5. Проблема социального благополучия населения решается в странах с развитой рыночной системой с учетом исторических и национально-культурных традиций. В условиях ЛЭМ, по справедливой оценке В.А. Кашина, фундаментальной основой социального обеспечения граждан является достойная зарплата (минимальный размер которой регулируется государством) и их социальное страхование, то есть ограничивается участие государства в социальном обслуживании населения. Государство «берет на себя заботу только в отношении граждан, попадающих в страховые случаи – когда они физически не способны себя обеспечить (по причине болезни, потери трудоспособности и т.д.). В остальных же случаях способные к труду граждане должны сами решать свои социальные проблемы...» [6, с. 51].

В условиях использования модели СРГ государство, наоборот, принимает на себя все расходы по организации и финансированию (полному или частичному) социального обеспечения граждан независимо

от их статуса и доходных возможностей. И первая, и вторая модели имеют свои «позитивы» и «негативы», а потому и решение данного вопроса не может быть принято без поддержки со стороны большинства населения страны. Поэтому даже в рамках модели СРГ выделяются шведская, германская, греческая и другие национальные модели. Особое отношение к социальному обеспечению населения у руководства Российской Федерации.

По Конституции Российская Федерация – «социальное государство», а вот по факту и по политике, которая проводится, особенно в последние годы, – с этим согласиться сложно. Перманентные заявления российского руководства повысить качество социального обеспечения, подстраивая его под разные существующие национальные модели, в большей степени направлено на сокращение бюджетного финансирования социальной сферы, постепенное отступление от конституционной нормы путем переключивания «забот о социальном благополучии» на само российское население, которое и без этого находится в весьма трудном материальном положении. По оценкам [17, с. 44-60], с 2014 г. начала увеличиваться безработица, растут цены на товары и продукты, повышается плата за коммунальные и другие услуги населению. Названные процессы неизбежно «подстегивают» инфляционные процессы, обесценивая и без того скудные сбережения российского населения, ограничивая уровень и качество его жизни в сравнении с населением других стран.

Спору нет, российское общество нуждается в реформах, особенно в тех, которые способны изменить жизнь большинства населения в лучшую сторону. Научный анализ и многочисленная практика успешной реализации проектируемых реформ (реформы А.Н. Косыгина в СССР,

Ли Куан Ю в Сингапуре, новых индустриальных стран – НИС, реформы в КНР, Индии, Бразилии и др.) позволяют сформировать определенную модель проектирования реформ и разработать дорожную карту поэтапной реализации проекта, ориентированного на конечный результат.

Проектирование реформ в переходной экономике: от проекта к дорожной карте поэтапного обеспечения конечного результата

Реформирование государственного сектора Российской Федерации, ее экономики и социальной сферы, активное формирование и использование рыночных институтов развития и пространственного обустройства территорий началось с 1992 г. и продолжается до сегодняшнего времени. За этот период инициировано множество реформ в разных сферах и сегментах российского общества, но доведена до логического завершения лишь одна, и то с сомнительным результатом: приватизирована большая часть государственных предприятий, но «эффективных собственников» страна и экономика, к сожалению, не получила. Даже небольшой экскурс в историю реформирования российского общества позволяет утверждать, что причиной неудач большинства проводившихся реформ являлась их слабая, а часто исключительно формальная и непрофессиональная подготовка и проведение – не столько для достижения общественно значимого результата, сколько для «галочки» в отчете вышестоящему руководителю. Так было начато реформирование системы образования (общего, профессионального и высшего), здравоохранения, Российской академии наук, которое, после небольших перерывов, продолжается по сей день, а позитивного результата общество до сих пор не может оценить и даже ощутить.

Реформирование большой и сложной социально-экономической и общественной системы, какой является Российская Федерация, действительно, процесс сложный и не кратковременный. Практически невозможно с «нуля» и оперативно перестроить «сложную систему так, чтобы она изначально стала эффективной; невозможно кардинально реформировать сложную систему (будь то страна, система федеративных отношений, местного самоуправления, образования, здравоохранения, ЖКХ или РАН и др. – А.Т.) так, чтобы она стала эффективной» [19, с. 50-53]. Сложной система считается прежде всего потому, что она является результатом длительной эволюционной трансформации и развития. Системное реформирование подобных объектов всегда рассматривается как неизбежное возвращение к истокам их высокой эффективности в прошлые периоды и моделирование возможных сценариев развития с учетом меняющихся условий вплоть до принятия окончательного решения о необходимости реформирования.

В научном сообществе проблема регулируемого государством реформирования различных сфер общественного развития не обделена вниманием [см.: 10; 18; 20]. Обосновываются и предлагаются разные подходы, модели и последовательность организации, проектирования и проведения реформ с использованием наиболее эффективных рыночных и плановых институтов и механизмов их реализации для достижения проектируемого результата. Но начинать реформы необходимо, как справедливо предлагает академик РАН В.М. Полтерович, с разработки и массового уяснения важнейших элементов теории реформ, не обрекая себя и все российское население на «бессмысленное блуждание» по не освещенным теоретическим знаниям

лабиринтам тьмы [20]. Накопленный в мире опыт успешных реформ позволяет сформулировать определенную дорожную карту проектирования реформ и поэтапной реализации проекта, ориентированного на результат.

1. Проведение системного, с привлечением специалистов и представителей науки анализа состояния объекта (системы образования, общего и высшего профессионального, здравоохранения, РАН, муниципалитетов и др.) регулирования (реформирования) с выделением слабых и сильных его сторон. Второй этап должен выявить «причины слабости системы» и с профессиональных позиций определить реальные меры по их нейтрализации (минимизации) при, опять же, профессиональном определении мер по «закреплению и развитию» сильных качеств системы. На следующем этапе необходимо, как нам представляется, предложить профессиональному сообществу обсудить и определить возможности и механизмы качественного обновления системы для достижения общественно заданного результата ее функционирования. По результатам данного обсуждения могут приниматься соответствующие решения о частичном реформировании системы посредством ее оптимизации, повышения профессионального уровня работников (руководителей), совершенствования структуры, мотивации труда и др.

Продолжающаяся практика административного реформирования систем объясняется, на наш взгляд, «подменой» проблемы повышения качества и результативности функционирования системы циничным сокращением ее бюджетного финансирования. Но этот путь не столько решает, сколько обостряет проблему, делая ее не только труднорешаемой, но и более затратной и продолжительной [32; 33].

2. Понятное для каждого жителя формирование реально достижимой цели и общественно значимого конечного результата проводимых реформ (экономического, социального, экологического) с тем, чтобы каждый житель страны мог рассматривать себя как участника проектируемых преобразований и оценивать свой личный (семейный, корпоративный, групповой, национальный) интерес в успешном проведении реформы и достижении поставленной цели. Импульсивность в инициировании реформ, их слабая, а то и полнейшая неподготовленность при отсутствии четких и воспринимаемых большинством населения цели и проектируемых результатов, непоследовательность в реализации превратили российские реформы последних лет в правительственные «игры в реформы», скрытая цель которых — переложить на население и бизнес возрастающие издержки непрофессионального регулирования и управления общественным развитием.

Заслуживает внимания оценка качества государственного регулирования социально-экономических и общественных процессов в России бывшим министром и заместителем главы Правительства РФ А.Л. Кудриным, инициатором централизации бюджетных средств и отказа от бюджетной самодостаточности региональных и муниципальных органов власти. Комментируя результаты проверки Генеральной прокуратуры в отношении использования бюджетных средств и решение Правительства РФ привлекать представителей бизнеса и население к контролю за расходованием бюджетных средств, Алексей Леонидович вынужден признать, что «эффективным государство будет не тогда, когда официальные контрольные органы — Счетная палата и Госфиннадзор будут работать... Мы все платим налоги, но мы не всегда спрашиваем о том, куда идут полученные

казной деньги. Без этой формы контроля расхода бюджетных средств нет эффективного государства» [цит. по: 13, с. 1, 2]. Ему вторит Г.О. Греф, предлагая создать при Правительстве РФ «Центр управления изменениями», призванный, привлекая науку и опираясь на общественное мнение, профессионально заниматься проектированием и реализацией необходимых обществу реформ [цит. по: 22, с. 63-65].

3. Наиболее действенным механизмом оформления целеполагания, последовательности (этапности), ресурсного и кадрового обеспечения, как и конечного общественно значимого результата реформы, может быть проект — как один из действенных институтов программно-проектного планирования с использованием разнообразных форм государственно-частного партнерства [8, с. 9-27; 23, с.19-25]. Профессионально подготовленный проект в обязательном порядке должен пройти научную и правовую экспертизу на предмет его актуальности и обеспеченности ресурсами и кадрами, а также соответствия Конституции РФ. Представители научного сообщества могут, а по разумной логике — и обязаны привлекаться к разработке проекта с момента обсуждения проектной идеи и до оценки его результата. Правовую экспертизу на соответствие проекта Конституции РФ может, а по сути, и обязан осуществлять Конституционный суд РФ, положительное заключение которого должно расцениваться в качестве согласия на проведение реформы.

Для повышения качества проектов высказываются предложения формировать специализированные проектные институты и/или конструкторские бюро, в работе которых «должны принимать участие не только инженеры, экономисты, менеджеры, но и демографы, социологи, юристы и т. п. Но руководство проектом, его разра-

боткой и реализацией следует осуществлять на принципах единоначалия» [21, с. 12]. По справедливому мнению академика РАН В.Л. Макарова, возглавлять проект должен генеральный или главный конструктор, профессионал в инженерных делах и организации проектного развития. «А уж вторым лицом может быть менеджер, специалист в бизнесе...» По мнению автора, руководитель проекта «должен держать в голове главное — достижение цели. А если во главе проекта будет менеджер, бизнесмен, то какова бы ни была исходная цель, он будет стремиться получить прибыль... В чисто рыночной экономике это невозможно, ибо каждый стремится получить прибыль, а не реализовать проектную цель» (курсив наш. — А.Т.) [там же]. Примеры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, как и создание Роснано, «Сколково» с «кураторами» от бизнеса, дают не мало примеров, подтверждающих вышесказанное.

Одним из возможных, а в чем-то и обязательных направлений участия научного сообщества в публичном обсуждении проекта видится оценка его соответствия общественным потребностям, обоснованности цели и реальности достижения конечного результата. Целесообразно перед «запуском» проекта научно оценить полноту и эффективность задействованных форм, механизмов и институтов сопровождения процессов реализации, мониторинга и корректировки проекта под воздействием меняющихся условий. Необходима прогнозная оценка последствий реализации проекта для страны в целом, его населения, статуса в мировом сообществе.

4. Любое управленческое решение, призванное регулировать социально-экономические и/или общественные процессы и отношения, обязано соответствовать Конституции РФ. Строгое соответствие

разрабатываемого и реализуемого проекта (закона, указа, постановления и других нормативных актов) конституционным нормам Российской Федерации требует, на наш взгляд, обязательной экспертизы проекта Конституционным судом РФ и публичного обнародования. Невинные на первый взгляд отступления от конституционных норм в части выборов депутатов в законодательные собрания разных уровней по партийным спискам превратились в «снежный ком» сплошных и все более опасных «отходов» от всенародного волеизъявления. Отказ от прямых выборов губернаторов, административное введение института сити-менеджеров в муниципальных образованиях, изменение срока выборности депутатов и президента, превращение столичных центров регионов в своеобразный «гибрид» местного самоуправления с административным его регламентированием позволяют говорить о серьезных изъянах в российской практике оптимального и цивилизованного регулирования общественных процессов.

Конституция РФ безальтернативно закрепила: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ» [25, ст. 3, ч. 1]. В этой же статье (ч. 3) предписано, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы», без каких-либо ограничений и отступлений, поскольку «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» [там же, ч. 4]. Конституция РФ, как Основной закон страны, обязательна для соблюдения и исполнения всеми гражданами РФ — от рядового жителя до депутатов и Президента РФ, ибо Президент по Конституции является ее Гарантом [ст. 80, ч. 2]

со всеми вытекающими из этой нормы последствиями. Если профессионально «сверить» проведенные и проводимые в стране реформы с Конституцией, то окажется, что многие реформы (системы образования, здравоохранения, высшей школы, Российской академии наук, ограничения конституционных прав местных органов власти и др.) проводятся с отступлением от предусмотренных Конституцией процедур.

К Конституции РФ, как неоднократно отмечалось в выступлениях специалистов, политиков и высших руководителей страны, можно предъявлять много и разных претензий, требовать ее пересмотра и уточнения, «подстраивая» ее под разные текущие потребности. Но Конституция потому и признана Основным законом, что любая попытка ее изменения, уточнения или отмены требует особой процедуры в форме Общенародного референдума. И только референдум может придать изменениям легитимность и обязанность всех ее воспринимать и исполнять. На встрече с конституционалистами Президент РФ В.В. Путин был вынужден признать, что Конституция — «это не тот закон, который можно менять и кромсать в угоду текущему моменту...» [цит. по: Коммерсантъ. — 2013. — №210. — 15 нояб. — С. 1-2].

5. Любая регулирующая норма, если она направлена на изменение уже сложившихся правил, норм и регламента поведения коллектива, сообщества, организационно оформленных групп населения, в обязательном порядке должна быть обсуждена и одобрена сообществом, условия функционирования которого меняются. И только при согласии сообщества регулирующая норма может официально приниматься соответствующим органом власти. Показателен пример: попытка Государственной Думы изменить условия концертной деятельности в РФ без согласования с творче-

ским сообществом вызвала справедливое возмущение эстрадной общественности. «Это преступная безразличность! — заявила А.Б. Пугачева на встрече с депутатами Думы. — Мы (артисты, с которыми власти даже не посоветовались. — А.Т.) такие крепостные, как животные, что как делают, так и будет!.. Любая излишняя упорядоченность всегда приводит к бардаку» [цит. по: АиФ. — 2016. — №5. — 3–9 февр. — С. 2]. Пришлось ведь отозвать проект закона на доработку. Можем, когда захотим отстаивать свои профессиональные интересы!

Действующая до сих пор практика инициирования, обсуждения и принятия регулирующих решений исходит из противоречащей Конституции презумпции «верховенства власти над народом», а не провозглашенной Конституцией (ст. 3, ч. 1): «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Если строго следовать Конституции, то принятые Федеральным Законодательным Собранием законы о реформировании РАН, постоянных изменениях статуса и условий работы сотрудников школ и вузов, законодательные ограничения прав населения на бесплатное предоставление медицинской помощи и другие приняты и продолжают приниматься с нарушением Основного закона — без предварительного обсуждения и одобрения профессиональным сообществом и проведения референдума.

Предлагаемая практика повышения качества регулирования общественных процессов потребует от власти более профессиональной подготовки законопроектов, привлечения к их разработке и обсуждению представителей науки, бизнеса, общественных и творческих объединений и союзов, общественности от регионов и

муниципалитетов. Подобная практика, *во-первых*, позволит существенно повысить качество государственно-правовых регуляторов за счет более объективной оценки сложившейся в обществе потребности в обновлении регулирующего воздействия для поддержания устойчивости, сбалансированности и социальной направленности развития. Проблема качества регулирующего воздействия в условиях глобализации и обновления внутривосточных источников развития становится для Российской Федерации приоритетной задачей. Именно качество государственного управления и регулирования общественных процессов при отсутствии социально и общественно полезных результатов реформирования «всего и вся» ограничивает возможности устойчивого и системного развития России.

Во-вторых, повысит ответственность и будет мотивировать представителей власти всех уровней, чиновников и разработчиков регулирующих норм более ответственно относиться к их качеству, в том числе и посредством научной и профессиональной экспертизы, обсуждения и учета предложений, мониторинга всего процесса их реализации и достижения поставленной цели. Реализация данного предложения будет более результативной и действенной при условии, если в обсуждаемом проекте будут указаны инициаторы, мотивы и целесообразность принятия регулирующего решения, разработчики и эксперты, прогнозируемый результат (результаты) его реализации.

В-третьих, позволит заметно укрепить доверие населения и всего российского общества к власти и проводимой ею политике по развитию демократических принципов в управлении общественным развитием. Не очень продолжительная практика использования института «обратной связи»

городской власти Екатеринбурга с городским сообществом показала и доказала, что подобный институт способен внести новые импульсы в процессы системного и ускоренного развития не только крупных городов и муниципалитетов, но и регионов, федеральных округов и страны в целом. Импульсы, опирающиеся на взаимное уважение власти к населению, ее избравшему, и населения к власти, достойно представляющей его интересы, способны стать дополнительным и существенным источником развития. Институт «обратной связи» можно сравнить с «дорогой со встречным движением», которая ускоряет движение и делает его более комфортным и безопасным, освобождая от излишних «заторов», «пробок» и других ограничений устойчивого движения.

6. Обязательным теоретико-методологическим требованием к любой проводимой в Российской Федерации реформе должно стать, по нашему глубокому убеждению, разумно оптимальное сочетание и использование плановых и рыночных институтов и механизмов регулирующего воздействия на реформируемые процессы. И не только для того, чтобы привлечь к участию в реформах максимальное число граждан, придерживающихся разных взглядов на модель (рыночную или плановую) социально-экономического развития России. Главная причина видится в том, что в современных условиях нет ни одной страны, которая бы не использовала элементы смешанной (конвергентной, двухпутной) модели социально-экономического развития. Различия видятся в доле рыночных (свободных) или плановых (государственных) регуляторов в поддержании устойчивости социально-экономических и общественных процессов развития. Во Франции, Великобритании, Японии и многих других рыночно развитых странах

действуют плановые комиссии, комитеты, министерства и т.п., занимающиеся государственным планированием.

В США, к примеру, преобладают либерально рыночные институты и механизмы, а государственные регуляторы используются, с одной стороны, для создания и поддержания равных макроэкономических условий устойчивого развития всех форм бизнеса посредством участия в регулировании кредитной и ипотечной ставки, конкурсного размещения госзаказа и т.п. С другой – регулирования социальных процессов посредством установления минимальной почасовой оплаты труда наемных работников, ценовых ограничений на социально значимые товары и услуги населению, разработки экологических и природоохранных стандартов и строжайшего контроля за их неукоснительным соблюдением и др.

Показательна позиция Великобритании, страны с более чем двухсотлетней практикой рыночного использования либеральной экономической модели (ЛЭМ). В марте 2012 г. в Великобритании был опубликован проект правительственного документа по дальнейшему развитию и уточнению системы планового управления социально-экономическим развитием под названием «Рамки политики национального планирования», в котором прописаны процедуры разработки планов развития разного уровня, согласования национальных, региональных и местных приоритетов развития с возможностями участия населения и бизнеса и др. В документе с государственных позиций поставлена национальная проблема безальтернативного соблюдения требований защиты окружающей среды и содействия устойчивому росту. В предисловии к документу министр планирования Великобритании Хон Грег Кларк обратил внимание на его целевую направленность: «Планирование предназначено

для содействия достижению устойчивого развития. Обеспечение лучшей жизни для себя не означает ухудшение жизни будущих поколений... Устойчивое развитие, согласованное с положительными темпами роста, делает доступным при этом экономический, экологический и социальный прогресс и для современного, и для будущего поколений. Планирование помогло это сделать. Устойчивое развитие должно быть ориентиром движения вперед без промедления — должна соблюдаться презумпция в пользу устойчивого развития, которое становится основой каждого плана и каждого решения...» [цит. по: 26, с. 169].

Проект документа около года обсуждался специалистами, представителями бизнеса, научным сообществом и населением. При положительной его оценке в целом было высказано и предложено множество идей, которые в той или иной степени нашли отражение или в плане, или в ряде других решений.

Не менее показателен пример системно устойчивого развития Сингапура при разумном сочетании рыночных и плановых институтов и механизмов. В своей книге «Сингапурская история: из третьего мира в первый» [27] Ли Куан Ю, инициатор и руководитель правительства реформаторов, их успешность объясняет двумя обязательными требованиями. Первое: для проектирования и успешной реализации реформ необходима команда профессионалов и постоянное ее обновление под меняющиеся приоритеты и условия развития. Второе: постоянно поддерживаемая обратная связь власти и населения позволяет находить компромиссные решения даже в самых трудных и сложных ситуациях.

Государственно-правовой регулятор, как и любой другой регулирующий документ, имеет свой жизненный цикл действия, а потому объективно требует посто-

янного и своевременного обновления или замены. Нельзя работать на опережение, не внося своевременных корректив в действующие регуляторы и без частичного (под меняющиеся потребности развития) обновления команды профессионалов, которую необходимо нацеливать на достижение более масштабных и востребованных обществом результатов. В этом смысле государственный регулятор может рассматриваться как особая разновидность проекта, последовательная реализация которого может осуществляться исполнительной дирекцией при ведомстве или органе, которому поручено сопровождать и контролировать процесс его системной реализации. Понятно, что данное предложение может вызывать негативное восприятие из-за возможности увеличения численности чиновников, которых и без дополнительного увеличения слишком много для рыночной (ресурсно-сберегающей системы) экономики. Но два обстоятельства вынуждают вынести это предложение для обсуждения. Во-первых, это предложение уже обсуждается, в том числе и на Экспертном совете Открытого Правительства РФ, как наиболее действенная форма повышения качества проектного регулирования, ориентированного на результат. Во-вторых, Исполнительная дирекция может формироваться из сотрудников одного или двух департаментов министерства — инициаторов и разработчиков регулирующего проекта — без увеличения общей численности чиновников.

Современные модели социально-экономического развития в оценках российского населения

Постоянно сопровождающие социально-экономическое и общественное развитие Российской Федерации кризисы и ограничения (внутренние и внешние) самым серьезным образом сказываются на темпах и системности развития, качестве

жизни и самочувствии населения, престиже страны на международной арене. Попытки искать виноватых в среде международного сообщества — дело, прямо скажем, не самое благодарное, хотя бы потому, что в любом противостоянии и неприятии позиций всегда виноваты обе стороны, в разной степени, но виноваты. В чем видятся истоки и причины непонимания? В одном из своих последних научных докладов на заседании «Меркурий-клуба» Е.М. Примаков выделил и аргументированно показал изъяны и провалы рыночного саморегулирования, которые в принципе невозможно устранить и даже минимизировать в рамках либерально-рыночной модели [Российская газета. — 2014. — №6. — 15 янв. — С. 5]. Докладчик обосновывает свою позицию тем фактом, что кризисы и ограничения в развитии России обусловлены внутренними, а не внешними причинами.

Евгений Максимович выделил несколько причин, которые дают основание требовать принципиальной корректировки неолиберального курса Правительства Российской Федерации на более соответствующий потребностям и традициям большинства российского населения. Обратим внимание лишь на одну: принципиальная позиция неолибералов по отношению к социальной справедливости выводится из свободной конкуренции «экономических сил», а не из государственного регулирования ценовых, производственно-трудовых, экологических и других ограничений, которое широко практикуется в большинстве стран с рыночной системой хозяйствования.

На фундаментальную неопределенность рынка и рыночного саморегулирования обращают внимание и другие авторы. Ю.Я. Ольсевич не без основания утверждает, что «фундаментальная неопределенность рынка может быть преодолена

лишь при условии обеспечения оптимально необходимого и скоординированного государственного регулирования на всех трех уровнях — макро-, мезо- и микроуровне... Рынок способен к конкурентному саморегулированию лишь в той мере, в какой государство обеспечивает регулирование институциональных и организационных основ рынка, а также его макропропорции» [28, с. 95].

Очередным аргументом сторонников универсальности рыночного саморегулирования называется понижающая эффективность государственного регулирования и функционирования государственных корпораций. На самом деле, по оценкам РСПП, государственные корпорации продолжают оставаться «локомотивами» развития российской экономики, хотя претензий к их работе высказывается много, и в большинстве своем справедливых. В то время как российский Газпром приоритетом своей деятельности продолжает считать получение от государства права на ежегодное повышение цен на газ на внутреннем рынке, французские энергетические компании, полностью или частично принадлежащие государству, за последние 15 лет осуществили успешную международную ценовую и сервисную экспансию. Эта тенденция стала результатом процесса консолидаций, организованных и направляемых государством во исполнение плановых директив ЕС для осуществления успешной конкуренции на европейском и мировом рынках.

Сравнивая результативность регулирующего воздействия российского и французского правительств, Янник Мирер приводит примеры успешного согласования и интеграции государственных плановых регуляторов с самоорганизацией государственных и частных компаний для поддержания общественной устойчивости и нара-

щивании конкурентных преимуществ. По его мнению, скорее «политическая, чем правовая обстановка, в которой развивается российская государственная промышленность, не создает аналогичных возможностей и препятствует шансам получения международного статуса российским промышленным группам» [29, с. 161].

Многолетний пример органичного соединения государственных (плановых, программно-проектных) регуляторов с рыночным саморегулированием в «смешанной модели» социально-экономического и общественного развития успешно демонстрируют многие страны: Швеция, Китай, Индия, Беларусь, Казахстан и др. Если попытаться ответить на вопрос, а какие политические идеи и теоретические модели использовали новые индустриальные страны – Китай, Индия, Вьетнам и др., обеспечившие опережающий рывок в экономическом развитии, – окажется, что совсем не те, которые российскому обществу навязываются с начала 90-х годов по настоящее время. В названных странах государство посредством регулирующих мер обеспечивает «общественно выгодное дирижирование» приоритетными направлениями социально-экономического и общественного развития, поддерживая системную устойчивость развития и социально-политическое согласие в обществе. Не отказываясь от рыночных институтов, государство стало инициатором и основным разработчиком национального Проекта по их социально-экономическому и общественному обновлению с целью вывести страну на более высокие рубежи научно-технического и производственного развития, формирования нового и более высокого качества жизни населения своих стран.

Сформировавшаяся в последние годы мировая практика выбора национальной модели общественного развития основыва-

ется на трех принципиально важных условиях. Первое: мобилизовать население на выбор и поддержку модели социально-экономического и общественного развития, участие большинства населения в ее обсуждении и реализации может лишь национальный Лидер (Глава государства, руководитель Правительства). Лидер, пользующийся высоким доверием населения и способный «не заболтать» идею реформы, а, опираясь на сложившиеся национальные и исторические традиции, рекомендации науки и мнение населения, разработать и предложить обществу Проект поэтапного формирования требуемой обществу модели развития и ее реализации.

Второе: необходима общественная поддержка предлагаемой модели общественного развития с тем, чтобы каждый коллектив, каждое сообщество, каждая государственная структура и каждый человек могли определить свое место в реформируемых процессах и активно участвовать в них, имея свой личный интерес. Третье: общественное восприятие населением идеи формирования новой для страны модели развития требует четкого и понятного для большинства населения определения цели реформы и поэтапного определения полученного конечного результата с тем, чтобы своевременно скорректировать или уточнить Проект.

Опубликованные в печати результаты социологических опросов российского населения позволяют с определенной долей условности утверждать, что далеко не все население безальтернативно поддерживает курс Правительства и высшего руководства РФ на либерально экономическую модель развития страны, особенно в той ее интерпретации, которая исходит от руководства Правительства [30]. Мнение российского населения, которое было высказано в процессе социологических опро-

сов в 2012–2015 гг. в части предпочтений относительно плановых и рыночных институтов регулирования, а также моделей дальнейшего социально-экономического и общественного развития страны, принципиально не согласуется с политикой власти. Социологический опрос Левада-центра (2012 г.) среди более 10 тыс. россиян из 47 регионов на предмет «Целесообразность использования института планирования в российской практике» свидетельствует не просто о несовпадении позиций «власти» и населения по фундаментальным проблемам развития России. Более 51% опрошенных считают целесообразным использовать институт планирования, особенно в части социально-экономического планирования и пространственного обустройства российских территорий. Еще 15% опрошенных считают возможным использовать плановые регуляторы для решения приоритетных проблем развития.

Институт социологии РАН (2011–2012 гг.) опросил 1750 респондентов из 22-х субъектов Российской Федерации, но по другому вопросу: «Какой общественной строй наиболее подходит России?» Результаты опроса в очередной раз не «укладываются» в русло проводимой российским руководством социально-экономической и общественной политики. Более 56% респондентов отдали предпочтение модели «смешанной экономики», в рамках которой более 31% опрошенных отдали предпочтение «социализму с плановой экономикой и элементами рыночных отношений» и 25% – «капитализму с рыночной экономикой и элементами планирования и сохранения социалистических принципов» (доступность образования, здравоохранения, госрегулирование цен и тарифов в интересах населения, а не монополий и госкомпаний, дифференцированное налогообложение и др.). 22% респондентов высказалось

за «социализм с плановой экономикой и господством государственной и колхозно-кооперативной собственности» и 17% – отдали предпочтение либерально-рыночной модели – «капитализму со свободной рыночной экономикой и господством частной собственности» [31, с. 27-30].

К каким «позитивам» и «негативам» способно привести продолжающееся противостояние властных структур и населения в выборе модели социально-экономического и общественного развития? К позитивам с определенной натяжкой можно было бы отнести поговорку «в споре рождается истина». В данном же конкретном случае ни спора, ни диалога нет и не предвидится в ближайшее время. Упорство, с которым российская власть под разными предложениями «навязывает» обществу и населению исключительно либеральную экономическую модель развития, профессионально не «осознанную» и с возрастающими издержками реализуемую на практике, сродни упорству, с которым российское население эту модель не принимает и отвергает. И.А. Крылов в басне «Лебедь, Щука и Рак» это состояние описал следующим образом:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.
... Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

[Цит. по: Крылов И.А. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1984. – С. 79.]

По сути басни можно утверждать: «Коль в обществе согласия нет» (уже около четверти века!) – нет и условий в формате общественной платформы для согласованной системной устойчивости развития, роста благосостояния населения, процветания государства Российского, повышения его международного статуса. А это уже более

чем негатив, способный сдерживать и «разрушать» устойчивость, лишая его источников и движущих сил системного развития и роста благосостояния. Нежелание государственных лидеров считаться с мнением населения и общества в целом порождает и другие негативы, раздвигающие границы «провалов» в отношениях государства и общества.

Продолжающееся давление на общественное мнение, прямое и косвенное, официальное и «скрытое» действиями государственных структур (Центробанка, Минфина и др.), резко снижает доверие к власти и ее руководителям из-за их непрофессионализма и неспособности обеспечивать системно устойчивое социально-экономическое развитие РФ в интересах всего российского населения. Какие аргументы приводятся населением в пользу смешанной модели развития?

Первый: как бы ни критиковали социализм за его «изъяны» и чрезмерную плановую централизацию «всего и вся», по своей сути и социальной направленности он претендовал и на деле являлся одной из самых «социально справедливых и устойчивых» моделей развития. Всеобщая доступность и государственная поддержка общего и высшего образования, его качество и востребованность обществом остаются образцами подражания для многих государств и народов, кроме России. Качество медицинских услуг, как и система здравоохранения в целом, далеко не по всем показателям отвечала мировым стандартам. Но она была доступной для каждого нуждающегося в ее помощи. Не было и такой резкой дифференциации в доходах. По оценкам Е.М. Примакова [Российская газета. — 2014. — №6. — 15 янв. — С. 5)], 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех российских активов. Международная финансовая корпорация Gredit Suisse Group,

на которую он ссылается, вынуждена признать: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советского времени. На практике получилась почти пародия» [там же].

По количеству вузов, объектов здравоохранения и даже по количеству дипломов о высшем образовании сегодняшняя Россия вряд ли уступает Советскому Союзу. А вот по грамотности, профессиональным навыкам, способности современного учителя или профессора вуза качественно учить и готовить специалистов: врача — качественно лечить, ученого — обеспечивать общественное развитие инновационными идеями и решениями, — Российская Федерация не просто отстала. Она взяла, по оценкам большинства населения, курс на «Отстать навсегда...» Разрешив функционирование частных образовательных, медицинских и научных организаций, государство одной рукой развернуло целевую направленность их деятельности с «качества подготовки (лечения, исследований)» под общественные потребности на «Зарабатывание денег», которое стало и целью их деятельности, и основным мотивом, и конечным результатом. Другой «Государевой» рукой было «Высочайше разрешено» государственным бюджетным учреждениям в интересах «сокращения нагрузки на бюджет» вводить плату за оказание государственных услуг, что неизбежно увеличило нагрузку на работников, снизило качество оказываемых услуг и ограничило доступность госуслуг для значительной части населения. И это при том, что по Конституции РФ услуги государственных и муниципальных учреждений предоставляются населению бесплатно.

Второй: большинство зарубежных и отечественных авторов рассматривают конкурентный рынок как общественно необходимое, но не единственное условие системно устойчивого развития страны и роста общественного благосостояния. В большинстве оценок рынок рассматривается как благоприятная среда, которая может обеспечить, а может и не обеспечить общественное развитие и народное благосостояние [35, с. 9-10]. Только многообразие форм собственности и многоукладность экономики при централизованном плановом регулировании приоритетных для общества направлений развития, с подключением и использованием эффективных и результативных источников и институтов могут обеспечить системно устойчивое и гармоничное функционирование всего общества. Особую актуальность эта норма приобретает в периоды разработки и реализации национальных проектов: при смене или обновлении общественно-экономических укладов, реформировании общественных и/или социально-экономических систем, освоении и пространственном обустройстве отдельных территорий (Арктической зоны РФ, территорий Дальнего Востока), импортозамещения и реиндустриализации экономики и т.д. «Предоставленная самой себе экономика, — по справедливому утверждению Г.Н. Цаголова, — не способна стабильно развиваться» [35, с. 229–230], поддерживая политический мир и социальное согласие в обществе.

Только подчиненная общественным интересам в целом, его научно обоснованным потребностям и приоритетам развития профессионально регулируемая рыночная система хозяйствования приобретает завершенную целостность и полноценную способность к системно устойчивому раз-

витию и обновлению. Регулирующие функции государства приобретают в этих условиях качества базисных стандартов общественного поведения всех участников рыночных отношений, а рыночная система хозяйствования достигает своей завершенной формы, эффективно и результативно функционируя в интересах большинства населения.

Третий: соотношение рыночных и государственных регуляторов и институтов в каждой национальной модели смешанной экономики может быть и на деле — разное, в зависимости от политико-экономических, культурно-исторических, национально-бытовых, природно-бытовых и иных особенностей. При разности культур, вероисповедания, политической направленности общественного развития и образа жизни населения, к примеру, в Белоруссии и Казахстане функционируют смешанные планово-рыночные системы хозяйствования. В Белоруссии преобладают государственно-плановые институты регулирования общественного развития, а в Казахстане, наоборот, преобладают рыночные институты регулирования и частно-капиталистические уклады. Но и в той и другой национальных социально-экономических системах поддерживается баланс двух несхожих и во многом противоположных, но взаимодополняющих государственных и рыночных регуляторов.

Если же обратиться к мировой практике использования модели смешанной экономики, то оказывается, что именно эти страны при оптимальном сочетании государственных плановых и рыночных регуляторов являются наиболее стабильными в социально-экономическом и общественном развитии, социально и политически более консолидированными, устойчивыми в периоды мировых кризисов.

Показатели социально-экономического развития Швеции, Норвегии, Китая, Вьетнама, Финляндии и ряда других стран наглядно этот вывод подтверждают.

Четвертый: с точки зрения объектов регулирующего воздействия плановых и рыночных институтов практика стран со смешанной экономикой дает основание утверждать: прогнозно-плановые государственные регуляторы наиболее эффективны и результативны при регулировании макроэкономических процессов, реализации общественно значимых программ и проектов, требующих мобилизации средств и ресурсов, инициативы и предприимчивости, профессионализма и общественной активности населения и осуществляемые под государственным патронатом.

Рыночные саморегулирующие механизмы и институты, как свидетельствует более чем двухвековой опыт развитых рыночных стран, наиболее эффективно выполняют свои регулирующие функции на микроуровне, в отношениях между рыночными агентами, ими и работниками, государством и его структурами при выполнении государственных заказов и конкурсных проектов и при соответствующем контроле со стороны покупателя, заказчика, потребителя и общества в целом.

Пятый: предложенное разграничение сфер регулирующего воздействия государственных и рыночных механизмов во многом условно, поскольку модель смешанной экономики основана не на противопоставлении, а на конвергенции плановых и рыночных механизмов регулирования и их оптимальном сочетании для обеспечения большего эффекта и результативности. Государственное планирование модернизационного обновления и реиндустриализации не может быть эффективным и результативным без активного использования рыночных институтов и ме-

ханизмов мотивации и внутрифирменного контроля. Институт государственно-частного партнерства, как и другие рыночные институты (концессии, социальная ответственность бизнеса, потребительские кооперации и др.), зародился и развивался, по нашему мнению, исключительно как институциональная основа формируемой смешанной (конвергируемой) модели социально-экономического и всего общественного развития. Безусловно, их необходимо развивать, обновлять и совершенствовать, подстраивая под меняющиеся условия. Но сам факт их использования дает основание считать, что в них заложены большие возможности для системного и устойчивого развития и решения социальных проблем территориями.

Возрастающие потребности регионов и муниципалитетов в системном и устойчивом развитии и пространственном обустройстве территорий, при нарастающем дефиците их бюджетной обеспеченности, побуждают активнее привлекать средства населения и бизнеса через использование института ГЧП для реализации региональных и муниципальных программ и проектов. Для этого отдельные муниципалитеты, пока в основном города-миллионники, начали активно внедрять институт программно-проектного развития городского хозяйства, органично соединяя в одном документе — Стратегическом плане — прогнозные параметры развития с рыночными потребностями и возможностями городского населения, предпринимательского сообщества города и сопредельных территорий. Результаты их работы [23, с. 19-25] позволяют утверждать, что у смешанной модели большое будущее, поскольку именно она позволяет использовать в интересах системного устойчивого развития общественно значимые преимущества рыночной и плановой систем.

Особенность затянувшегося в Российской Федерации кризисного состояния всех без исключения систем и сфер видится не столько в «действиях врагов», сколько в бессмысленных попытках власти сохранить прежнюю траекторию социально-экономического и общественного развития, что только усиливает кризисные процессы, обрекая экономику, общество и население на деградацию и застой. Пора понять и осознать, что у России вы-

бор ограничен классической рыночной моделью, централизованной плановой и смешанной моделью. Пора делать выбор, куда вести и под каким флагом вести? На этот раз бездействие и очередная ошибка в выборе может оказаться роковой. Остается надежда на Понимание ситуации, Бескорыстие в принятии решений и Политическую волю власти быть с народом и служить обществу...

И все получится!

Литература

1. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит: пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева. — М.: Эксмо, 2009. — 960 с.
2. Лесс, Т. Антирыночная революция в Восточной Европе / Т. Лесс // Мир перемен. — 2015. — №4. — С. 96-100.
3. Lin, I.Y. The Quest for Prosperity. Princeton University Press. Prentseton / I.Y. Lin. — 2012. — 369 p. (Лин Джастин. Стремление к процветанию).
4. Зутлер, И.А. Оптимальный выбор марковским блуждением / И.А. Зутлер // Журнал новой экономической ассоциации. — 2013. — №4. — С. 33-51.
5. Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства / авт. кол.: С.Б. Авдашева, Р.А. Кокорев, П.В. Крючкова, С.П. Плаксин, А.Е. Шестико; Бюро экономического анализа. — М.: ТЕИС, 2006. — 255 с.
6. Кашин, В.А. О новой модели развития для России / В.А. Кашин // Мир перемен. — 2015. — №3. — С. 47-62.
7. Марголин, А. Правотворческая деятельность: оценка регулирующего воздействия / А. Марголин, О. Бучнев // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — №1. — С. 24-28.
8. Татаркин, А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России / А.И. Татаркин // Экономика региона. — 2013. — №4. — С. 9-26.
9. Эйсен, Н. Политэкономические аспекты реализации функций управления системой «наука — производство — потребление» / Н. Эйсен, В. Горбунов // Общество и экономика. — 2013. — №11-12. — С. 67-84.
10. Дасковский, В.Б. Контуры новой модели развития экономики России / В.Б. Дасковский, В.Б. Киселев. — М.: «Канон+»; РОАИ «Реабилитация», 2013. — 592 с.
11. Гэлбрейт, Джеймс К. Третий кризис в экономической науке / Джеймс К. Гэлбрейт // Мир перемен. — 2013. — №1. — С. 24-28.
12. Фомиченков, Т. Соберут у одного окна. Все налоги для малого бизнеса могут заменить одним платежом / Т. Фомиченков // Российская газета. — 2014. — №17. — 28 янв. — С. 5.
13. Титов, Д. Бизнес и граждан приглашают контролировать госрасходы / Д. Титов // Экономика и жизнь. — 2014. — №5. — С. 1, 2.
14. О состоянии делового климата в России : доклад. Краткая версия. — М.: РСПП. — 2014. — 56 с.
15. Реформа государственного аппарата или смена менталитета // Эффективное антикризисное управление. 2015. — №3. — С. 16-22.

16. 2016: Горячий камень. О горячих проблемах российской экономики говорили на Гайдаровском форуме // Российская газета. – 2016. – 14 янв. – С. 1-2.
17. Социальная ситуация в России в середине «нового старого» политического цикла: что происходит и какие перспективы просматриваются? Участники обсуждения социальных процессов: В.Н. Бобков, д.э.н., профессор; С.Ю. Глазьев, акад. РАН; д.э.н. М.Г. Делягин // Российский экономический журнал. – 2015. – №4. – С. 44-60.
18. Винслав, Ю. Проектный подход как многоуровневый управленческий феномен: общесистемное содержание, актуальность применения на макроуровне, необходимость и специфика использования на уровне крупных интегрированных корпораций / Ю. Винслав // Российский экономический журнал. – 2015. – №5. – С. 79-84.
19. Конопатов, С.Н. Методология государственного управления РФ: анализ реформы Академии наук / С.Н. Конопатов // Менеджмент в России и за рубежом. – 2013. – №6. – С. 50-53.
20. Полтерович, В.М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.
21. Макаров, В.Л. К вопросу о проектной экономике / В.Л. Макаров // Экономические науки современной России. – 2013. – №3. – С. 8-14.
22. Красс, М. Модель оценки реформирования экономики России / М. Красс // Эффективное антикризисное управление. – 2015. – №3. – С. 62-71.
23. Татаркин, А.И. Теоретико-методологические подходы к оценке стратегий городов-миллионников: роль местного сообщества / А.И. Татаркин, А.А. Некрасов // Управление. – 2014. – № 1. – С.19-25.
24. Граждане не ждут чудес от экономики. Впервые с начала кризиса более половины россиян считают ситуацию плохой / С.С. Горяшко // Коммерсантъ. – 2016. – № 19. – 5 февр. – С. 3.
25. Конституция Российской Федерации: к 15-летию Основного закона: Тексты. Комментарии. – М.: Статут, 2009. – 239 с.
26. Краснополских, Б.Х. Пространственно-экономическое планирование: опыт Великобритании (о докладе «Рамки политики национального планирования) / Б.Х. Краснополских // Пространственная экономика. – 2012. – С. 168-173.
27. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый (1965–2000). – М.: Изд. Манн, 2013. – 347 с.
28. Ольсевич, Ю.Я. Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка / Ю.Я. Ольсевич // Вопросы экономики. 2013. – №6. – С. 92-95.
29. Мирер, Я. Ограниченная Россия / Я. Мирер // Мир перемен. – 2011. – №4. – С. 153-169.
30. Медведев, Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы / Д.А. Медведев // Вопросы экономики. – 2015. – №10. – С. 5-29.
31. О чем мечтают россияне: идеал и реальность : моногр. / под ред. М.К. Горшкова, Р. Ктумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013. – 400 с.
32. Голубев В. Неравенство и развитие / В. Голубев, А. Тарко // Экономист. – 2015. – №12. – С. 3-13.
33. Ивантер, В.В. Генри Форд оказался прав / В.В. Ивантер // Российская газета. – 2016. – № 6894 (26). – 9 февр. – С. 11.
34. Клейнер, Г.Б. Экономические задачи не решить без участия государства / Г.Б. Клейнер // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – №2. – С. 7-10.
35. Цаголов, Г.Н. Почему все не так / Г.Н. Цаголов. – М.: Экономика, 2012. – 356 с.

Сведения об авторе

Александр Иванович Татаркин – академик РАН, профессор, Институт экономики УрО РАН, (620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, tatarkin_ai@mail.ru)

Tatarkin A.I.

Theoretical-Methodological Preconditions for the Formation of Mixed Economy in the Russian Federation

Aleksandr Ivanovich Tatarkin – RAS Academician, Professor, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Oblast, 620014, Russian Federation, tatarkin_ai@mail.ru)

Abstract. The article presents the author's point of view on the formation of the mixed (convergent, double-track) model of socio-economic and community development in the Russian Federation – as inherent in the federal state with multinational population, open space, and diversified economic orders determined by historical and national-cultural traditions. The author's stance is based on the widely discussed and debated thesis about the necessity of organic combination of primary state regulation of macroeconomic processes with predominant market self-regulation of microeconomic processes. The framework of the mixed model of socio-economic and community development presupposes more active and effective use of the “point” state regulation in the creation of favorable and equal conditions for the systematic development of all forms (private, with public participation) of business and the expansion of the “corridor of opportunities” for the spatial development of all regions and the improvement of quality and standard of living of the Russian population (regardless of place of residence and position). The article substantiates theoretical and methodological possibility of successful implementation of the mixed model in the Russian Federation.

Key words: theoretical-methodological directions of socio-economic development regulation, their role in regulation, liberal-market, state-planned, mixed regulation, their strengths and “failures”, regulatory potential of the society, quality of regulatory impact and its “boundaries”, assessment of regulatory impact efficiency.

References

1. Smith A. *Issledovaniya o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Translated from English, introduction of V.S. Afanas'ev. Moscow: Eksmo, 2009. 960p.
2. Less T. Antirynochnaya revolyutsiya v Vostochnoi Evrope [Eastern Europe's Anti-Market Revolution]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 2015, no. 4, pp. 96-100.
3. Lin I.Y. *The Quest for Prosperity*. Princeton University Press. Princeton, 2012. 369 p.
4. Zutler I.A. Optimal'nyi vybor markovskim bluzhdeniem [The Optimality of Choice by Markov Random Walk]. *Zhurnal novej ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2013, no. 4, pp. 33-51.
5. *Ispol'zovanie otsenok reguliruyushchego vozdeistviya dlya sovershenstvovaniya korporativnogo zakonodatel'stvam* [The Use of Regulatory Impact Assessments for the Improvement of Corporate Legislation]. Team of authors: S.B. Avdasheva, R.A. Kokorev, P.V. Kryuchkova, S.P. Plaksin, A.E. Shestiko; Byuro ekonomicheskogo analiza. Moscow: TEIS, 2006. 255 p.
6. Kashin V.A. O novoi modeli razvitiya dlya Rossii [On the New Model of Development for Russia]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 2015, no. 3, pp. 47-62.
7. Margolin A., Buchnev O. Pravotvorcheskaya deyatel'nost': otsenka reguliruyushchego vozdeistviya [Lawmaking Activities: Regulatory Impact Assessment]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Aspects of Management], 2014, no. 1, pp. 24-28.
8. Tatarkin A.I. Samorazvitie territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem kak potrebnost' federativnogo obustroistva Rossii [Self-development of Territorial Social and Economic Systems as a Requirement of the Federal Structure of Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], no. 2013, no. 4, pp. 9-26.

9. Eisen N., Gorbunov V. Politekonomicheskie aspekty realizatsii funktsii upravleniya sistemoi “nauka – proizvodstvo – potreblenie” [Political Aspects of Implementing the Function to Manage the System “Science – Production – Consumption”]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2013, no. 11–12, pp. 67–84.
10. Daskovskii V.B., Kiselev V.B. *Kontury novoi modeli razvitiya ekonomiki Rossii* [Contours of the New Model of Economy Development in Russia]. Moscow: “Kanon+”; ROAI “Reobilitatsiya”, 2013. 592 p.
11. Galbraith J. Tretii krizis v ekonomicheskoi nauke [The Third Crisis in Economics]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 2013, no. 1, pp. 24–28.
12. Fomichenkov T. Soberut u odnogo okna. Vse nalogi dlya malogo biznesa mogut zamenit’ odnim platezhom [Gather at One Window. All Taxes for Small Businesses can be Replaced by One Payment]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, no.17, January 28, p. 5.
13. Titov D. Biznes i grazhdan priglasayut kontrolirovat’ gosraskhody [Business and Citizens are Invited to Monitor Government Spending]. *Ekonomika i zhizn’* [Economics and Life], 2014, no. 5, pp. 1–2.
14. *O sostoyanii delovogo klimata v Rossii : doklad. Kratkaya versiya* [On the State of Business Climate in Russia]. Moscow: RSPP, 2014. 56 p.
15. Reforma gosudarstvennogo apparata ili smena mentaliteta [Reform of State Apparatus or Change in Mentality]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie* [Effective Anti-Crisis Management], 2015, no. 3, pp. 16–22.
16. 2016: Goryachii kamen’. O goryachikh problemakh rossiiskoi ekonomiki govoreli na Gaidarovskom forume [2016: Hot Stone. About Hot Problems of the Russian Economy at the Gaidar Forum]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2016, January 14, pp. 1–2.
17. Sotsial’naya situatsiya v Rossii v seredine “novogo starogo” politicheskogo tsikla: chto proiskhodit i kakie perspektivy prosmatrivayutsya? Uchastniki obsuzhdeniya sotsial’nykh protsessov: V. N. Bobkov, d.e.n., professor; S.Yu. Glaz’ev, akad. RAN; d.e.n. M. G. Delyagin [Social Situation in Russia in the Middle of the “New Old” Political Cycle: what Happens and what Prospects are Viewed? The Participants of the Social Processes Discussion: V.N. Bobkov, Doctor of Economics, Professor; S.Y. Glazyev RAS Academician; Doctor of Economics M.G. Delyagin]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Journal of Economics], 2015, no. 4, pp. 44–60.
18. Vinslav Yu. Proektnyi podkhod kak mnogourovnevnyi upravlencheskii fenomen: obshchesistemnoe sodержanie, aktual’nost’ primeneniya na makrourovne, neobkhodimost’ i spetsifika ispol’zovaniya na urovne krupnykh integrirovannykh korporatsii [Project Management Approach as a Multilevel Phenomenon: System-Wide Content, Relevance of the Application at the Macro Level, Need and Specifics of the Use at the Level of Large Integrated Corporations]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Journal of Economics], 2015, no. 5, pp. 79–84.
19. Konopatov S.N. Metodologiya gosudarstvennogo upravleniya RF: analiz reformy Akademii nauk [Methodology of Public Administration of the Russian Federation: Analysis of the Reform of the Academy of Sciences]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2013, no. 6, pp. 50–53.
20. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow: Ekonomika, 2007. 447 p.
21. Makarov V.L. K voprosu o proektnoi ekonomike [To the Question about Project Economy]. *Ekonomicheskie nauki sovremennoi Rossii* [Economic Sciences of Modern Russia], 2013, no. 3, pp. 8–14.
22. Krass M. Model’ otsenki reformirovaniya ekonomiki Rossii [Model of Assessment of Economic Reforms in Russia]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie* [Effective Anti-Crisis Management], 2015, no. 3, pp. 62–71.
23. Tatarin A.I., Nekrasov A.A. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k otsenke strategii gorodov-millionnikov: rol’ mestnogo soobshchestva [Theoretical-Methodological Approaches to the Assessment of the Megacity Strategy: Role of Local Community]. *Upravlenets* [Manager], 2014, no. 1, pp.19–25.
24. Goryashko S.S. Grazhdane ne zhdu chudes ot ekonomiki. Vpervye s nachala krizisa bolee poloviny rossiyan schitayut situatsiyu plokhoy [Citizens do not Expect Miracles from the Economy. For the First Time since the Beginning of the Crisis More than Half of Russians Believe the Situation is Bad]. *Kommersant* [Kommersant], 2016, no. 19, February 5, p. 3.
25. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: k 15-letiyu Osnovnogo zakona: Teksty. Kommentarii* [The Constitution of the Russian Federation: to the 15th Anniversary of the Basic Law: Texts. Comments]. Moscow: Statut, 2009. 239 p.

26. Krasnopol'skikh B.Kh. Prostranstvenno-ekonomicheskoe planirova-nie: opyt Velikobritanii (o doklade "Ramki politiki natsional'nogo planirovaniya") [Spatial-Economic Planning: the UK Experience (on the Report "National Planning Policy Framework")]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2012, p. 168-173.
27. Lee Kuan Yew. *Singapurskaya istoriya: iz tret'ego mira v pervyi* (1965–2000) [From Third World to First: The Singapore Story: 1965–2000]. Moscow: Izd. Mann, 2013. 347 p.
28. Olsevich Yu.Ya. Ekonomicheskaya nauka i politika pered fundamental'noi neopredelennost'yu rynka [Economic Science and Politics before Fundamental Uncertainty of the Market]. *Voprosy ekonomiki* [Economical Issues], 2013, no. 6, pp. 92-95.
29. Mirer Ya. Ogranichennaya Rossiya [Organic Russia]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 2011, no. 4, pp. 153-169.
30. Medvedev D.A. Novaya real'nost': Rossiya i global'nye vyzovy [New Reality: Russia and Global Challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Economical Issues], 2015, no. 10, pp. 5-29.
31. *O chem mechtayut rossiyane: ideal i real'nost' : monogr.* [What do the Russians Dream About: Ideal and Reality : Monograph]. Under editorship of M.K. Gorshkov, R. Ktumm, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2013. 400 p.
32. Golubev V., Tarko A. Neravenstvo i razvitie [Inequality and Development]. *Ekonomist* [Economist], 2015, no. 12, pp. 3-13.
33. Ivanter V.V. Genri Ford okazalsya prav [Henry Ford Was Right]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2016, no. 6894 (26), February 9, pp. 11.
34. Kleiner G.B. Ekonomicheskie zadachi ne reshit' bez uchastiya gosudarstva [Economic Problems Cannot be Solved without State Participation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Right], 2013, no. 2, pp. 7-10.
35. Tsagolov G.N. *Pochemu vse ne tak* [Why is it not That]. Moscow: Ekonomika, 2012. 356 p.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4

УДК 338.242.4, ББК 65.09

© Бухвальд Е.М.

Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии*

Евгений Моисеевич

БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор

Институт экономики РАН

117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

buchvald@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных положений Стратегии развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации до 2030 г. и сопоставление ключевых параметров этой стратегии с теми целевыми индикаторами по развитию МСП, которые давались в различных планово-прогнозных и концептуальных документах Правительства РФ. Анализируются основные причины неудач с ранее декларировавшимися ориентирами на мощный «прорыв» в этом секторе национальной экономики, в том числе за счет реализации ряда целевых государственных программ развития и поддержки МСП. Недостаточная результативность государственной политики развития и поддержки МСП долгое время была обусловлена не только ее достаточно примитивным инструментальным аппаратом, но и ее оторванностью от других ключевых направлений экономической политики государства, а также общим неудовлетворительным ходом структурных реформ в российской экономике. Одновременно в статье акцентируется внимание на необходимости существенного обновления всей идеологии государственной поддержки МСП в Российской Федерации как с учетом уже достигнутого уровня развития малых форм хозяйствования в национальной экономике, так и тех задач, которые определяют ее приоритеты на перспективу, прежде всего в контексте перехода на инновационный тренд развития. Автором формулируются условия, при которых возможно более-менее полное достижение основных параметров новой стратегии развития МСП в стране. При этом основное внимание уделяется практическим путям согласования мер государственной политики поддержки и развития МСП с формированием единой системы стратегического планирования в Российской Федерации, с

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательского проекта № 14-02-00324 «Альтернативы государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства России».

разработкой активной промышленной политики, расширением сферы применения практики государственно-частного партнерства и пр. Важным условием эффективного стратегирования государственной политики развития и поддержки МСП выступает ее децентрализация, т.е. акцент на расширении функций и экономической заинтересованности субфедеральных (региональных и местных) органов управления в осуществлении активных мер поддержки МСП.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; государственная поддержка; стратегическое планирование; промышленная политика; децентрализация государственной политики в отношении МСП.

Нынешний этап развития российской экономики, присущие ему трудности как никогда вызывают к принятию системных управленческих решений, рассчитанных на долговременный период и обеспечивающих принципиально новые, позитивные тренды в хозяйственном и социальном развитии в стране. Принятие федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [17] дает возможность перевести вопрос о формировании такой системы государственного и муниципального управления в плоскость практических действий. Эта задача касается всех уровней публичной власти в стране – федеральной, региональной и местной, которые, в соответствии с законом, образуют «вертикаль» стратегического планирования на единой нормативно-правовой и методологической базе.

Одновременно на каждом уровне управления формируется своя «горизонталь» стратегического планирования, интегрирующая пространственные и отраслевые составляющие плана, а также его ключевой инструментарий, а именно: программно-целевые методы управления и бюджетирования, систему прогнозирования и мониторинга планов и программ, институты развития, механизмы государственно-частного партнерства и пр. Сказанное в полной мере относится и к кругу вопросов, касающихся различных сторон государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства.

Социально-экономическое стратегирование и малый бизнес

Современное общество не может обойтись без представлений о будущем экономики как основе своего развития; без представлений о том, каков будет ее завтрашний день. Но такое стратегирование имеет не только чисто экономический смысл. Как отмечал Л.И. Абалкин, разработка и принятие стратегии «создают нравственную поддержку проводимой властью политики, выражают доверие ей» [1, с. 85]. Эта мысль исключительно важна применительно к стратегированию развития МСП, поскольку МСП – это не только сектор экономики, это еще и очень массовое хозяйственное и социальное явление, так как малый и средний бизнес – это 95% действующих в России коммерческих компаний. Это также один из важнейших компонентов формирования среднего класса – наиболее значимой опоры экономической динамики и социально-политической стабильности современного общества.

Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что вообще характеризует стратегический подход к социально-экономическому планированию, естественно, применительно к условиям современного социального рыночного хозяйства. Это, по нашему мнению, следующие принципы государственного и муниципального управления: системный охват всех основных сфер хозяйственных и социальных процессов в экономике в целом и

ее отдельных областях в согласовании с регулированием пространственной картины размещения производительных сил; сценарный вариант социально-экономического стратегирования; долговременность целей и их адекватное экономическое обеспечение; программно-целевое управление и бюджетирование; использование механизмов государственно-частного партнерства.

Важным принципом экономического стратегирования выступает гармоничное сочетание целеуказания для каждого уровня управления с системой стимулирующих мер, характеризующих обозначенные в стратегии приоритеты как ключевые интересы общества в целом. Экономические стратегии и содержащиеся в них индикативные планы, как отмечал Р.С. Гринберг, это прежде всего «не приказы, а побудительные мотивы в реализации желаемых целей» [19, с. 19]. Конечно, такая экономически и институционально оптимальная модель стратегического планирования, да еще в виде единой, согласованной «вертикали» для всех уровней государственного и муниципального управления, не может быть выстроена в одночасье. Здесь требуется накопление опыта, постоянное совершенствование законодательной базы и соответствующих методических наработок, подбора инструментального аппарата.

В действующем виде структуризация ключевых документов стратегического планирования представлена в разрезе «отраслевой» и «пространственной» компоненты плана (ст. 19 – «Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации» и ст. 20 «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» ФЗ № 172). Так, в ст. 19 говорится о том, что отраслевые документы стратегического планирования определяют развитие

той или иной отрасли экономики и могут быть основой для разработки соответствующих государственных программ Российской Федерации и ее субъектов, программно-целевых документов государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием. Такой подход представляется нам не вполне корректным.

Во-первых, «отраслевой» срез национальной экономики уже достаточно давно обозначается в статистике не понятием «отрасль», а понятием «вид экономической деятельности». Это часто приводит к известной несопоставимости нормативно-правовой базы, отдельных параметров государственных программ и имеющейся статистической информации, в том числе и по развитию сектора МСП. Так, в стране действует государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года» [8]. О развитии малого и среднего предпринимательства [15] говорится в 209-м ФЗ ст. 22 «Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства». Наконец, есть 488-й ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [16]. При этом в данных статистики о структуре произведенного ВВП такой обобщающий показатель, как «промышленность», не присутствует; он заменен индикаторами по отдельным видам экономической деятельности, так или иначе совпадающими с прежними представлениями об отраслях промышленного производства.

Во-вторых, в современной системе хозяйствования есть социально-экономические объекты (институты), которые не могут быть в чистом виде препарированы как отраслевой или пространственный аспект

стратегического планирования, так как, по сути, выступают их симбиозом. Таким институтом выступает и сфера МСП, интегрирующая как отраслевые аспекты, так и пространственные характеристики развития национальной экономики.

Строго говоря, в самом 172-м ФЗ о сфере МСП непосредственно ничего не говорится. Но это не значит, что требования стратегических подходов на государственную политику в отношении МСП вообще не распространяются. Прежде всего, крайне сложно представить себе продуктивное социально-экономическое стратегирование в стране, особенно на субфедеральном уровне, вне представлений о долговременных трендах развития сферы МСП и о потребных ей мерах государственной и муниципальной поддержки. Далее становится очевидным, что 172-й ФЗ ориентирован не на отдельные сегменты экономики, а на ключевые принципы, методы и документы стратегического планирования, детализация которых в практике управления будет определяться значительным числом подзаконных нормативно-правовых актов, работа над которыми еще будет продолжаться длительное время. Наконец, успех стратегического планирования в стране в его отраслевых и пространственных составляющих в большой мере будет определяться степенью интеграции и взаимодействия целого ряда принятых в последнее время важных законодательных актов, создающих основу государственного регулирования экономики. Помимо названного выше закона о промышленной политике это и закон о государственно-частном партнерстве [18].

На XIV Форуме по стратегическому планированию, состоявшемся в Санкт-Петербурге 19–20 октября 2015 г., немало

говорилось о том, как «вписать» в такое планирование долговременные представления о развитии тех или иных отраслей и сфер российской экономики. Это в полной мере касается практики стратегирования развития российского МСП и всех мер политики его государственной поддержки. Здесь необходимо определиться с тем, что вообще подлежит стратегированию в сфере развития и государственной поддержки МСП; как следует увязывать такую стратегию с иными документами отраслевого и территориального стратегического планирования; применим ли в отношении МСП сценарный вариант стратегирования и пр.

Конечно, было бы логично и очень продуктивно вписать национальную стратегию развития МСП и его государственной поддержки в число обязательных документов стратегического планирования на всех уровнях управления. Это позволило бы формировать стратегию МСП в соответствии с теми строгими требованиями, которые предъявляются законом ко всем документам стратегического планирования, в частности, в контексте их согласованности — как в разрезе отраслевого, так и пространственного стратегирования. Однако акцент на таком предложении мог бы генерировать большое количество аналогичных мнений относительно и многих иных стратегических документов, которые разрабатываются в стране по отдельным сферам и отраслям экономики, что сделало бы такое планирование технически неосуществимым.

В этой связи более реалистичным является предложение внести соответствующие дополнения в 209-й ФЗ 2007 года [15]. Так, статью 2 данного закона следует дополнить определением общегосудар-

ственной, региональной и муниципальной стратегии развития МСП. Соответственно, в ст. 9, 10 и 11 этого закона следует указать полномочия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по формированию стратегий развития и поддержки МСП согласно документам стратегического планирования, разрабатываемым на данном уровне управления. Реализация этих норм, несомненно, будет способствовать существенному усилению стратегических начал в рамках государственной политики развития и поддержки малых форм хозяйствования в национальной экономике. Однако сами по себе те или иные новации правового характера не дадут должного эффекта, если формальные обязательства не будут подкреплены экономическими ресурсами развития и поддержки МСП, а также институтами их реализации на каждом уровне управления. Такая ситуация вызвала к принятию решений системного характера.

В апреле 2015 года состоялось заседание Государственного совета Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего бизнеса в стране. По итогам этого заседания Президент РФ В.В. Путин подписал целый перечень поручений, в соответствии с которым Минэкономразвития России давалось задание подготовить проект Стратегии развития МСП до 2030 года (далее – Стратегия). Особое внимание к данной Стратегии предопределялось тем, что она фактически могла бы стать первой ласточкой в разработке документов стратегического планирования после принятия 172-го ФЗ. Согласно разработанному проекту Стратегии, ее целью является развитие сферы МСП, с

одной стороны, как фактора инновационного развития и совершенствования отраслевой структуры экономики, а с другой – как важного инструмента социального развития, обеспечения высокого уровня занятости и доходов населения и в целом формирования среднего класса современного общества.

В качестве ключевых ориентиров Стратегии развития МСП до 2030 г. (обсуждение документа еще продолжается) обозначен ряд масштабных социально-экономических задач. В их числе – увеличение оборота МСП в сопоставимых ценах в 2,5 раза по сравнению с уровнем 2014 г. Предполагается, что это будет соответствовать увеличению доли МСП в ВВП России не менее чем в 1,5 раза. Действительно, в мировой практике наиболее важным индикатором развития сферы МСП является ее доля в ВВП. Однако в российской статистике показатель доли МСП в ВВП уже достаточно длительное время не публикуется (последний раз эти данные были опубликованы в 2006 г.). Подобные сведения периодически появляются в разных источниках и между собой часто не совпадают. Так, в проекте Стратегии говорится, что на МСП в настоящее время приходится «около одной пятой» ВВП России. Стратегией также предполагается увеличение в 2 раза производительности труда занятых в секторе МСП по отношению к 2014 г.; увеличение доли обрабатывающей промышленности в хозяйственном обороте МСП до 20% (против 12–13% в настоящее время). В плане социальных эффектов предусматривается увеличение доли занятых в сфере МСП до 35% в общей численности занятых.

Основные показатели, характеризующие место сектора МСП в российской экономике, представлены в *таблице*.

Доля субъектов малого и среднего предпринимательства в основных экономических показателях Российской Федерации, % к итогу

Показатели	Средние предприятия				Малые и микропредприятия			
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей)	5,2	4,3	3,7	3,6	21,0	22,7	23,4	23,5
Оборот предприятий	7,1	5,1	5,4	4,9	21,4	22,2	21,1	20,5
Инвестиции в основной капитал	2,3	2,4	1,7	2,3	7,2	3,9	4,1	4,3
Источник: по данным Росстата.								

Оценивая эти целевые ориентиры, прежде всего следует иметь в виду, что в период российских экономических реформ сфера МСП (понятие «среднее предпринимательство» было законодательно введено только в 2007 г.) развивалась очень неравномерно и неоднозначно. Во многом это связано с тем, что меры государственной поддержки МСП на всех уровнях управления в эти годы неизменно более декларировались, нежели реально осуществлялись на практике [2, с. 2–14; 7]. Так, после 2010 г. происходило сокращение числа предприятий, подпадающих под критерии «средних», числа занятых на этих предприятиях, а также их хозяйственного оборота при некотором увеличении инвестиций данной группы предприятий в основной капитал. Несколько более благоприятно складывалась ситуация в сфере малых и микропредприятий. Формально их общее число и объем хозяйственного оборота (в текущих ценах) выросли, но при этом количество занятых на этих предприятиях оставалось в последние годы практически неизменным; не показали заметного роста (в неизменных ценах) и инвестиции малых предприятий. На сектор МСП приходится только 5–6% от общего объема основных средств и 6–7% от объема инвестиций в основной капитал в целом по стране. Сформулированная нами почти 20 лет назад характеристика

российского МСП как «предпринимательства без собственности» и сегодня остается актуальной [3, с. 9; 4, с. 10].

Доля обрабатывающих производств в хозяйственном обороте средних предприятий (22–23%) хотя и не растет, но остается более чем вдвое выше, чем у малых и микропредприятий (9–10%). На фоне некоторого сокращения числа средних предприятий можно сделать вывод, что здесь происходит выявление слоя уже достаточно зрелых предприятий, способных, при соответствующих мерах целевой поддержки, решать задачи развития современных, конкурентных высокотехнологичных производств, занять свою нишу в процессе реиндустриализации российской экономики. В то же время выход малых и микропредприятий из преобладающей ныне сервисной и торгово-посреднической ниши, несмотря на все прежние оптимистические прогнозы, пока еще представляется достаточно проблематичным.

Таким образом, в целом малый бизнес России никак не повернется «лицом» к реальному сектору экономики, сфере промышленного производства, решению задач модернизации. По своей сути он остается не только инвестиционно, но и инновационно малоактивным. По данным, приведенным на заседании Госсовета РФ 7 апреля 2015 г., удельный вес малых пред-

приятий, работающих в сфере технологических инноваций, застыл на отметке ниже 5%. Более того, по данным Росстата (2013 г.), по такому показателю, как доля инновационных товаров, работ и услуг в продукции обрабатывающих производств, малый бизнес (без средних и микропредприятий, а также индивидуальных предпринимателей) существенно уступает крупным предприятиям (2,24% против 11,6%).

Особенность Стратегии состоит в том, что она предполагает не только количественный рост сферы МСП в российской экономике (по доле в ВВП и общем числе занятых), не только ее качественное улучшение (например, по показателям производительности труда), но и достижение принципиально иной роли МСП в формировании долговременных трендов развития российской экономики. Для достижения указанных целей Стратегия предусматривает как значительный объем бюджетных затрат, так и ряд существенных институциональных новаций. В их числе – создание единого центра поддержки МСП; формирование новых рыночных ниш и новых возможностей технологического развития для малого бизнеса; доступное финансирование и предсказуемая фискальная политика, а также квалифицированные кадры. Дает ли это достаточные основания говорить о том, что стратегирование в развитии российского МСП и формировании соответствующего направления экономической политики государства состоялось?

Другими словами, необходимо ответить на вопрос: в какой мере «Стратегия МСП – 2030» отвечает современным тенденциям в системе государственного управления и нынешнему этапу развития этого сектора российской экономики? Разумеется, статья не нацелена на исчерпывающий «крити-

ческий разбор» данного документа. Автор ставит своей целью выделить ряд позиций, особенно важных для придания Стратегии характера практически значимого документа по данному направлению экономической политики государства.

Стратегия–2030: каковы шансы на реализацию?

Совершенно очевидно, что «Стратегия МСП до 2030 г.» не может быть простым подновлением целой серии подобных документов, принимавшихся в предшествующие годы и не имеющих особого успеха в плане их практической реализации. Иначе и итоговый результат новой стратегии МСП будет тем же. Примером может служить так называемая дорожная карта «Развитие малого и среднего предпринимательства» до 2012 г., которая предусматривала увеличение доли сектора МСП в ВВП страны с 21% в 2008 г. (что мы имеем и сегодня) до 29% в 2012 г., чего мы так и не достигли. Сейчас предполагается довести эту долю до 45–50% (!), что на деле требует в принципе иной структуры всей национальной экономики. С этой точки зрения важно, чтобы стратегическое планирование в сфере МСП (как и в целом по экономике страны) не вылилось лишь в фиксацию тех или иных количественных показателей. Необходим особый «срез» институционального стратегирования, т.е. одновременного планирования на долговременном горизонте тех институциональных новаций, которые должны обеспечить достижение приоритетов плана, в том числе по развитию сектора МСП и усилению его позитивного воздействия на развитие всей национальной экономики.

Чтобы создать регулятивный документ нового типа, действительно стратегического характера, нужно как минимум определиться с двумя главными вопросами.

Во-первых, в какой мере и как конкретно следует увязывать подобную стратегию с иными документами отраслевого и территориального стратегического планирования. Во-вторых, четко сформулировать то, что конкретно подлежит стратегированию в сфере развития и государственной поддержки МСП.

Ответ на первый вопрос нам представляется самоочевидным. Реальное стратегирование МСП, преодолевающее прежнюю тенденцию самоизолированности этого направления экономической политики государства, возможно только в увязке стратегии МСП со всеми исходными или ключевыми документами стратегического планирования. Главную роль среди этих документов играет Стратегия развития социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г., работа над которой еще продолжается. Было бы неверным утверждать, что Стратегия МСП до 2030 года совсем «не видит» 172-й ФЗ по стратегическому планированию, не учитывает его основных требований и пр. Однако достижение реального согласования затрудняется тем, что реализация модели стратегического планирования в Российской Федерации находится на самом начальном этапе и соответствующие ему ключевые документы пока не подготовлены. Не ясно, когда появятся и стратегические документы по развитию промышленности, упоминающиеся в 172-м ФЗ по стратегическому планированию и в 488-м ФЗ по промышленной политике.

Не образует в этом смысле консолидирующего начала и государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [8], в которой трудно найти что-либо, отражающее видение роли МСП в развитии промышленного потенциала России.

Иллюстрацией этой ситуации могут служить так называемые ведомственные программы поддержки МСП, которые реализуются рядом федеральных органов исполнительной власти. Даже если эти программы и включают в себя цели развития промышленно ориентированного МСП, они не могут полноценно решить эту задачу, так как осуществляются одними ведомствами вне координации с программами (стратегиями) других отраслей промышленности.

В весьма размытом виде цели и инструменты государственной политики в отношении МСП представлены и в государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» [9]. Эта программа формально включает в себя подпрограмму 2 – «Развитие малого и среднего предпринимательства». Эта подпрограмма ориентирует на увеличение доли занятых в сфере МСП экономики России с 25% в 2012 г. до 29,3% в 2020 г. и увеличение общего количества МСП – получателей государственной поддержки – к 2020 г. не менее чем до 1 650 тыс. единиц (!). Несмотря на то что квинтэссенцией программы является идея перехода к экономике инноваций, уяснить из документа, в чем именно видится роль малых форм хозяйствования как особых субъектов инновационной деятельности, практически невозможно. Не содержит документ и указания на адресные меры поддержки особой группы инновационно ориентированных МСП. По сути, все сводится к приданию «легитимности» ведомственным программам Минэкономразвития РФ – мерам нужным и своевременным, но не исчерпывающим всю совокупность предпосылок перехода российских МСП на качественно новую ступень развития и утверждения их роли как важного «актера» инновационной модернизации экономики.

Как мы полагаем, центральное место в стратегировании государственной политики в отношении МСП должно занять формирование новой идеологии этой политики и, соответственно, новой системы приоритетов, институтов и инструментов ее реализации. В целом современная экономическая теория и практика управления уделяют большое внимание специфике малых форм хозяйствования и их значимости как объекта политики государственного регулирования. При этом в российских условиях в течение последних 20 лет практика такого регулирования неизменно приоритет отдавала широкомасштабному государственному, максимально широкому по охвату патернализму в отношении МСП, мерам прямого и косвенного (в виде налоговых и иных льгот) вливания в эту сферу значительных бюджетных ресурсов. В связи с этим и сложилась ситуация, при которой в идеологии и практике государственной политики в отношении МСП преобладающими оказались принципы вспомоществования, льготирования, квотирования и пр. Разумеется, эти методы государственной политики в отношении МСП как таковые никто не отменял; они были и остаются значимыми в практике поддержки МСП всех экономически развитых и тем более развивающихся стран. Другое дело, когда эти принципы приобретают довлеющий, безальтернативный характер. Тогда результативность государственной политики в отношении МСП, как показала российская практика, существенно снижается.

Это еще раз говорит о том, что новая стратегия в отношении МСП до 2030 г. не может быть простой реновацией или реинкарнацией тех многочисленных программ, концепций и дорожных карт, которые уже предпринимались ранее. Идеология и

практический инструментарий этой политики, которые сложились за 20 лет экономических реформ в России, нуждаются в глубоком переосмыслении. Именно это в первую очередь и должно было бы найти отражение в Стратегии МСП до 2030 года. Речь идет о государственной политике в отношении МСП:

- ориентированной преимущественно не на вспомоществование и льготирование, а на быстрое достижение рыночной зрелости и устойчивости основной массы МСП, на достижение их все большей независимости от факторов так называемой государственной поддержки;

- учитывающей возросшую способность российского малого бизнеса осуществлять уже не только и не столько «компенсаторные» функции в экономике переходного типа, но и решать задачи стратегического характера, в том числе связанные с инновационной модернизацией и политикой реиндустриализации;

- ориентирующейся на уже сложившуюся на данный момент внутреннюю сегментацию российского малого бизнеса по потребным мерам содействия со стороны государства, что, собственно, и должно стать своеобразным компасом для данного направления экономической политики государства. Реализовать эффективную политику развития и поддержки МСП вне выделения в нем соответствующих фокусных групп в настоящее время в принципе невозможно. Что предлагает в этом смысле Стратегия – 2030?

Стратегия выделяет две фокусные группы МСП, а именно: 1) «массовые» МСП, которые, как правило, специализируются на осуществлении торговых операций, предоставлении услуг, производстве и реализации сельскохозяйственной продукции и, таким образом, играют ключевую

роль в обеспечении занятости, повышении качества среды проживания; 2) «высокотехнологичные» МСП — экспортно ориентированные предприятия, предприятия в сфере обрабатывающего производства и предоставления услуг, быстрорастущие предприятия («газели»), которые обеспечивают внедрение инноваций в производстве.

Как мы полагаем, подобная группировка МСП как объектов государственной поддержки явно недостаточна, поскольку она не выделяет в качестве целевой для такой поддержки наиболее важную фокусную группу — группу российских промышленных МСП. Таковые, на наш взгляд, отнюдь не обязательно должны быть экспортно ориентированными и даже не «сверхинновационными», но тем не менее способными играть существенную роль в «новой индустриализации» российской экономики и в решении практических задач импортозамещения. Именно здесь прослеживается важность тесной взаимоувязки Стратегии МСП до 2030 г. с основными направлениями промышленной политики в стране, с соответствующим федеральным законом и программными документами по промышленному развитию.

В этой связи весьма ущербным для государственной политики в отношении МСП мы полагаем отсутствие адекватного отражения этой проблематики в законе о промышленной политике. То, что упоминания о МСП нет в законе о стратегическом планировании, — не критично, так как данный законодательный акт, как было сказано выше, вообще оперирует лишь самыми общими указаниями на отраслевые документы стратегического планирования. А вот отсутствие прямых адресаций к проблематике развития и государственной поддержки МСП в за-

коне о промышленной политике объяснить очень сложно. Длительный период обсуждения законопроекта о промышленной политике, к сожалению, не стал посылом к его высокому качеству. Главная и весьма типичная проблема этого документа — отсутствие системного, но в то же время гибкого, адресного подхода к объекту законодательного регулирования. Закон, в частности, четко не ориентируется на создание в российской промышленности сбалансированной системы хозяйствующих субъектов, хотя промышленно ориентированный малый и средний бизнес со своими специфическими функциями давно стал необходимым элементом «индустриального пейзажа» всех экономически развитых стран мира, особенно в плане обеспечения его инновационной направленности [5, с. 23–31].

Складывается довольно странная ситуация: в федеральном законе о развитии МСП статья о поддержке промышленных МСП есть (ст. 22 209-го ФЗ 2007 г.), а в ключевом законе о промышленной политике на этот счет ничего не сказано. Отсюда возникает большое опасение, что все документы в области промышленной политики, которые должны быть разработаны в развитие этого закона, а также практики стратегического планирования в целом проблематику развития промышленного сектора МСП просто обойдут стороной. Кроме того, прошло уже почти 10 лет с того момента, как закон особым образом закрепил понятие «среднее предприятие», однако четкого представления об этой группе субъектов хозяйствования как особом объекте по целям и инструментам политики государственной поддержки, особенно в отраслях промышленности, так и не сложилось [13, с. 112–121]. Этот пробел должен быть устранен.

При этом документы по стратегическому планированию развития российской промышленности должны учитывать, что система хозяйствующих субъектов в этой сфере экономики должна быть не только сбалансированной (крупные, средние и малые предприятия), но и кооперационно взаимосвязанной. Экономическая наука и практика управления уже утвердились во мнении, что ключевое значение для развития современного, тем более промышленно ориентированного МСП имеет кооперационное и иное взаимодействие крупного, среднего и малого бизнеса. Малый бизнес ровно в такой же мере способствует развитию предпринимательской среды промышленности в целом, в какой крупный промышленный бизнес «тянет» за собой малый. Вот почему в понимании причин нынешней стагнации МСП в России нельзя не разделить мнение Р.С. Гринберга, который отмечал: «Малый и средний бизнес тогда появятся, когда большой будет. А у нас большой – сырьевой. Он не нуждается в малом» [11]. В этом смысле трудно согласиться с тем, что при изложении в Стратегии МСП принципов ее реализации первым указан такой: «Малый бизнес – прежде всего». Это – или явный «перебор», или просто непонимание реальных истоков нынешних проблем российской экономики.

Конечно, нашу позицию нельзя понимать в том смысле, что все действующие меры государственной поддержки МСП необходимо свернуть, как неэффективные. Соответственно, все усилия следует переориентировать на структурные изменения в сфере крупного промышленного производства, поскольку успех в этом направлении сам по себе рано или поздно инициирует мощный подъем сектора МСП в российской экономике. Разумно просто отказаться от еще сохраняющегося при-

ритета «широкоохватности» мер государственной поддержки и сконцентрировать ее на институтах и инструментах поддержки, отвечающих приоритетным задачам реиндустриализации и модернизации национальной экономики в целом.

Следует также обратить внимание на то, что в Стратегии развития МСП в Российской Федерации до 2030 г. слабо представлен пространственный аспект развития и поддержки МСП. Между тем межрегиональная дифференциация в этой сфере настолько велика, что все разговоры о тенденциях и проблемах МСП, о необходимых путях (мерах) его поддержки «вообще» часто напоминают формулу «средней температуры в больнице». Это значит, что территориально дифференцированные меры поддержки МСП могут не только способствовать выравниванию экономики России как «поля» развития МСП, но и сыграть заметную роль в позитивном сближении уровней экономического развития субъектов Федерации [12, с. 43–58].

Формально имеющийся вариант Стратегии содержит особый раздел 7 – «Территориальное развитие». Однако его положения носят достаточно общий, декларативный характер; они не опираются на анализ специфических проблем и трудностей развития МСП в различных типах регионов России и, соответственно, не содержат конкретных предложений по их преодолению. Последнее возможно как за счет децентрализации всей системы государственной поддержки МСП, дифференциации ее инструментария и условий предоставления в различных типах регионов России [6, с. 81–95], так и за счет стимулирования заинтересованности органов субфедерального (регионального и местного) управления в осуществлении действенных мер поддержки МСП на местах. Номинально Стратегия декларирует такой принцип

государственной политики в отношении МСП: «Создавать условия для развития малых и средних предприятий – выгодно». В этом направлении Стратегия, как и все предшествующие документы подобного рода, снова и снова обещает, что будут сформированы стимулы для вовлечения органов государственной власти и местного самоуправления в деятельность по развитию МСП. Однако что это за стимулы, Стратегия не конкретизирует, а то, что в ней описывается (например, поэтапная передача в местные бюджеты большей доли налоговых поступлений; проработка вопроса об установлении дополнительных отчислений в местные бюджеты по всем налоговым поступлениям, уплачиваемым субъектами МСП), на деле обсуждается – и пока безрезультатно – уже не один год [14, с. 197–210].

Наконец, нельзя не отметить, что в имеющейся версии Стратегии МСП почти не отражена роль в развитии МСП так называемых институтов развития. Упомянута лишь вновь созданная корпорация – АО «Корпорация МСП», которая, видимо, и есть тот самый «единый центр поддержки МСП», который упомянут в ключевых задачах Стратегии (во многом аналогичные функции в 1990-е годы выполнял Государственный комитет РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства, но это был полномочный федеральный орган исполнительной власти). Много сказано в Стратегии и об иных специализированных институтах финансовой, имущественной, информационной и иной поддержки МСП.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что в Российской Федерации в настоящее время действует много иных институтов промышленно-инновационного развития, которые, даже если они формально не ориентированы именно на поддержку МСП, по сути, не могут эффективно функционировать вне адекватного развития (участия) этой группы субъектов хозяйствования. Это федеральные и региональные наукограды, государственные корпорации, особые экономические зоны федерального и регионального уровня, зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, промышленные и индустриальные парки и пр. При целевом регулировании и, естественно, при интеграции их доли участия в Стратегию МСП до 2030 г. эти институты также способны дать мощный толчок промышленному и инновационному МСП как потенциально наиболее динамично развивающемуся сектору российской экономики.

Таким образом, Стратегия развития МСП в Российской Федерации должна быть не просто документом, отражающим современные проблемы и перспективы этого сектора российской экономики. Стратегия должна содержать в себе механизмы постоянной актуализации, гибкой ориентации этого направления государственной политики на потенциальные точки наиболее активного роста малого и среднего бизнеса, на новые перспективные «ниши» его вклада в формирование нового, инновационного облика российской экономики в целом.

Литература

1. Абалкин, Л.И. Стратегия социально-экономического развития России [Текст] / Л.И. Абалкин // Труды вольного экономического общества. Юбилейное издание. – М.: ВЭО России, 2015.
2. Бухвальд, Е.М. От совета до совета без прогресса и просвета [Текст] / Е.М. Бухвальд // Национальные интересы приоритеты и безопасность. – 2015. – №35 (320).
3. Бухвальд, Е.М. Предприниматель должен стать реальным собственником [Текст] / Е.М. Бухвальд // Бизнес для всех. – 1999. – №30–31.

4. Бухвальд, Е.М. Предприниматель должен стать реальным собственником (продолжение) [Текст] / Е.М. Бухвальд // Бизнес для всех. – 1999. – №36–37.
5. Бухвальд, Е.М. Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? [Текст] / Е.М. Бухвальд // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №5.
6. Бухвальд, Е.М. Децентрализация в государственной политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства в России [Текст] / Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – №1.
7. Бухвальд, Е.М. Государственная политика развития малого и среднего предпринимательства и модернизация российской экономики [Текст] / Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский, М.Л. Еваленко. – М.: Адвансед Солюшнз, 2015. – 254 с.
8. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». В настоящее время действует в редакции Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №328.
9. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика». В настоящее время действует в редакции Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №316.
10. Гринберг, Р.С. Мировоззренческие тупики экономической политики [Текст] / Р.С. Гринберг // Российский экономический журнал. Спец. вып. «250 лет ВЭО России». – 2015.
11. Гринберг, Р.С. Я не верю в чудеса (интервью) [Электронный ресурс] / Р.С. Гринберг // Мир новостей. – 2015. – 3 апр. – Режим доступа: <http://mirnov.ru/rubriki-novostey/ekonomika/ruslan-grinberg-ja-ne-veryu-v-chudesa.html>.
12. Козырева, П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития [Текст] / П.М. Козырева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №1.
13. Плехун, А.В. Среднее предпринимательство в условиях государственного регулирования рыночной экономики [Текст] / А.В. Плехун // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. – 2014. – №3.
14. Подустов, С.П. Формирование концепции государственного регулирования экономической системы малого бизнеса [Текст] / С.П. Подустов // Российское предпринимательство. – 2015. – Т.16. – №2.
15. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в тексте – 209-й ФЗ).
16. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее в тексте – 488-й ФЗ).
17. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в тексте – 172-й ФЗ).
18. Федеральный закон от 3 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации...»

Сведения об авторе

Евгений Моисеевич Бухвальд – доктор экономических наук, профессор, заведующий центром федеративных отношений и регионального развития, Институт экономики РАН (117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32, buchvald@mail.ru)

Bukhval'd E.M.

The Strategy for Development of Small and Medium Entrepreneurship in Russia till 2030: Ambitions and Realities

Evgenii Moiseevich Bukhval'd – Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Federative Relations and Regional Development at RAS Institute of Economics (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, buchvald@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the basic propositions of the Strategy for Development of Small and Medium Entrepreneurship (SME) in the Russian Federation till 2030 and the comparison of the key parameters of this strategy with target SME development indicators, which had been earlier given in various planning and forecasting documents of the RF Government. The paper investigates the main causes of the failure with the previously declared benchmarks for a powerful “breakthrough” in this sector of the national economy, in particular, via realization of a set of goal state programs of SME promotion and development. Insufficient results of the state policy for promotion and development of SME for a long time were explained not only by its rather primitive tools, but also by its isolation from other key directions of the state economic policy and by general unsatisfactory trends in structural reforms in the Russian Federation economy. The paper also proves the need to upgrade the entire ideology of SME promoting policy in the Russian Federation taking into account the actual level of development of small business in the national economy as well as the tasks that define its priorities for the future, mainly, in the context of transition to innovative development. The author formulates the conditions under which it would be possible to implement the main parameters of a new strategy for SME development in the country. Special attention should be paid to the practical ways of coordinating state policy for promotion and development of SME with the formation of a single system for strategic planning in the Russian Federation, with the elaboration of efficient industrial policy, expansion of public-private partnership practice, etc. An important prerequisite for effective strategy making in the sphere of government policy aimed to develop and promote SME consists in its decentralization, i.e. the expansion of the functions and economic interest of sub-federal (regional and local) authorities in implementing the measures aimed to support SME.

Key words: small and medium entrepreneurship, government support, strategic planning, industrial policy, decentralization of government policy in relation to SME.

References

1. Abalkin L.I. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Strategy for Socio-Economic Development of Russia]. *Trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva. Yubileinoe izdanie* [Works of the Free Economic Society of Russia. The Anniversary Edition]. Moscow: VEO Rossii, 2015.
2. Bukhval'd E.M. *Ot soveta do soveta bez progressa i prosveta* [From Meeting to Meeting without any Progress and Problem Beating]. *Natsional'nye interesy priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2015, no. 35 (320).
3. Bukhval'd E.M. *Predprinimatel' dolzhen stat' real'nym sobstvennikom* [The Entrepreneur Must Become an Actual Owner]. *Biznes dlya vsekh* [Business for All], 1999, no. 30–31.
4. Bukhval'd E.M. *Predprinimatel' dolzhen stat' real'nym sobstvennikom (prodolzhenie)* [The Entrepreneur Must Become an Actual Owner (Continuation)]. *Biznes dlya vsekh* [Business for All], 1999, no. 36–37.
5. Bukhval'd E.M. *Zakon o promyshlennoi politike prinyat: a budet li promyshlennost' v Rossii?* [The Law on Industrial Policy Has Been Adopted: But Will There Be the Industry in Russia?]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 5.
6. Bukhval'd E.M., Vilenskii A.V. *Detsentralizatsiya v gosudarstvennoi politike razvitiya i podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii* [Decentralization in the Government Policy for Development and Promotion of Small and Medium Entrepreneurship in Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1.
7. Bukhval'd E.M., Vilenskii A.V., Evalenko M.L. *Gosudarstvennaya politika razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva i modernizatsiya rossiiskoi ekonomiki* [Government Policy of Development of Small and Medium Entrepreneurship and Modernization of Russia's Economy]. Moscow: Advansed Solyushnz, 2015. 254 p.
8. *Gosudarstvennaya programma "Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti": v redaktsii Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. No. 328* [State Program “Development of Industry and Increase of Its Competitiveness”: in the Wording of the RF Government Resolution of April 15, 2014 No. 328].

9. Gosudarstvennaya programma "Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika": v redaktsii Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. No. 316 [State Program "Economic Development and Innovation Economy": in the Wording of the RF Government Resolution of April 15, 2014 No. 316].
10. Grinberg R.S. Mirovozzrencheskie tupiki ekonomicheskoi politiki [Worldview Dead Ends of Economic Policy]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. Spets. vyp. "250 let VEO Rossii"* [Russian Economic Journal. Special Edition. "The 250th Anniversary of VEO of Russia"], 2015.
11. Grinberg R.S. Ya ne veryu v chudesa (interv'yuu) [I Don't Believe in Miracles (an Interview)]. *Mir novostei* [World of News], 2015, April 3. Available at: <http://mirnov.ru/rubriki-novostey/ekonomika/ruslan-grinberg-ja-ne-veryu-v-chudesa.html>.
12. Kozyreva P.M. Maloe predprinimatel'stvo v Rossii: povsednevnye problemy i trudnosti razvitiya [Small Business in Russia: Everyday Issues and Development Constraints]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 1.
13. Plekhun A.V. Srednee predprinimatel'stvo v usloviyakh gosudarstvennogo regulirovaniya rynochnoi ekonomiki [Medium Business in the Conditions of State Regulation of the Market Economy]. *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, Analiz, Praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice], 2014, no. 3.
14. Podustov S.P. Formirovanie kontseptsii gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomicheskoi sistemy malogo biznesa [Formation of the Concept for Government Regulation of the Economic System of Small Business]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2015, vol. 16, no. 2.
15. *Federal'nyi zakon ot 24 iyulya 2007 g. No. 209-FZ "O razvitiim malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of July 24 2007 No. 209-FZ "On the Development of Small and Medium Entrepreneurship in the Russian Federation"].
16. *Federal'nyi zakon ot 31 dekabrya 2014 g. No. 488-FZ "O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of December 31, 2014 No. 488-FZ "On Industrial Policy in the Russian Federation"].
17. *Federal'nyi zakon ot 28 iyunya 2014 g. No. 172-FZ "O strategicheskoi planirovanii v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of 28 June, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in Russian Federation"].
18. *Federal'nyi zakon ot 3 iyulya 2015 g. No. 224-FZ "O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of July 3, 2015 No. 224-FZ "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation"].

Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

член-корреспондент РАН, доктор географических наук
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Аннотация. Рассмотрены позиции Севера России в различных географических измерениях: циркумполярном, зональном (широтном), меридиональном, структурно-территориальном. На основе первичных данных окружных и районных муниципальных образований автор провел расчеты численности и динамики населения по трем зонам Севера России и выполнил типологические группировки применительно к системам расселения населения и хозяйственной специализации территорий. Анализ «анатомии» Севера показал, что основная часть вопросов социально-экономической политики должна рассматриваться на региональном и локальном уровнях применительно к тем территориально-хозяйственным системам, которые уже сформированы, но нуждаются в модернизации на основе технологий, приспособленных к экстремальным и сложным климатическим условиям. Прикладная часть изучения проблем Севера увязана с теорией территориальной (геосистемной) организации хозяйства.

Ключевые слова: Арктика, Дальний Север, Ближний Север, меридиональная интеграция, территориальные и типологические группировки муниципальных образований, внутриобластные экономические районы.

Начиная с 1945 г. в региональной политике России относительно ее северных территорий используются два понятия: «Крайний Север» и «местности, приравненные к районам Крайнего Севера». Их административно-территориальный состав уста-

навливается органами государственной власти. Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 определен состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Арктика стала как бы первым звеном всего Севера; вторым можно счи-

тать Дальний Север (Крайний без Арктики); третьим – Ближний Север (местности, приравненные к районам Крайнего Севера) (рис. 1).

Арктика – особая зона геополитических отношений, нацеленных на мирное разрешение проблем освоения ее минеральных и биологических ресурсов, а также создание транспортных коммуникаций с использованием Северного морского пути. В данной геополитике Россия ориентируется на законодательное и нормативное регулирование социальной (особенно жизни малочисленных народов Севера) и хозяйственной деятельности, включая охрану окружающей среды. В 2015 г. создана Государственная комиссия по развитию Арктики, составляется ежегодный доклад «О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации Стратегии

развития Арктической зоны Российской Федерации и национальной безопасности на период до 2020 года».

В Стратегии учитываются прежде всего особенности арктической природы: низкий радиационный баланс, близкие к 0 °С средние температуры воздуха летних месяцев при отрицательной среднегодовой температуре, существование ледников и многолетнемерзлых пород, преобладание тундровой растительности и арктических пустынь. В связи с актуализацией климатического фактора развития человечества специалисты отмечают, что климат Арктики в течение последних 600 лет, действительно, испытывал значительные колебания. За этот период времени произошло не менее трёх или четырёх значительных потеплений, однако это (по мнению многих) полностью определялось изменением естественных

Рисунок 1. Широтная проекция Севера России

■ Районы Крайнего Севера

■ Местности, приравненные к районам Крайнего Севера

Красной линией показана сухопутная граница Арктической зоны РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 4 мая 2014 г. № 296.

факторов, и в первую очередь скорости вращения Земли, солнечной активности и характера атмосферной циркуляции.

Геополитический аспект арктической тематики обуславливает необходимость рассматривать ее в циркумполярной проекции, чтобы позиционировать российскую Арктику в международной кооперации с мобилизацией научно-технического потенциала многих стран и с установлением правового порядка, защищающего интересы в равной мере каждой страны. Именно российская часть Арктики наиболее заселена и освоена. В 2010 г. во всей арктической зоне Земли проживало 4238 тыс. чел., арктической России – 2080, арктической Европе – 1280, американской Арктике – 827 тыс. чел. В той части сухопутной Арктической зоны России, состав которой установлен Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296, численность населения в начале 2015 г. составила 2383 тыс. чел.

Россия не только в социальном, но и в природно-ресурсном потенциале мировой Арктики занимает высокие позиции. Здесь сформированы хозяйственные комплексы с почти законченной сетью расселения населения, служащие базой освоения ресурсов Северного Ледовитого океана. Общие запасы нефти и газа в национальных секторах Арктики распределены так (в млрд. тонн условного топлива): Исландия – 16, Аляска (США) – 40, Канада – 61, Дания–Гренландия–Фареры – 65, Норвегия – 65, Россия – 105 (по оценкам национальных энергетических ведомств). В арктической зоне добывается около 80% российского газа, более 90% никеля и кобальта, 60% меди, 96% платиноидов, 100% барита. Большую роль в продовольственном обеспечении населения играют рыбные и другие морские биоресурсы¹.

¹ См.: <https://www.google.ru/search?q=Арктика>).

Противоречия относительно использования ресурсов Северного Ледовитого океана зафиксированы между всеми странами, прилегающими к Арктике. Но это не служит поводом для военно-политического напряжения, а рассматривается в рамках обычных международных отношений [2]. Д.А. Додин считает, что Циркумполярная арктическая зона может рассматриваться в качестве объекта межгосударственных программ по устойчивому развитию [1]. Более того, А.Н. Пилясов полагает, что со временем вокруг Северного Ледовитого океана, как когда-то вокруг Средиземного моря, сформируется мировая кооперация с общими чертами экономического поведения [6]. На арктическую идентичность народов полярных стран как фактор экономического порядка и социальной справедливости рассматривает и Ю.Ф. Лукин [5].

Биологи показали, что риски и угрозы развития Арктики во многом связаны с неблагоприятной динамикой растительного покрова тундры. Метаболизм тундровых биосистем изменился к худшему в части прироста биомассы, зарастания значительных площадей мхов и лишайников кустарниковой растительностью, ускоренного процесса заболачивания. Наука актуализирует проблему кормовой базы оленеводства и подчеркивает, что ее решение должно опираться прежде всего на фундаментальные исследования тундры как уникальной природной зоны. Модернизация оленеводства связана с оснащением отрасли необходимыми сооружениями, оборудованием, средствами связи, транспортом, созданием базы по переработке шкур оленей, производству ценного и высокодоходного эндокринно-ферментного сырья, пользующегося огромным спросом за рубежом.

Особенно проблематичен вопрос об освоении шельфа и удаленных акваторий морей Северного Ледовитого океана.

Н.П. Лавёров, рассматривая проблемы Арктики, особое внимание обратил на технологию добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Академик справедливо отмечает, что торопливость в промышленном освоении без коренной технологической модернизации чаще всего приводит к колоссальным потерям [3]. Не случайно «компании «Роснефть», «Газпромнефть» и «Новатэк» обратились к Правительству РФ с просьбой отложить ввод в эксплуатацию 29 новых месторождений нефти совокупным объемом добычи более 26 млн. тонн в год»².

Поскольку Арктика официально зафиксирована как специфический объект государственной политики, то было бы целесообразно определить для нее статусные позиции в части форм управления, регулирования социально-экономической деятельности, поддержания соответствующего качества жизни. Необходимо нормативно установить то, что отличало бы Арктику от районов Дальнего и Ближнего Севера. Поэтому правомерно усилить арктический вектор региональной политики федерального правительства России, особенно в части совершенствования экономических регуляторов хозяйственной деятельности, объективной оценки прожиточного минимума, пенсионного обеспечения, гарантий переселения, государственной поддержки семьи и детства, жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, социально справедливого распределения природно-ресурсной ренты [8].

В этой связи отметим следующее. В Указе Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 границы и состав сухопутных территорий Арктической зоны РФ установлены в минимальном размере, чтобы сосредоточиться

на решении текущих вопросов в части укрепления обороноспособности в данном геополитическом секторе нашей страны, создания береговой инфраструктуры Северного морского пути, разведки и начального этапа освоения ресурсов шельфа Ледовитого океана. Однако для решения проблем социально-экономического развития высокоширотных территорий России Арктическую зону необходимо рассматривать в других, уточненных границах; надо, кроме того, согласовать законодательство и нормативные акты, касающиеся Крайнего Севера и «вновь выделяемой Арктики». Последнее относится, например, к Архангельской области, где Архангельск и еще три муниципальных района отмеченным Указом отнесены к Арктике, но они не входят в зону Крайнего Севера. Получается, что Архангельская область представлена в Арктике шестью районами, а Республика Саха (Якутия) – всего лишь пятью, Республика Коми – только Воркутой. Стремление северных субъектов РФ дополнительно ввести в зону Арктики некоторые территории обоснованно и справедливо. Это в первую очередь касается именно Республики Коми (в части Интинского и Усинского районов) и Республики Саха (Якутии), где районы (улусы), полностью или частично лежащие севернее 65 гр. с.ш., безусловно, являются арктическими.

Дальний Север – высокоширотная зона России, которую можно характеризовать как континентальный Крайний Север (за исключением части, прилегающей к холодным морям Тихого океана), имеющий не менее жесткий климат, чем на сухопутных территориях Арктики, более выраженную удаленность от транспортных магистралей, но вместе с тем – богатый опыт освоения полезных ископаемых и организации горного, промышленного и сельского хозяйства.

² Аргументы недели. – 2015. – 26 нояб. – №45. – С. 8-9.

Проблемы развития данной зоны во многом связаны с модернизацией существующего горного хозяйства. Только новые технологии могут продлить срок эксплуатации «старых» рудных, угольных и нефтяных месторождений, в том числе с применением гидрохимических методов извлечения из недр полезных ископаемых.

Государственное регулирование социально-экономического развития районов Дальнего Севера полностью «покрывается» нормативной и правовой базой Крайнего Севера. Здесь речь идет не столько о создании новых регуляторов, а в большей мере о надлежащем исполнении уже действующих.

Ближний Север – среди северных самая обжитая природно-экономическая зона. На ее территории проживает 58% населения всего Севера России. Проблемы ее хозяйственного развития в части нефтегазового и горнопромышленного комплексов примерно такие же, как и у Дальнего Севера. Вместе с тем более специфичен биоресурсный комплекс. Для многих регионов Ближнего Севера он является ведущим. Кроме традиционной деревообработки (переработки), специалисты считают очень перспективной биоконсервацию целлюлозного сырья для получения ценных биопрепаратов и технически важных продуктов. Например, выращивание дереворазрушающих грибов на целлюлозных отходах (опилки, стружки, кора) позволяет получить кормовые добавки для животноводства; производство глюкозы посредством ферментативного гидролиза целлюлозы также весьма выгодно экономически и целесообразно экологически. Использование культур клеток как продуцентов в биотехнологии позволяет развернуть широкий спектр производств биополимеров и низкомолекулярных биорегуляторов. Лесохимия также «претендует» на переработку всей биомассы дерева, в том числе произ-

водство спирта, скипидара, провитаминного концентрата, хвойных и эфирных масел, бальзамической пасты, хвойного воска, полипренолов и др. С использованием древесных отходов связаны перспективы развития сельской энергетики.

Для сельского хозяйства Ближнего Севера нужна модернизация, направленная на создание адаптивно-ландшафтных систем земледелия на основе современных агротехнологий. Важным моментом модернизации является подключение к техническому прогрессу сельских домохозяйств и дачных усадеб. Их необходимо обеспечить средствами малой механизации. Кроме того, в сельских поселениях целесообразно организовать технические станции общего пользования (прокат машин и механизмов). Малые формы сельского хозяйства могут оказаться более восприимчивыми (по сравнению с крупными предприятиями) к использованию новых технологий: отечественной грядково-ленточной и голландской – возделывания картофеля, финской – выращивания рассады и посадки капусты, а также хранения овощей с использованием льда в качестве конструкционного материала хранилищ и других.

Промышленность Ближнего Севера по своим территориально-хозяйственным характеристикам мало чем отличается от промышленности несевверных регионов России. Здесь также преобладают крупные предприятия, включенные в структуру транснациональных и национальных корпораций, мало соотносящиеся с малым и средним бизнесом и с отечественным научно-техническим сектором. Такая важная экономическая функция Ближнего Севера, как создание производственных и научно-образовательных баз для всего Севера, включая Арктику, выполняется весьма слабо и без целевого программного обеспечения.

Правовая специфика Ближнего Севера зафиксирована в понятии «местности, приравненные к районам Крайнего Севера». Установленные для этой зоны нормы и поправочные коэффициенты в части доходов населения вполне достаточны с точки зрения их соответствия степени удорожания затрат на жизнеобеспечение. Северные надбавки следовало бы установить для районов Вологодской области, граничащих с Архангельской областью (тем более что Великий Устюг – резиденция Деда Мороза); районов Кировской области, тяготеющих

к Котласу; северных районов Свердловской области (так же, как это сделано для севера Пермского края).

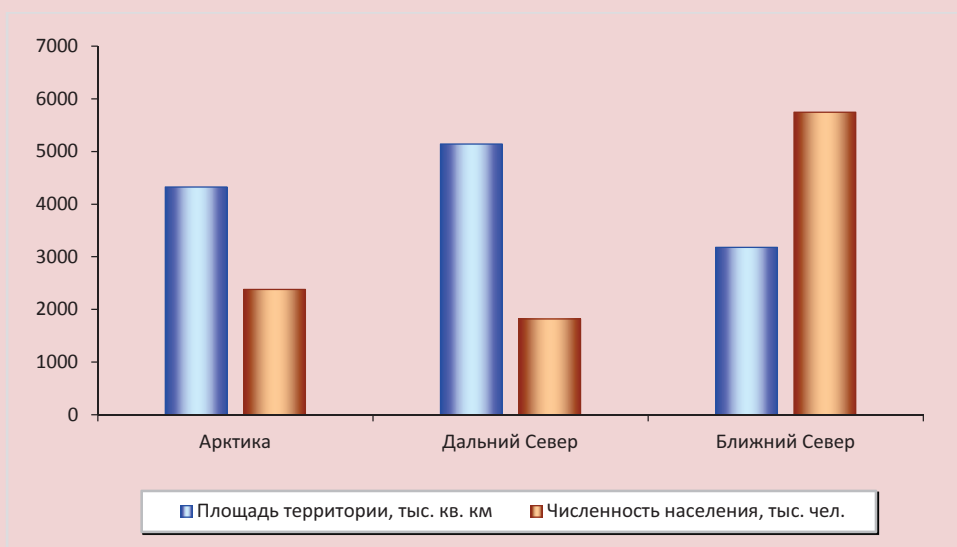
Север в целом включает 13 субъектов РФ и часть территорий 11 субъектов. Их площадь составляет 12,6 млн. км² ($\frac{2}{3}$ территории страны); здесь проживает почти 10 млн. человек (7% населения страны), в том числе около 350 тыс. человек, отнесенных к малочисленным народам, и 1250 тыс. человек, отнесенных к народам многочисленной коренной национальности (табл. 1; рис. 2).

Таблица 1. Площадь территории и численность населения Севера России и северных природно-экономических зон*

Зона	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения, тыс. чел.				Динамика, %		
		1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2015 в % к 2010	2015 в % к 2000	2015 в % к 1990
Север России	12654	12418	11011	10153	9954	98	90	80
В том числе: Арктика	4328	3178	2664	2431	2383	98	89	75
Дальний Север	5144	2432	2084	1870	1823	97	87	75
Ближний Север	3182	6808	6263	5852	5748	98	92	84

* Рассчитано автором на основе данных «Википедии» (Интернет), окружных и районных муниципальных образований с использованием справочных материалов Переписи населения РФ в 1989 и 2010 гг.; дано с округлением до тысячи.

Рисунок 2. Север России: территория (тыс. км²) и население (тыс. чел.), 2015 г.

Самым впечатляющим процессом, побуждающим к размышлению о будущем Севера России, является *массовый отъезд населения* (рис. 3 и 4).

В 1990–2015 гг. население Севера России сократилось на 2464 тыс. человек, или на 20%, в том числе: в европейской части – на 27%, на севере Восточной Сибири – 17, Дальнего Востока – 38%; Север Западной Сибири имеет прирост численности

населения 17%. На этом общем фоне негативно выглядят северо-восточные «углы»: в Республике Коми убыль населения составила 28%, в Магаданской области – 62%, в Чукотском автономном округе – 69%. Европейский Север России теряет население относительно быстрее, чем Север Восточной Сибири, из-за близости к регионам с более благоприятными климатическими и социальными условиями.

Рисунок 3. Динамика численности населения по зонам Севера России, %

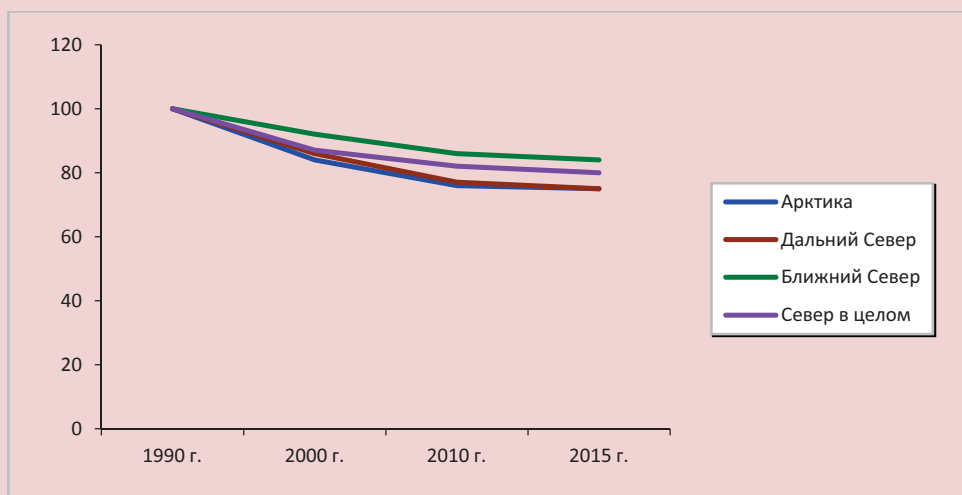
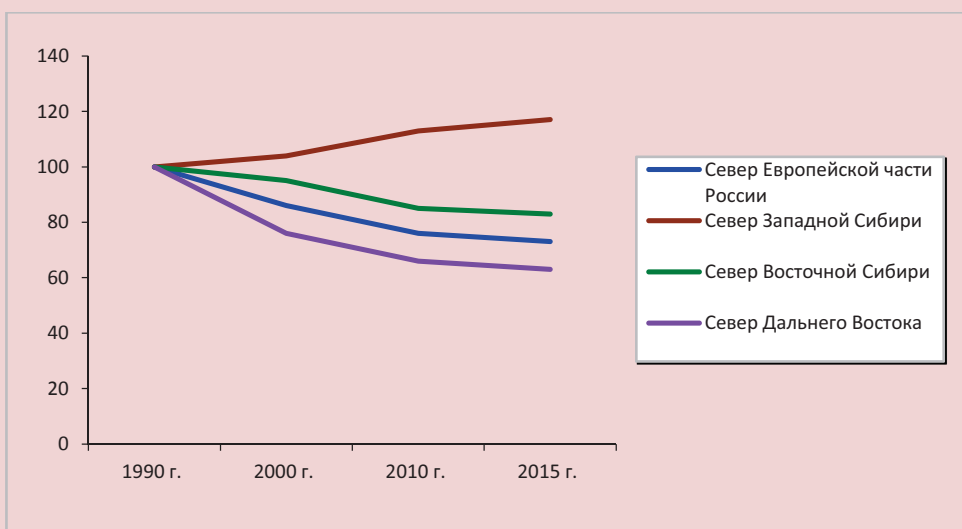

Рисунок 4. Динамика численности населения по секторам Севера России

Заметим, что всё перечисленное в части миграции происходит на фоне положительных сдвигов в репродуктивном поведении населения и роста рождаемости. В регионах Европейского, а еще в большей мере Азиатского Севера 2013 год стал переломным: рождаемость превысила смертность; вместе с тем усиливается и миграционная подвижность, но уже не только в части выезда за пределы Севера, но и внутри него. В числе прибывающих возрастает доля мигрантов из стран Средней Азии.

Каждый человек для переезда из северных регионов находит свои причины, но есть и общие: преобладание малодежидных рабочих мест, почти полное исчезновение стимулирующей роли «северного длинного рубля», низкий уровень социального обустройства, утрата традиционных социально-экономических связей между городом и деревней, боязнь потерять здоровье.

Предсеверные регионы также имеют отрицательное сальдо миграции населения. Это заметно снижает надежду на то, что они (как бы автоматически) будут опорными базами для развития Севера. Пока же они стали транзитным коридором для мигрирующих в центральные и южные регионы северян. Это один из существенных недостатков пространственного развития России.

В каком бы сочетании мы ни рассматривали северные и арктические территории, они всегда будут частью каких-то конкретных **меридиональных геоструктур «Север – Юг» и определенных крупных экономических районов**. Именно в границах крупных меридиональных систем необходимо решать социально-экономические проблемы, адресованные как федеральным, так и региональным распорядительным центрам. То есть политика экономического федерализма должна включать не только отношения «центр – регион», но и межрегиональную интеграцию. Это

существенный фактор формирования единого внутророссийского рыночного пространства.

Совершенствование регулирования социально-экономического развития, действительно, во многом зависит от согласованных инициатив северных и южных субъектов Федерации, тем более если они представляют интересы населения, объединенного единым социально-экономическим пространством. На первых порах региональным правительствам целесообразно сосредоточить внимание на рационализации межбюджетных отношений, далее необходимо нормативно обосновать меру участия каждого региона в реализации общенациональных программ и национальных проектов и наконец – усилить роль межрегиональных программ формирования «транзитной» инфраструктуры и комплексного развития «смежных» окружающих и районных муниципалитетов.

Например, в согласованном развитии Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги (г. Ярославль), ОАО «Белкомур» (г. Сыктывкар), Вологодская лесостроительная организация «Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорг», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов (г. Архангельск), Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе. Естественно, что ведущая роль в координации стратегий и программ социально-экономического развития отводится региональным прави-

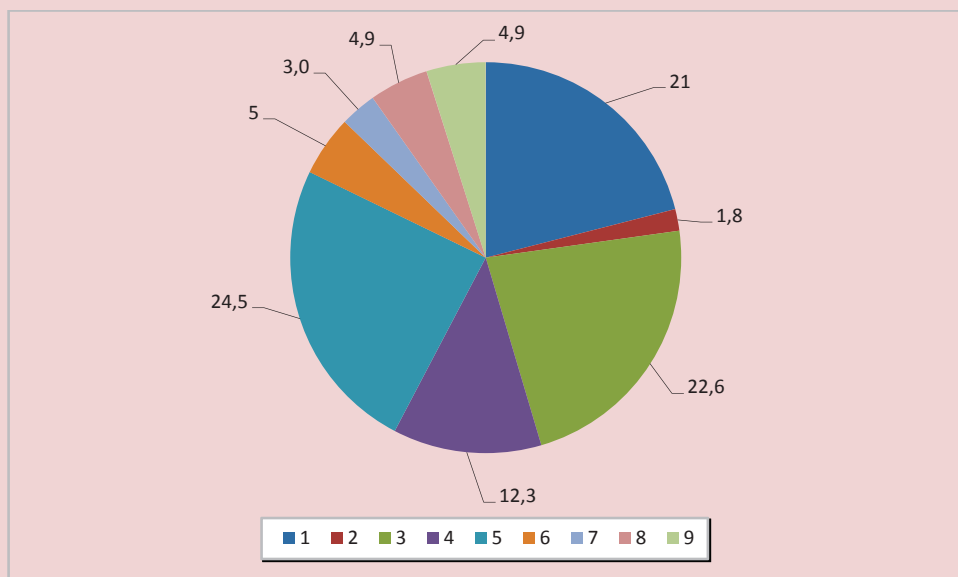
тельствам и муниципалитетам. Однако заметим, что эта роль реализуется пока вяло и ограничивается договорами о сотрудничестве, без создания общих институтов инвестирования и проведения крупных хозяйственных мероприятий.

В качестве перспективного объекта пространственной интеграции можно было бы рассмотреть территорию под условным названием «пять углов»: юг Архангельской области (Котлас, Сольвычегодск, Коряжма, Вычегодский район), юг Республики Коми (Объячево, Спаспурб, Лойма, Летка), восток Вологодской области (Великий Устюг, Кичменгский Городок, Никольск, Пермас), север Кировской области (Луза, Пинюг, Опарино, Мураши), восток Костромской области (Вохма, Пищуг, Павино). Это должен быть объект особого терри-

ториального планирования, районного проектирования и программно-целевого управления. Проблемность указанных территорий не вызывает сомнений, поскольку именно в этих «углах» особенно отчетливо проявляется неудовлетворительное состояние периферии. Аналогичные примеры пространственного сотрудничества можно видеть и в других регионах Севера [7].

Многие социально-экономические проблемы Севера являются территориально-отраслевыми. Их масштаб можно оценить на основе группировки муниципальных районов соответствующей специализации. Таких групп нами выделено девять, каждая из которых связана либо с ведущей отраслью хозяйства, либо с многофункциональной миссией административных центров и крупных городов (рис. 5).

Рисунок 5. Распределение численности населения Севера России по хозяйственным типам окружных и районных муниципалитетов, 2015 г., %

Хозяйственные типы: 1. Областные (республиканские) города-центры. 2. Окружные города-центры. 3. Города и районы нефтегазовой специализации в сочетании с оленеводством и (или) сельским хозяйством. 4. Города и районы горнопромышленной специализации в сочетании с оленеводством и (или) сельским хозяйством. 5. Города и районы лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации. 6. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не включенные в третий и четвертый хозяйственные типы. 7. Порты и рыбная специализация. 8. Другие, включая ЗАТО. 9. Большие города, имеющие многоотраслевую крупную промышленность.

Сформулируем содержание таких проблем:

1. Неудовлетворительное выполнение столичных функций областными, республиканскими и окружными центрами, неопределенность допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, трудности поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др.

2. Неопределенность в развитии городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» деятельности горнообогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания из-за снижения спроса на их продукцию и услуги.

3. Угрозы устойчивому развитию территорий лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации не только со стороны производства, но и социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по логике постиндустриального развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционного уклада жизни. Найти для этого правильное решение весьма трудно.

4. Сложная ситуация в рыбной промышленности, от уровня организации которой зависит жизнь более 300 тыс. северян.

5. Проблемность закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в части их продовольственного и промтоварного обеспечения и необходимости увеличения в данном обеспечении

доли местной экономики, что помогло бы адаптации персонала ЗАТО к сложным природным условиям Севера и Арктики.

Территориально-комплексные проблемы Севера связаны с организацией хозяйственных систем таких трех типов, как:

– *«опорные» хозяйственные комплексы (узлы)* (их на Севере 26), которые базируются на ресурсах длительного пользования; модернизации подлежит уже созданное в них и вокруг них: городские и сельские поселения, жилищно-коммунальное хозяйство, охрана окружающей среды, производство и инфраструктура;

– *промышленная периферия* (53 малых и средних города зоны Севера), которая базируется на разработке полезных ископаемых и обслуживании инфраструктурных коммуникаций; это, как правило, поселения циклического развития, угасание жизни в которых со временем становится неизбежным, если не возникнет иная основа экономики;

– *периферия сельского типа* (не только сельско- и лесохозяйственных, но и всех тех поселений, для которых характерен сельский уклад жизни), которая могла бы войти в систему «центр – периферия», но лишь при наличии определённой инфраструктуры, а именно: устойчивой круглогодичной транспортной связи с использованием при необходимости речных путей, наплавных (понтонных) мостов, зимников, малой авиации; телефонной, почтово-телеграфной, сотовой, телевизионной сети и Интернета с использованием оптоволоконной и космической связи; отделений многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг; стационарных и мобильных пунктов торговли, лечебной и ветеринарной помощи; школьного образования, комфортного для детей, при

необходимости с доставкой на автобусе; районных курсов образования взрослых (компьютерного, технического, санитарного, медицинского, ветеринарного и др.); «кустовых» мини-МТС (машинно-тракторных станций) для предоставления технических услуг личным подсобным и фермерским хозяйствам.

Распределение населения Севера по данным типам территориально-хозяйственных образований показано на *рис. 6*.

Решать указанные территориально-отраслевые и территориально-комплексные проблемы приходится (и это правильно!) в границах конкретных территориально-хозяйственных систем, которые и являются по существу объектами программного планирования. К таким системам, как бы лежащим поверх административных границ, относятся в том числе внутриобластные (внутрикраевые, внутривнутриреспубликанские) экономические районы. Они считаются структурными единицами, обязательными при разработке схем территориального планирования.

На Севере выделено 104 внутриобластных района, в том числе в европейской части – 30 (с Вологодской областью – 35; см. *рис. 7*), западносибирской – 13, восточносибирской – 32, дальневосточной – 29 [4]. Когда северная и арктическая специфика становится определяющей в принятии плановых и проектных решений, необходимы общие начала ее учета, что, в свою очередь, предполагает обмен опытом работы с указанными районами. Почему схожие по экономическим потенциалам и природным условиям развития внутриобластные районы имеют заметно различные социальные результаты?

Внутриобластные районы как объекты территориального планирования мы разделили на четыре группы относительно динамики численности населения. Получили следующие результаты (*табл. 2*).

Динамика по всем внутриобластным районам отрицательная, но в разной мере. Более устойчивы по отношению к социально-политическим коллизиям города с числом жителей свыше 100 тыс. чел.: Архан-

Рисунок 6. Распределение численности населения Севера России по типам территориально-хозяйственных систем в 2015 г., %

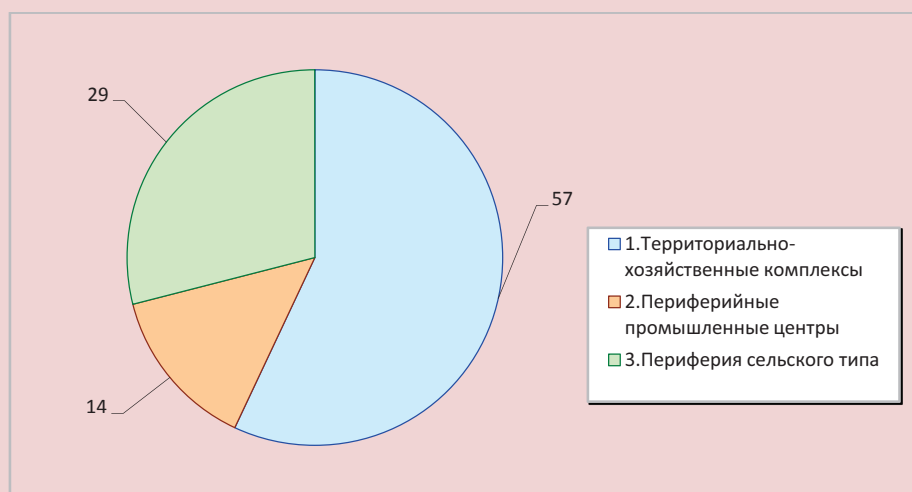

Таблица 2. Распределение численности населения по типам внутриобластных районов; Север в целом = 100%*

Типы районов	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
1. Стабильная численность, отток населения восполняется естественным приростом	27	33	36	38
2. Снижение численности, отток населения не восполняется естественным приростом	49	48	47	47
3. Значительное снижение численности, отрицательная миграция и естественная убыль населения	14	13	11	11
4. Крайне отрицательная миграция с организованным переселением, в сельской местности – старение населения	10	6	6	4

* Показатели таблицы рассчитаны автором.

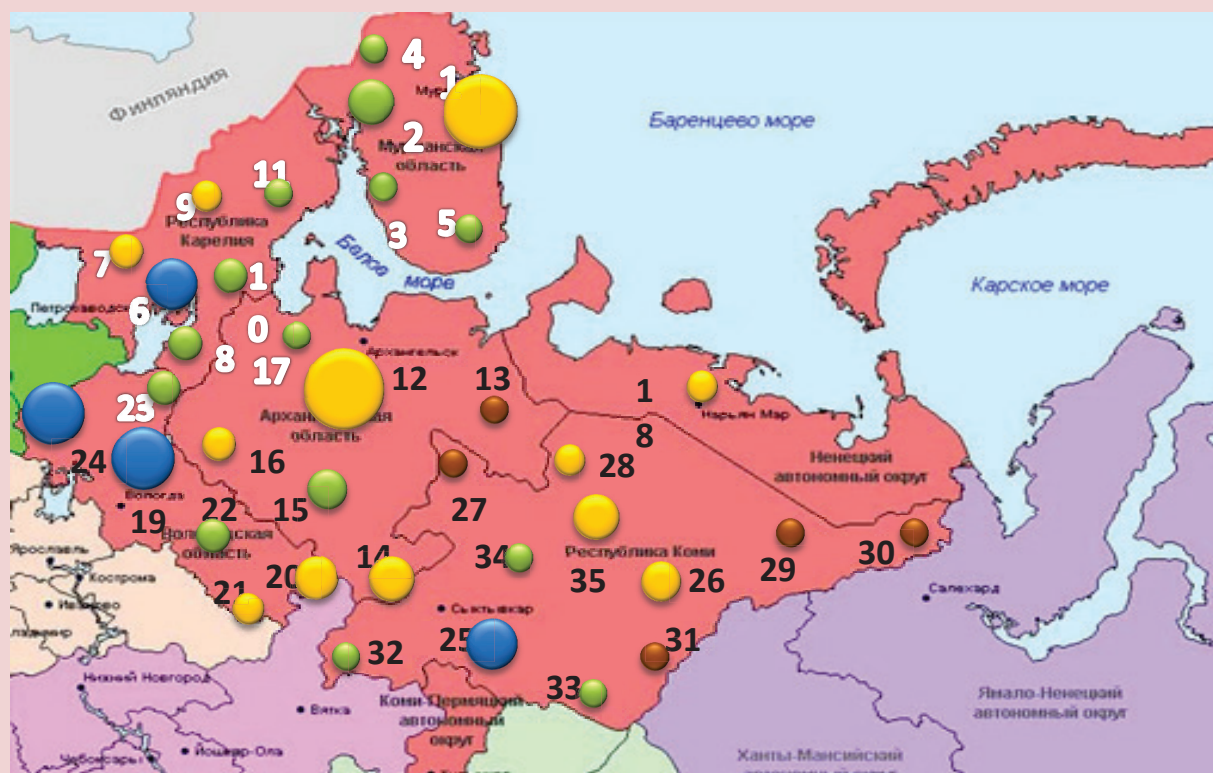
гельск, Северодвинск, Вологда, Череповец, Петрозаводск, Сыктывкар, Ухта – Сосногорская агломерация, Сургут, Нижневартовск, Братск, Якутск, Комсомольск-на-Амуре, в которых размещены предприятия ряда отраслей промышленности и транспорта, и некоторые сельские территории – своего рода анклав с этнокультурным укладом жизни. Менее устойчивы монопрофильные города и территории, например Воркута, Инта, Кировск, Мончегорск, Костомукша, Норильск и другие, а также районы лесозаготовок и сельского хозяйства.

На *рисунке 7* показаны внутриобластные районы Европейского Севера. Видно, что районы во главе с областными и республиканскими центрами восполняют убывающее население за счёт рождаемости и в немалой мере – внутренней миграции из сельских районов. Исключение в этом ряду составляют Мурманск и прилегающие к побережью другие поселения Мурманской области, что характеризует как критическую ситуацию в состоянии арктических функций России (рыболовство в холодных морях, обслуживание Северного морского пути, подготовка баз освоения шельфа Баренцева моря и др.).

Европейский Север России имеет пространственные характеристики, свойственные уже освоенным территориям, то есть со сложившимся каркасом размещения производства и расселения населения. Для этого района характерно разнообразие форм территориальной организации хозяйства и расселения населения. Главное направление его развития – сохранение и модернизация этих форм на основе научно-технических достижений, укрепление внутренних и межрегиональных связей. На Азиатском Севере освоенное и вновь осваиваемое, развитие «вглубь» и «вширь» сочетаются как равнозначные векторы развития.

В целом же можно констатировать, что модернизация действующих производств, инфраструктурное обустройство освоенных территорий, повышение уровня и качества жизни укорененного населения с учетом особенностей традиционных видов хозяйства малочисленных народов является приоритетом в развитии производительных сил Севера. Проблематика «освоения вширь» уходит на второй план; первостепенным становится «освоение вглубь». Движение от освоенных к новым территориям и акваториям сопряжено с огромными затратами и требует времени на научно-техническую подготовку.

Рисунок 7. Пример Европейского Севера России: характеристика внутриобластных экономических районов по динамике численности населения в 1990–2015 гг.

Номерами обозначены экономические районы:

1 – Мурманский, 2 – Апатито-Мончегорский, 3 – Кандалакшский, 4 – Печенгский, 5 – Кольский (Ловозерский), 6 – Петрозаводский, 7 – Сортавальский, 8 – Медвежьегорский, 9 – Западно-Карельский, 10 – Сегежский, 11 – Северо-Карельский, 12 – Архангельский, 13 – Мезенский, 14 – Котласский, 15 – Вельский, 16 – Няндомский, 17 – Онежский, 18 – Ненецкий, 19 – Вологодский, 20 – Великоустюгский, 21 – Тотемский, 22 – Харовский, 23 – Пришекснинский, 24 – Череповецкий, 25 – Сыктывкарский, 26 – Печорский, 27 – Удорский, 28 – Усть-Цилемский, 29 – Интинский, 30 – Воркутинский, 31 – Вуктыльский, 32 – Юго-Западный (Прилузский), 33 – Усть-Куломский, 34 – Княжпогостский, 35 – Ухтинский.

Площадь круга пропорциональна численности населения в 2015 г.

- – стабильная численность, отток населения восполняется естественным приростом;
- – снижение численности, отток населения не восполняется естественным приростом;
- – значительное снижение численности, отрицательная миграция и естественная убыль населения;
- – крайне отрицательная миграция с организованным переселением, в сельской местности – старение населения.

Опыт изучения Севера показал методологическую необходимость сопряжения теории территориального развития, программно-целевого планирования и геосистемного подхода к выявлению и решению социально-экономических проблем. Геосистемным можно считать такой подход, при котором природная среда, население и производ-

ство рассматриваются взаимосвязанно в рамках единого территориального хозяйственного комплекса. Взаимоувязка природных и общественных систем примерно одинаковой размерности методологически вполне правомерна. Наш опыт сравнения количественных измерений физико-географических провинций с характери-

ками хозяйства показал возможность и полезность расчетов природных и природно-ресурсных потенциалов, их ввода в оценку условий экономической деятельности.

Если учесть ограниченность финансово-экономических и организационных ресурсов России и ее регионов, то следует признать целесообразным применение программно-целевого планирования не выше уровня субрегиона – геосистемы в границах двух–трех субъектов РФ. К таковым относятся, например, Кольско-Карельская, Двино-Печорская, Обь-Иртышская. Геосистемность же таких больших природно-экономических зон, как Арктика, Дальний и Ближний Север, весьма условна, усечена или искусственна. Например, у Севера в целом есть лишь один признак геосистемности – террито-

рия водосбора Северного Ледовитого океана. В таком случае Север должен иметь природную южную границу по линии мирового водораздела. Так он рассматривается гидрологами и иногда – геологами, но это не соотносится с общими представлениями о Севере и его проблемах социально-экономического развития. Широкие природно-экономические зоны России не могут выступать в качестве объектов программного планирования. Конечно, программу развития, скажем, Арктики условно можно составить, однако это будет документ неконструктивного характера. Применять же программный метод управления целесообразно не к зонам, а интегрированным территориальным системам, соподчиненным с деятельностью конкретных распорядительных центров.

Литература

1. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы) [Текст] / Д.А. Додин. – СПб.: Наука, 2005. – 283 с.
2. Дынкин А.А. Международное сотрудничество в Арктике: риски и возможности [Текст] / А.А. Дынкин // Вестник РАН. – 2015. – Т. 85. – №5-6. – С. 404-411.
3. Лавёров, Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос [Текст] / Н.П. Лавёров // Редкие земли. – 2014. – №3. – С. 40-48.
4. Лейзерович, Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология) [Текст] / Е.Е. Лейзерович. – М.: Трилобит, 2004. – 128 с.
5. Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире [Электронный ресурс] / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск. – 2012. – URL: <http://arctic---and---north.com>; <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения: 25.12.2012).
6. Пилясов, А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона [Текст] / А.Н. Пилясов // ЭКО. – 2010. – №12. – С. 54-75.
7. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / под науч. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезера. – М.: Экономистъ, 2007. – 415 с.
8. Селин, В.С. Приоритеты современных государственных стратегий развития арктических районов [Текст] / В.С. Селин, Е.П. Башмакова // Регион: экономика и социология. – 2013. – №1. – С. 3-22.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

Geosystem Approach to Socio-Economic Development in the Regions of the North of Russia

Vitalii Nikolaevich Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Geography, Chief Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar 167982, Russian Federation, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Abstract. The paper considers the Russian North in various geographical dimensions: circumpolar, zonal (latitudinal), meridional, structural and territorial. The author estimates the number and dynamics of the population in three zones of the Russian North with the use of primary data provided by district and regional municipalities; he uses the same data to arrange the Northern territories into groups depending on the systems of resettlement of the population and economic specialization of the territories. The analysis of “anatomy” of the North shows that the majority of issues related to socio-economic policy should be considered at the regional and local levels with regard to those territorial and economic systems which have already been formed, but require modernization on the basis of technology adapted for extreme and difficult climatic conditions. The applied part of research on the issues of the North is linked to the theory of the territorial (geosystem) organization of economy.

Key words: Arctic, Far North, Near North, meridional integration, territorial and typological groupings of municipalities, intra-oblast economic districts.

References

1. Dodin D.A. *Ustoichivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable Development of the Arctic (Problems and Prospects)]. Saint Petersburg: Nauka, 2005. 283 p.
2. Dynkin A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: riski i vozmozhnosti [International Cooperation in the Arctic: Risks and Opportunities]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 85, no. 5-6, pp. 404-411.
3. Laverov N.P. Osvaivat' Arktiku slozhnee, chem kosmos [Exploring the Arctic is More Difficult Than Exploring Space]. *Redkie zemli* [The Rare Earth Magazine], 2014, no. 3, pp. 40-48.
4. Leizerovich E.E. *Ekonomicheskie mikroraiony Rossii (setka i tipologiya)* [Economic Microregions of Russia (Grid and Typology)]. Moscow: Trilobit, 2004. 128 p.
5. Lukin Yu.F. *Rossiiskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire* [Russian Arctic in a Changing World]. Available at: <http://arctic---and---north.com>; <http://narfu.ru/aan/> (accessed December 25, 2012).
6. Pilyasov A.N. Arkticheskoe Sredizemnomor'e: predposylki formirovaniya novogo makro-regiona [The Arctic Mediterranean Area: Prerequisites for the Formation of a New Macro-Region]. *EKO* [All-Russian Economic Journal], 2010, no. 12, pp. 54-75.
7. *Prostranstvo, lyudi, ekonomika Yugry. Sotsial'no-ekonomicheskaya transformatsiya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga* [The Space, the People, the Economy of Yugra. Socio-Economic Transformation of Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Under the scientific editorship of S.S. Artobolevskii and O.B. Glezer. Moscow: Ekonomist", 2007. 415 p.
8. Selin V.S., Bashmakova E.P. Prioritety sovremennykh gosudarstvennykh strategii razvitiya arkticheskikh raionov [Priorities of the Current Governmental Development Strategies for Arctic Regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2013, no. 1, pp. 3-22.

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.6

УДК 336.741.236.2, ББК 65

© Домашенко Д.В.

Взаимосвязь экономического роста, цен на нефть и уровня монетизации экономики в странах нефтегазового экспорта: выводы для России

Денис Викторович
ДОМАЩЕНКО

кандидат экономических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
115054, Россия, Москва, Стремянный пер., 36
dendv@rambler.ru

Аннотация. Проблема низкой монетизации российской экономики периодически вызывает серьезные дискуссии о необходимости её существенного увеличения в целях стимулирования экономического роста. Однако этот шаг не изменит кризисной ситуации в силу противодействия структурных факторов и ошибок в денежно-кредитном регулировании. Исследование уровня монетизации в периоды стагнации и снижения нефтяных цен для стран, ориентированных на экспорт сырья, свидетельствует о невозможности стимулирования экономического роста только за счет дополнительного денежного предложения. Политика инфляционного таргетирования в сырьевых развивающихся экономиках может привести к выполнению своей цели только в условиях растущего тренда сырьевых цен, когда денежно-кредитная политика выполняет задачу сдерживания избыточной кредитной активности. В настоящее время падение цен на нефть при либеральном валютном режиме стимулирует высокую инфляцию и сворачивание кредитной активности. Поэтому в периоды негативной сырьевой конъюнктуры требуется переключение денежно-кредитного регулирования в режим противодействия процессам делевериджа в реальном секторе экономики. Динамика кредитной активности должна стать основным индикатором регулирования вместо индекса потребительских цен. Банку России необходимо начинать цикл снижения процентных ставок при падении кредитной активности, даже если индекс потребительских цен остается высоким. Возврат к нейтральной денежно-кредитной политике станет возможен только после разворота падающего нефтяного тренда и увеличения кредитной активности.

Ключевые слова: монетизация, банковская система, инфляционное таргетирование, финансовая стабильность, кредиты.

Уровень монетизации экономики имеет существенное значение при формировании необходимых условий для ее успешного развития. Например, Я.М. Миркин в работе [8, с. 22] показал, что «низкая монетизация, насыщенность экономики финансовыми активами на уровне развивающихся стран, находящихся в нижней зоне доходов на душу населения, ведут к торможению экономического роста, к чрезмерной зависимости от коротких инвестиций нерезидентов, к слабости ресурсного потенциала финансового сектора, завышенной цене денег в экономике». В работе [12] также подтверждается устойчивая взаимосвязь между монетизацией и ВВП на душу населения по выборке из 120 стран. Наконец, в публикации [1] ее автором утверждается, что низкие значения коэффициентов монетизации экономики России и высокие скорости денежного обращения свидетельствуют о слабом доверии экономических агентов к национальной денежной системе, что, как правило, является неизбежным следствием высокой инфляции, что подтверждается состоянием российской экономики. Рассмотренные авторами закономерности охватывают очень широкий набор стран с исходными фактическими данными, собранными в период роста мировой экономики и повышательного цикла цен на нефть. Однако с середины 2014 года начинается понижательный тренд цен на нефть, который негативно сказывается на экономике стран-экспортеров углеводородов.

Деньги являются ключевым компонентом при расчете уровня монетизации экономики. Они представляют собой информацию о возможностях экономических субъектов совершить хозяйственную или финансовую операцию. Денежная эмиссия в настоящее время зависит от способности банковской системы, экономики и

государства генерировать долговые обязательства. Чем сильнее и диверсифицированнее экономика, а также разнообразнее ее экономические связи, тем шире становятся способности осуществлять денежную эмиссию под новые долговые обязательства. Таким образом, уровень монетизации экономики во многом определяется экономической структурой, активностью хозяйствующих субъектов и глубиной финансовой системы. Как прямо отмечают в Министерстве экономического развития РФ, «рост коэффициента монетизации означает, что «оседание» финансовых ресурсов в финансовом секторе происходит быстрее, чем растет номинальный валовой внутренний продукт (ВВП). Этот процесс не обеспечивает рост объемов инвестиций, он меняет структуру и диверсифицирует способы формирования источников инвестирования» [14]. Выходит, что власти не обращают внимания на расчеты и выводы ученых-экономистов?

Для развитых стран характерен высокий уровень монетизации, однако для сырьевых экспортно ориентированных стран ситуация не так однозначна. Из сырьевых нефтегазодобывающих стран можно выделить две группы. Во-первых, страны, где ВВП на душу населения крайне низкий и большинство людей находятся за чертой бедности; во-вторых, страны, где ВВП на душу населения весьма высок и население достаточно обеспечено.

Успех второй группы стран связан не столько с низкой численностью населения по отношению к объемам сырьевого экспорта (как, например, в Норвегии и Канаде), сколько способностью финансовой системы эффективно аккумулировать и перераспределять сбережения, что в конечном итоге положительно сказывается на уровне общей монетизации экономики.

Однако механический прирост показателя монетизации совсем не означает автоматического и ускоренного прироста ВВП. Существует мнение, что рост монетизации экономики позволяет увеличивать темпы экономического роста. На взгляд автора, это справедливо только в рамках растущего тренда цен на нефть в изначально «недомонетизированных» странах. В работе [4] устанавливается положительная связь между положительным приростом уровня монетизации экономики и приростом ВВП на душу населения. Но обращается внимание на предел коэффициента монетизации, равный 54%, при котором его дальнейший рост не дает существенного эффекта на увеличение ВВП на душу населения.

Простое механическое увеличение уровня монетизации в условиях падающего тренда цен на нефть не поможет обеспечить рост российской экономики, преимущественно ориентированной на экспорт углеводородов, т.к. набор факторов, сопутствующих в современных условиях существенному снижению валютной экспорт-

ной выручки, в любом случае перевесит позитив от подрастающей монетизации.

В табл. 1 приведены макроэкономические показатели стран, ориентированных на нефтегазовый экспорт, среди которых можно отметить самый разный уровень монетизации их экономик, при этом степень зависимости ВВП от динамики нефтяных цен в рассматриваемых странах абсолютно не зависит от динамики монетизации их экономик.

Как видно, страны выстроены в порядке убывания по доле нефти и газа в общем экспорте товаров. Так, Россия имеет только 70% нефтегазового экспорта в числе прочих товаров, однако корреляция динамики её ВВП по отношению к динамике нефтяных цен достигает 83%. Кроме того, колебания динамики ВВП по отношению к изменениям нефтяных цен составляют внушительные 64%. По этому показателю только положение Нигерии (71%), Кувейта (70%) и Азербайджана (66%) хуже, чем в России. Правда, в этих странах доля экспорта нефти и газа заметно превышает 90% от общего экспорта товаров.

Таблица 1. Расчетные показатели зависимости макроэкономических показателей стран, ориентированных на экспорт нефти и газа, от динамики нефтяных цен с 2000 по 2014 г.

Страна	Место по монетизации экономики	Доля экспорта нефти и газа в общем экспорте страны, %	Коэф. корреляции динамики ВВП и нефтяных цен, %	Коэф. бэта динамики ВВП по нефтяным ценам, %	Монетизация экономики (М2/ВВП, %)	
					2000	2014
Алжир	2	97	95	53	38	71
Нигерия	13	97	54	71	22	20
Кувейт	3	94	93	70	71	65
Азербайджан	12	93	68	66	16	28
Саудовская Аравия	5	86	98	56	45	55
Казахстан	10	78	80	57	15	34
Россия	9	70	83	64	22	44
Норвегия	7	69	88	38	48	53
ОАЭ	11	67	93	48	33	30
Колумбия	8	56	76	38	26	47
Боливия	1	55	52	20	52	78
Канада	4	26	84	32	72	63
Мексика	6	13	75	28	23	54

Источник: рассчитано автором по исходным данным Thomson Reuters.

Самая высокая корреляция между динамикой нефтяных цен и динамикой ВВП характерна для стран Ближнего Востока, при этом колебания их ВВП существенно ниже, чем в России.

За прошедшие 15 лет российская экономика не избавилась от существенной зависимости темпов своего экономического роста от колебаний мировой сырьевой конъюнктуры. По итогам графического анализа коэффициентов корреляции и бэ-та динамики номинального ВВП относительно мировых цен на нефть (см. *рис. 1*) определилось 4 группы стран-экспортеров углеводородов, характеризующихся разной степенью зависимости их экономического роста от изменений цен на нефть.

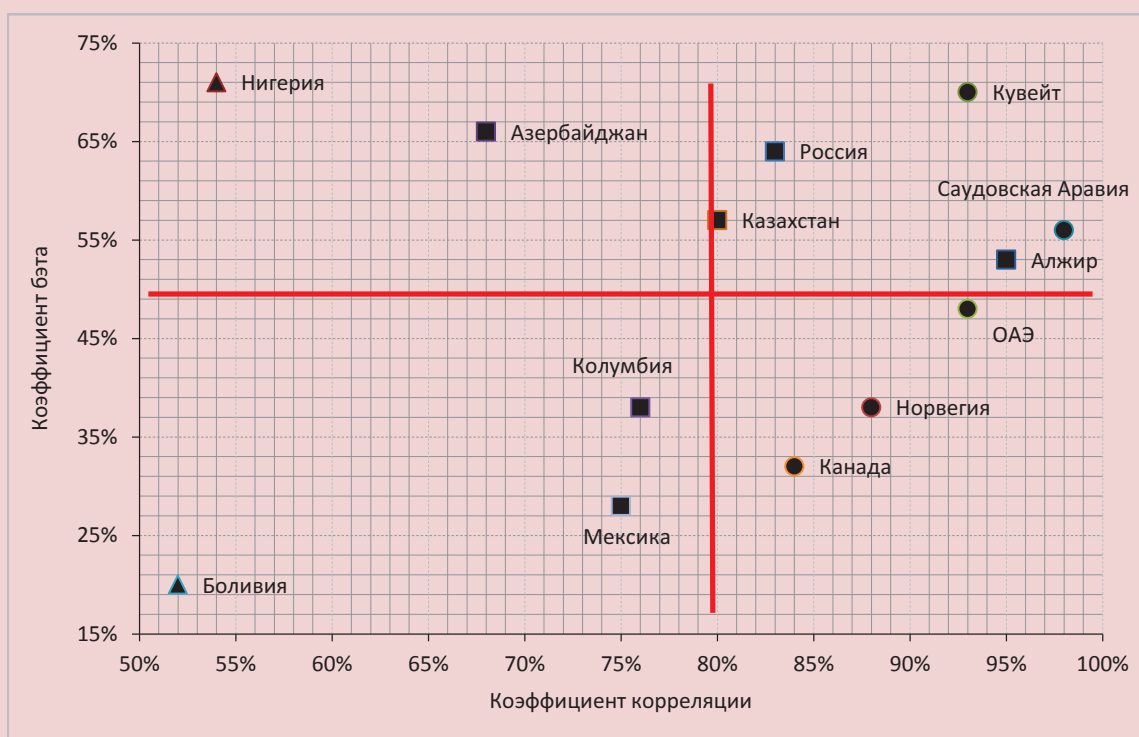
Россия попала в «группу риска» (с одновременно высокими коэффициентами корреляции и бэ-та) вместе с Кувейтом, Саудовской Аравией, Алжиром и Казахстаном.

Немного лучше положение у Азербайджана и Нигерии, ВВП которых, несмотря на более низкую корреляцию с ценами на нефть, также сильно реагирует на направление тренда нефтяной цены.

ОАЭ, Норвегия и Канада сумели добиться более сглаженных колебаний ВВП, несмотря на их сильную корреляционную связь с динамикой цен на нефть.

Наконец, Боливия, Мексика и Колумбия образуют группу стран, очень слабо реагирующих на тренды нефтяного рынка.

Рисунок 1. Корреляция и колеблемость (коэффициент бэ-та) ВВП в зависимости от цен на нефть с начала XXI века

Источник: рассчитано автором по исходным данным агентства Thomson Reuters.

В случае стабилизации нефтяной конъюнктуры, а тем более при понижательном тренде цен на нефть у большинства анализируемых стран наблюдается раскорреляция показателя монетизации экономики и темпов их экономического роста. В этот период даже рост монетизации экономики вполне может сопровождаться снижением ВВП.

В ближайшее время российская экономика не сможет избавиться от высокой зависимости динамики ее ВВП от цен на нефть, однако крайне важно снизить амплитуду колебаний темпов роста экономики при реакции на нефтяной тренд. Для этого ключевой задачей становится снижение коэффициента бэ́та ВВП до уровня 25–30%, как в Норвегии или Канаде. При этом нет смысла продолжать увеличивать монетизацию экономики без ее структурных реформ, но крайне важно поддерживать условия финансовой стабильности.

Финансовая стабильность, на взгляд автора, обеспечивается одновременным синхронным приростом как кредитования, так и объемов денежной массы. Рост кредитования, наблюдаемый практически во всех

рассматриваемых сырьевых экспортно ориентированных экономиках, подстегивающий процессы структурной перестройки экономики и ее диверсификации, обеспечивает адекватный рост доходов, соответственно, индикаторов денежной массы. Условия финансовой стабильности обеспечивают сбалансированное развитие экономики и защиту от последующих внешних конъюнктурных рисков.

В случае рассинхронизации прироста кредитной задолженности и агрегатов денежной массы формируются условия финансовой нестабильности, создающие опасности при реализации внешних конъюнктурных рисков.

Из *табл. 2* видно, что самая сильная кредитная экспансия с начала века произошла в бывших советских республиках, ориентированных на экспорт углеводородного сырья, – Азербайджане, Казахстане и России. Однако темпы экономического роста в этих странах оказались в 3–4 раза медленнее темпов роста общей кредитной задолженности по экономике. При этом подавляющая часть генерируемой по кредитному каналу денежной массы уходила из страны в виде оттока капитала или про-

Таблица 2. Коэффициенты роста показателей (2014/2000 годы), по курсу долл. США

Страна	Кредиты банковского сектора	Денежный агрегат M2	ВВП	Международные резервы	Население	Валюта
Азербайджан	43,83	24,51	14,26	23,27	1,19	0,88
Казахстан	36,51	25,61	11,60	13,80	1,16	0,80
Россия	31,17	14,63	7,16	13,96	0,98	0,48
Алжир	20,30	7,31	3,91	13,75	1,28	1,19
ОАЭ	8,94	3,44	3,85	5,75	3,10	1,00
Колумбия	7,79	6,85	3,78	5,20	1,21	0,94
Нигерия	7,70	11,29	12,26	3,71	1,45	1,18
Саудовская Аравия	7,29	4,89	3,96	35,71	1,37	1,00
Кувейт	5,88	4,15	4,51	4,52	1,80	1,07
Норвегия	3,44	3,21	2,92	2,32	1,14	0,60
Боливия	2,93	6,11	4,07	12,78	1,30	0,92
Мексика	2,90	4,36	1,88	5,50	1,20	0,62
Канада	2,57	2,13	2,42	2,30	1,16	1,58

Источник: рассчитано автором по данным Thomson Reuters.

едалась через потребительское кредитование импортных товаров вместо наращивания объемов внутреннего производства с высокой добавленной стоимостью.

Если прирост кредитов существенно превышает прирост ВВП, то можно констатировать риски надувания кредитного пузыря. Если же прирост кредитов примерно соответствует приросту денежной массы, то говорить о кредитном пузыре преждевременно, т.к. вся генерируемая в процессе кредитования денежная масса, концентрируется в национальной банковской системе и формирует ресурсную базу для последующего развития экономики.

Те страны, в которых наблюдалась неадекватная кредитная экспансия вместе с ограниченной монетизацией, будут тяжелее всех переживать кризис, связанный с ухудшением сырьевой конъюнктуры. И наоборот, в странах, где осуществлялась политика синхронного роста кредитования и сбережений, нефтяная дефляция негативно не скажется на состоянии их экономик. Речь в первую очередь идет о Норвегии, Канаде, Мексике и Боливии.

Интересно, что устойчивость ВВП к колебаниям нефтяных цен характерна для тех стран, в которых наблюдался одновременный синхронный рост кредитования и денежной массы за последние 15 лет, а именно в Канаде и Норвегии. А в тех странах, где рост денежной массы в полтора-два раза превышал рост долговой нагрузки, колебания нефтяного тренда практически не сказались на амплитуде колебаний ВВП.

Наиболее значимым фактором, обеспечивающим необходимый уровень монетизации в сырьевых странах, является валютный режим. Если национальная валюта находится в режиме «currency board», то параметры денежной эмиссии привязаны к экспортной выручке страны и алгорит-

му формирования международных резервов. Если национальная валюта находится в свободном плавании, то требуется развитие внутреннего долгового рынка и банковского кредитования для адекватного роста денежной массы. Номинально цели Банка России остаются прежними: устойчивость рубля и ценовая стабильность. Автор согласен с М.В. Ершовым в том, что «Банку России пока не удалось достигнуть ни первой цели – сохранить устойчивость рубля, ни второй – обеспечить ценовую стабильность» [6, с. 38]. В то же время нет однозначного ответа, какой валютный режим эффективен в условиях открытой экономики. Так, С.Р. Моисеев на основе анализа динамических стохастических моделей общего равновесия отмечает, что «в ряде случаев, например при угрозе внезапных остановок притока иностранного капитала, пониженной номинальной жесткости цен или преобладании ценообразования в валюте потребителя (импортера), исследователи рекомендуют придерживаться политики фиксированного курса. Тем не менее подавляющее число экономистов полагают, что в отсутствие спекулятивных атак на валютном рынке и нефундаментальных колебаний валютного курса оптимальным режимом является плавающий валютный курс» [9, с. 22].

Россия в конце 2014 года отказалась от политики валютного коридора и перешла к таргетированию инфляции, следовательно, выбрала путь поддержки денежной эмиссии через рост долгового рынка. Однако прошедший год в режиме инфляционного таргетирования в условиях падающего тренда цен на нефть обнажил stagflationные признаки такой политики. А.Е. Дворецкая пишет: «...Не отрицая колоссального потенциала, заложенного в механизме инфляционного таргетирования, отметим, что его использование да-

ет хорошие результаты лишь в стабильной экономической и политической обстановке, в диверсифицированной экономике» [2, с. 21]. Проблема плавающего курса в России также в том, что валютный рынок не всегда реагировал адекватной динамикой на смену нефтяного тренда, как бы этого ни хотелось Банку России и Минфину. Например, можно наблюдать отставание ослабления рубля в октябре–декабре 2015 года относительно ускорения падения нефтяных цен в этом же периоде. Чтобы успешно спекулировать против рубля, необходимо предъявлять повышенный спрос на валюту, но свободных рублей на рынке становится все меньше, а международные спекулянты к концу 2015 года переключили свое внимание на атаки против южноафриканского рэнда и бразильского реала.

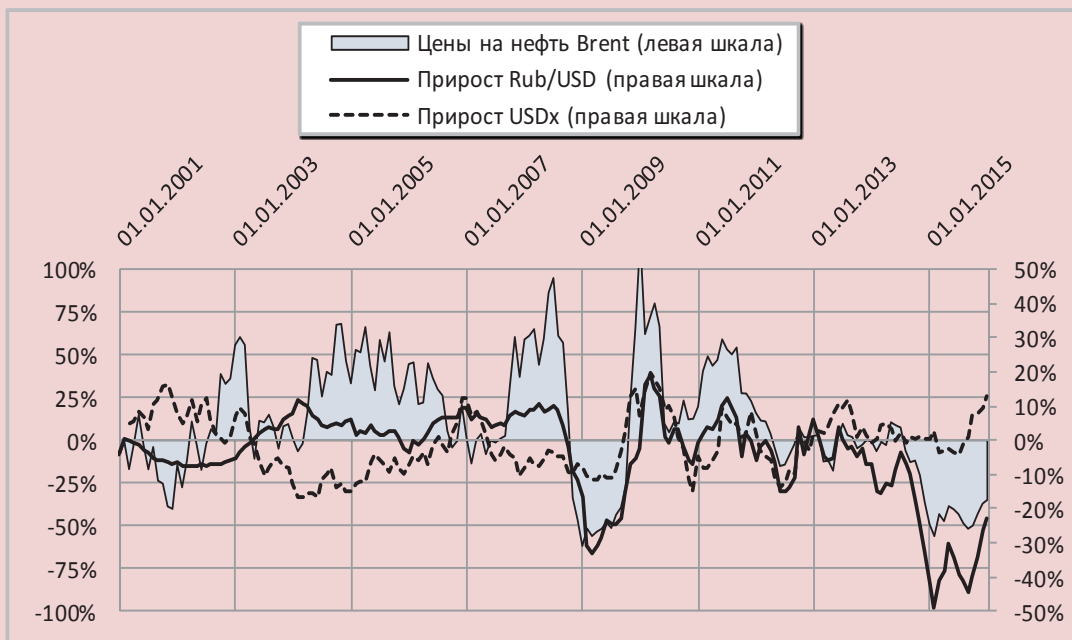
В этой связи более мягкая процентная политика Банка России должна «помочь» спекулянтам занимать рубли по более низкой процентной ставке с целью приведения ослабления курса рубля до уровней, рекомендуемых бюджетной политикой России, а именно 3200 рублей за баррель нефти. По состоянию на середину января 2016 года курс рубля укрепился относительно сбалансированного уровня, предусмотренного в федеральном бюджете 2016 года на 25% (2500 руб. за баррель нефти), и при нынешней процентной политике Банка России обеспечить необходимую девальвацию рубля до «комфортного» для бюджета уровня будет крайне не просто. Ситуация меняется в сторону необходимости еще более слабого рубля. Если в конце 2014 года Банк России поднимал процентные ставки для защиты рубля от спекулянтов, то ровно через год на повестке дня возникает проблема «крепкого рубля», мешающего выполнять бюджетные установки.

С начала XXI века цены на нефть сформировали 4 повышательных, 3 понижательных и 3 консолидационных среднесрочных тренда. Причем повышение цен на нефть в рамках соответствующих трендов длилось 83 месяца, понижение — 38 месяцев, а нейтральная динамика продолжалась 34 месяца. В декабре 2015 года цена нефти марки Brent вернулась на уровень весны 2004 года, с которого стартовал затяжной повышательный тренд длительностью 29 месяцев (рис. 2). Точно такой же длительностью в 29 месяцев и примерно с уровня 35 долл. за баррель стартовал последний повышательный тренд в 2009–2012 гг.

Специфика текущего понижательного тренда цены нефти заключается в его большей растянутости во времени (к февралю 2016 года падение продолжается 17 месяцев) и значительно меньшем потенциале для разворота тенденции в ближайшее время в силу объективных фундаментальных и технических факторов.

На рис. 3 изображена динамика цен на нефть марки Brent с 1987 года. Очевидно лопание пузыря на данном рынке, и в настоящее время цены выше 80 долл. за баррель уже воспринимаются как совершенно необъективные. В среднесрочной перспективе вполне возможна консолидация цен на нефть в диапазоне от 10 до 40 долларов, как это уже было с конца 80-х годов прошлого века до 2004 года (средняя цена барреля нефти с 1987 по 2004 год составляла 20,6 долл. США). Учитывая инфляцию американского доллара, накопленную с 1999 года в размере 44%, можно сказать, что приведенная по инфляции американской валюты цена нефти на сегодняшний день находится на уровне 29,7 долл. за баррель, что не должно восприниматься как катастрофа, а является естественным приведенным по инфляции средним уровнем.

Рисунок 2. Годовые приросты цены на нефть марки Brent (левая шкала), российского рубля и индекса американского доллара

Источник: рассчитано автором по данным Thomson Reuters.

Рисунок 3. Цены на нефть марки Brent за последние 28 лет

Источник: данные Thomson Reuters.

Таблица 3. Динамика цен на нефть и инфляционные показатели в США и России

Дата	Цена нефти Brent, долл. США / барр	Цена нефти Brent, руб. /барр	Накопленная инфляция рос. рубля с 1.01.1999	Накопленная инфляция долл. США с 01.01.1999	Цены на нефть/ИПЦ в долл.
1.01.1999	10,5	217,7	-	-	1,00
1.01.2004	30,3	892,5	150,8%	12,5%	2,57
1.01.2009	35,9	1052,9	329,4%	28,3%	2,67
1.01.2014	110,0	3590,8	511,6%	42,2%	7,37
1.01.2015	55,3	3108,3	581,1%	43,3%	3,67
1.01.2016	36,5	2660,1	663,2%	44,8%	2,40

В табл. 3 приведены сравнительные данные о динамике цен на нефть и показатели индекса потребительских цен в США и России. Даже с учетом существенного снижения цен на нефть за последние 16 месяцев в сравнении с инфляцией доллара их текущий уровень в 2,4 раза превышает значения 1999 года.

Таким образом, если отвлечься от эмоциональных оценок ситуации, то можно отметить абсолютно объективный характер событий, происходящих на нефтяном рынке. Дальнейшее снижение нефтяных цен в российских рублях также весьма вероятно.

Банк России, изменивший валютный режим в пользу свободного плавания российского рубля, должен полноценно пользоваться официальной процентной ставкой при регулировании не только экономической активности, но и для поддержки задачи балансирования бюджета. Российский валютный рынок к концу 2015 года пришел в равновесное состояние, но амплитуда его курсовых колебаний исторически в два раза ниже колебаний цен на нефть. Таким образом, очередное снижение цены нефти в рублях вызовет значительный спад внутреннего потребления.

Последствия кредитного пузыря, надутого в РФ в периоды длительного повышения цен на нефть, в целом негативно сказываются на текущем состоянии экономики: растут кредитные риски, предприятиям

всё сложнее обслуживать накопившуюся задолженность, затягивается инвестиционная пауза. Банку России в своих моделях необходимо уделять больше внимания не просто показателю потребительской инфляции, на основании данных которой осуществляется его процентная политика, а показателям, характеризующим компоненты финансовой стабильности банковской системы. Так, в текущих условиях необходимо сглаживание процессов делевериджа в реальном секторе экономики, где основным инструментом регулирования должен быть уровень процентной ставки. С учетом ограниченного роста денежной массы в 2015 году у Банка России есть возможность для значительно более мягкой денежно-кредитной политики. Текущие высокие процентные ставки Банка России искусственно удерживают повышенную процентную банковскую маржу, что только усиливает расхождение между темпами роста накопившейся задолженности и агрегатом денежной массы М2. При этом показатель монетизации экономики будет увеличиваться одновременно с усугублением рецессии, т.е. уровень монетизации вырастет на фоне спада в экономике.

Только после выравнивания темпов роста накопленной задолженности и агрегата денежной массы М2 Банк России сможет проводить нейтральную денежно-кредитную политику без угрозы финансовой стабильности банковской системы.

В настоящее время в своей процентной политике Банк России обращает внимание на индекс потребительских цен и инфляционные ожидания, что исключает возможность маневра для смягчения процессов делевериджа в реальном секторе экономики.

Более явное обозначение тренда на понижение официальных процентных ставок со стороны Банка России не привело бы к существенному росту кредитной активности. Экономические агенты в условиях постепенного, но уверенного снижения процентных ставок, как правило, не спешат расширять кредитование, тем более что экономика находится в состоянии спада. Постепенное снижение процентных ставок дает возможность мягкого рефинансирования накопленной задолженности для действующих заемщиков на более выгодных условиях. Предприятия потратят меньше средств на обслуживание существующей задолженности, что создает условия для маневра с прочими издержками предприятий, что в конечном итоге снижает цены конечной продукции. Другими словами, в настоящее время особенно важно не ограничивать доступ к кредитованию, зажимая денежное предложение, а содействовать более мягким условиям рефинансирования накопленной задолженности в целях выживания бизнеса.

Если Банк России сможет действовать на опережение, то сформированный им тренд на снижение официальной процентной ставки позволит выполнить уровень целевой инфляции в 2017 году. В ином случае стремительное сжатие кредита неизбежно вместе с усилением рецессии.

Корректировка процентной политики Банка России в сторону возобновления тренда снижения официальных процентных ставок с целью остановки процессов делевериджа в реальном секторе экономики позволит сбалансировать бюджет, ослабить рецессию в экономике, создать условия для выхода из инвестиционной паузы. Это изменит действующий механизм реакции мегарегулятора на макроэкономические показатели постфактум, когда Банк России ожидает окончания стагфляционной спирали после восстановления рынка сырья, опасаясь действовать на опережение ухудшающимся условиям российской бизнес-среды.

Если Банк России будет ориентироваться на количественные показатели, характеризующие финансовую стабильность, а именно инструментами денежно-кредитной политики синхронизировать темпы прироста денежных агрегатов и кредитной активности, то впоследствии не будет формироваться новых дисбалансов в денежно-кредитной сфере, тормозящих социально-экономическое развитие.

Литература

1. Андрианов, В.Д. Монетизация экономики: глобальные тенденции и российские реалии / В.Д. Андрианов // Бизнес и банки. – 2013. – № 34 (нояб.). – С. 1-3.
2. Дворецкая, А.Е. Взаимодействие денежно-кредитной и бюджетной политики как фактор финансовой устойчивости / А.Е. Дворецкая // Деньги и кредит. – 2015. – №10. – С. 20-28.
3. Дворецкая, А.Е. Целеполагание в современной денежно-кредитной политике России / А.Е. Дворецкая // Банковское дело. – 2014. – № 7. – С. 6-14.
4. Греков, И.Е. О совершенствовании подходов к определению монетизации экономики и обоснование ее оптимального уровня / И.Е. Греков // Финансы и кредит. – 2007. – №11. – С. 60-70.
5. Ершов, М.В. Инфляция и монетизация экономики / М.В. Ершов, В.Ю. Татузов, Е.Д. Урьева // Деньги и кредит. – 2013. – №4. – С. 7-12.

6. Ершов, М.В. Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире / М.В. Ершов // Вопросы экономики. – 2015. – №12. – С. 32-50.
7. Мамонов, М.О. Оценка влияния вероятного кредитного сжатия на экономическую динамику и устойчивость банковского сектора: доклад на Гайдаровском форуме—2015 «Россия и мир: новый вектор» / М. Мамонов, О. Солнцев / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП); Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2015.
8. Миркин, Я.М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски / Я.М. Миркин. – М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – 480 с.
9. Моисеев, С.Р. Новая макроэкономическая теория открытой экономики / С.Р. Моисеев // Деньги и кредит. – 2016. – №1. – С. 18-25.
10. Наметкин, Д.Н. Об основных проблемах финансовой стабильности / Д.Н. Наметкин, Н.Ю. Сафина // Деньги и кредит. – 2016. – №1. – С. 41-44.
11. Поздышев, В.А. Банковское регулирование в 2015–2016 годах: основные изменения и перспективы / В.А. Поздышев // Деньги и кредит. – 2015. – №12. – С. 3-8.
12. Садков, В.Г. О воздействии уровня монетизации экономики и структуры денежной массы на эффективность социально-экономического развития / В.Г. Садков, И.Е. Греков // Финансы и кредит. – 2004. – №5 (143). – С. 43-46.
13. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития: доклад / С.Ю. Глазьев. – М.: Ин-т экономических стратегий, Русский биографический ин-т, 2015. – 60 с.
14. По вопросу монетизации. Ответ Министерства экономического развития России [Электронный ресурс]. <http://economy.gov.ru/minec/references/faq/201601110450>
15. McLoughlin C., Kinoshita N. Monetization in Low- and Middle-Income Countries // IMF Working Paper. WP/12/160.

Сведения об авторе

Денис Викторович Домашенко – старший научный сотрудник лаборатории облачных технологий и аналитики больших данных, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (115054, Россия, Москва, Стремянный пер., 36, dendv@rambler.ru)

Domashchenko D.V.

Correlation between Economic Growth, Oil Prices and the Level of Monetization of Economy in Oil and Gas Exporting Countries: Challenges for Russia

Denis Viktorovich Domashchenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chief Research Associate at the Laboratory for Cloud Technology and Big Data Analytics, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation, dendv@rambler.ru)

Abstract. The low monetization of the Russian economy occasionally provokes serious debates on the necessity of its substantial increase in order to promote economic growth. However, this step will not change the crisis situation due to the counteraction of structural factors and flaws in monetary regulation. The study of the level of monetization in the periods of stagnation and decline in oil prices in the countries that export raw materials shows it is impossible to promote economic growth only at the expense of additional money supply. The policy of inflation targeting in commodity-based developing economies proves efficient only if commodity prices are growing, when monetary policy restrains excessive credit activity. At present, falling oil prices and a liberal foreign exchange regime stimulate high inflation and decline in credit activities.

Therefore, during the time of negative commodity market conditions, it is necessary to readjust monetary regulation so that it could counteract deleverage processes in the real sector of economy. The dynamics of credit activities should become the main regulating indicator instead of the consumer price index. The Bank of Russia should start lowering interest rates if credit activities are declining, even if the consumer price index remains high. It will be possible to return to neutral monetary policy only after the falling trend in oil prices is reversed and credit activities increased.

Key words: monetization, banking system, inflation targeting, financial stability, loans.

References

1. Andrianov V.D. Monetizatsiya ekonomiki: global'nye tendentsii i rossiiskie realii [Monetization of Economy: Global Trends and Russian Reality]. *Biznes i banki* [Business and Banks], 2013, no. 34 (November), pp. 1-3.
2. Dvoretzkaya A.E. Vzaimodeistvie denezhno-kreditnoi i byudzhethnoi politiki kak faktor finansovoi ustoichivosti [Interaction between Monetary and Fiscal Policy as a Factor in Financial Stability]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2015, no. 10, pp. 20-28.
3. Dvoretzkaya A.E. Tselepolaganie v sovremennoi denezhno-kreditnoi politike Rossii [Goal Setting in the Modern Monetary Policy of Russia]. *Bankovskoe delo* [Banking], 2014, no. 7, pp. 6-14.
4. Grekov I.E. O sovershenstvovanii podkhodov k opredeleniyu monetizatsii ekonomiki i obosnovanie ee optimal'nogo urovnya [On the Improvement of Approaches to the Definition of Monetization of Economy and Substantiation of Its Optimal Level]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2007, no. 11, pp. 60-70.
5. Ershov M.V., Tatzov V.Yu., Ur'eva E.D. Inflyatsiya i monetizatsiya ekonomiki [Inflation and Monetization of Economy]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2013, no. 4, pp. 7-12.
6. Ershov M.V. Vozmozhnosti rosta v usloviyakh valyutnykh provalov v Rossii i finansovykh puzyrei v mire [The Opportunities of Growth in the Environment of Currency Collapses in Russia and Financial Bubbles in the World]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 12, pp. 32-50.
7. Mamonov M.O., Solntsev O. Otsenka vliyaniya veroyatnogo kreditnogo szhatiya na ekonomicheskuyu dinamiku i ustoichivost' bankovskogo sektora: doklad na Gaidarovskom forume – 2015 "Rossiya i mir: novyi vector" [Assessment of the Probable Impact of Credit Crunch on Economic Dynamics and the Stability of the Banking Sector: a Report at the Gaidar Forum 2015 "Russia and the World: A New Vector"]. Moscow, 2015.
8. Mirkin Ya.M. *Finansovoe budushchee Rossii: ekstremumy, bumy, sistemnye riski* [Financial Future of Russia: Extremes, Booms, Systemic Risks]. Moscow: GELEOS Publishing House; Kapital Treid Kompani, 2011. 480 p.
9. Moiseev S.R. Novaya makroekonomicheskaya teoriya otkrytoi ekonomiki [New Macroeconomic Theory of the Open Economy]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2016, no. 1, pp. 18-25.
10. Nametkin D.N., Safina N.Yu. Ob osnovnykh problemakh finansovoi stabil'nosti [About the Main Issues of Financial Stability]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2016, no. 1, pp. 41-44.
11. Pozdyshev V.A. Bankovskoe regulirovanie v 2015–2016 godakh: osnovnye izmeneniya i perspektivy [Banking Regulation in 2015–2016: Key Developments and Prospects]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2015, no. 12, pp. 3-8.
12. Sadkov V.G., Grekov I.E. O vozdeistvii urovnya monetizatsii ekonomiki i struktury denezhnoi massy na effektivnost' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [On the Impact of the Level of Monetization of Economy and the Structure of Money Supply on the Efficiency of Socio-Economic Development]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2004, no. 5 (143), pp. 43-46.
13. Glazyev S.Yu. O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya: doklad [About Urgent Measures to Strengthen the Russia's Economic Security and Promote the Rapid Development of the Russian Economy: A Report]. Moscow: In-t ekonomicheskikh strategii, Russkii biograficheskii in-t, 2015. 60 p.
14. *Po voprosu monetizatsii. Otvet Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [On the Issue of Monetization. A Reply of the Ministry of Economic Development of Russia]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/references/faq/201601110450>
15. McLoughlin C., Kinoshita N. *Monetization in Low- and Middle-Income Countries. IMF Working Paper. WP/12/160.*

Почему не растёт самообеспеченность бюджетов городских округов

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aip150663@yandex.ru

Аннотация. В системе муниципальных образований своим потенциалом и ролью в реализации экономической политики государства выделяются городские округа. Обладая наиболее развитой инфраструктурой и материальной базой, крупные и средние города концентрируют на своей территории основную часть бюджетных доходов. Однако преобладающая часть сборов, составляющая по разным оценкам 70–85% [1, 6, 15], зачисляется в вышестоящие бюджеты. В результате проведённых в 2000–2009 гг. реформ межбюджетных отношений и местного самоуправления города остались без стабильных, законодательно закреплённых источников бюджетных доходов, достаточных для исполнения обязанностей перед населением. В настоящее время городские власти могут распоряжаться в полном объёме только средствами единого налога на вменённый доход, налога на имущество физических лиц и земельного налога. Существенные диспропорции в распределении бюджетных доходов делают города зависимыми от финансовой помощи высших уровней публичной власти и приводят к накоплению проблем. Данные Федерального казначейства об исполнении бюджетов городских округов фиксируют стагнацию роста собственных доходов в 2011–2014 гг. По расчётам ИСЭРТ РАН, в 2014 г. в 60% «столиц» субъектов РФ¹ обеспеченность собственными бюджетными доходами на душу населения была ниже среднего значения. Это коснулось даже таких крупнейших центров, как Воронеж, Волгоград, Уфа, Челябинск, Омск. В Вологодской области бюджетная обеспеченность населения городских округов, к которым относятся Вологда и Череповец, оказалась на 17% ниже среднероссийского уровня вследствие наблюдаемого с 2012 г. сокращения наполняемости бюджета собственными источниками. В условиях острой нехватки финансовых ресурсов для выполнения растущих обязательств по жизнеобеспечению

¹ Без учёта городов Москвы и Санкт-Петербурга.

горожан местные власти вынуждены осуществлять заимствования, что ограничивает возможности проведения ответственной бюджетной политики и реализации стратегических инвестиционных проектов. В статье представлены результаты анализа исполнения бюджетов городских округов Вологодской области. Основная цель анализа заключалась в выявлении факторов снижения самообеспеченности городских округов во взаимосвязи с межбюджетной политикой, проводимой на региональном уровне. Главный вывод исследования состоит в том, что фактическое состояние городских бюджетов отражает отсутствие экономической связи между бюджетной обеспеченностью городов и эффективностью их экономик.

Ключевые слова: городские округа, бюджеты городских округов, собственные доходы бюджета, межбюджетные отношения, эффективность межбюджетной политики.

Состояние бюджетного обеспечения городов Вологды и Череповца является особо значимым для развития региональной экономики: на их долю приходится 87% промышленного производства, 65% розничного товарооборота, 42% объёмов вводимого жилья, здесь сосредоточено 90% основных фондов, занято 63% численности работающих.

В каком же положении находятся бюджеты городских округов? Для ответа на этот вопрос обратимся к данным отчётов об исполнении городских бюджетов. Они показывают ухудшение динамики по ключевым бюджетным параметрам. Так, в период с 2011 по 2014 год обеспеченность собствен-

ными доходными источниками в виде налоговых и неналоговых доходов уменьшилась на треть. Объём муниципального долга г. Вологды по итогам 2014 г. достиг 1,9 млрд. рублей, в четыре раза превысив уровень 2011 г. Прогрессирующими темпами накапливался долг бюджета г. Череповца, вообще не имевшего до 2013 г. долго-вых обязательств. Важно подчеркнуть, что в целом по бюджетам городских округов РФ динамика собственных доходов не изменилась (табл. 1).

Об ухудшении финансовой автономии городов свидетельствует и совпадающая отрицательная динамика важнейшего показателя управления бюджетным процессом

Таблица 1. Основные параметры бюджетов городских округов в 2011–2014 гг.

Параметры	2011	2012	2013	2014	2014 к 2011, %
г. Вологда, млн. руб.					
Собственные доходы	3987,4	2875,9	3198,9	2912,1	73,0
Профицит, дефицит (-)	-328,8	-481,1	-520,1	-231,7	70,5
Муниципальный долг	535,2	1109,2	1877,7	1941,9	362,8
г. Череповец, млн. руб.					
Собственные доходы	4132,4	3056,2	3181,7	2894,3	70,0
Профицит, дефицит (-)	120,5	-181,2	-246,2	-64,0	х
Муниципальный долг	0	0	501,7	601,4	х
Российская Федерация, млрд. руб.					
Собственные доходы	741,7	727,0	790,3	740,2	99,8
Профицит, дефицит (-)	-31,3	-31,0	-43,4	-38,4	122,7
Муниципальный долг*	215,5	245,3	288,9	313,2	145,3
* В целом по всем уровням муниципальных образований. Источники: данные Минфина РФ [7]; Федерального казначейства [8]; отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды [9] и Череповца [11]; расчёты автора.					

— обеспеченности собственными доходами в расчёте на одного жителя. В 2010–2012 гг. среднегодовые темпы роста данного показателя составили 99% против 10–20% в 2000–2009 гг., причём пик падения пришёлся на 2012 год (рис. 1).

Абсолютный объём собственных доходов на душу населения в городе Вологде в 2014 г. был ниже, чем во многих административных центрах Северо-Западного федерального округа и соседних регионов. По данному показателю отставал и «город-металлург» Череповец от своих аналогов — Липецка и Челябинска (рис. 2).

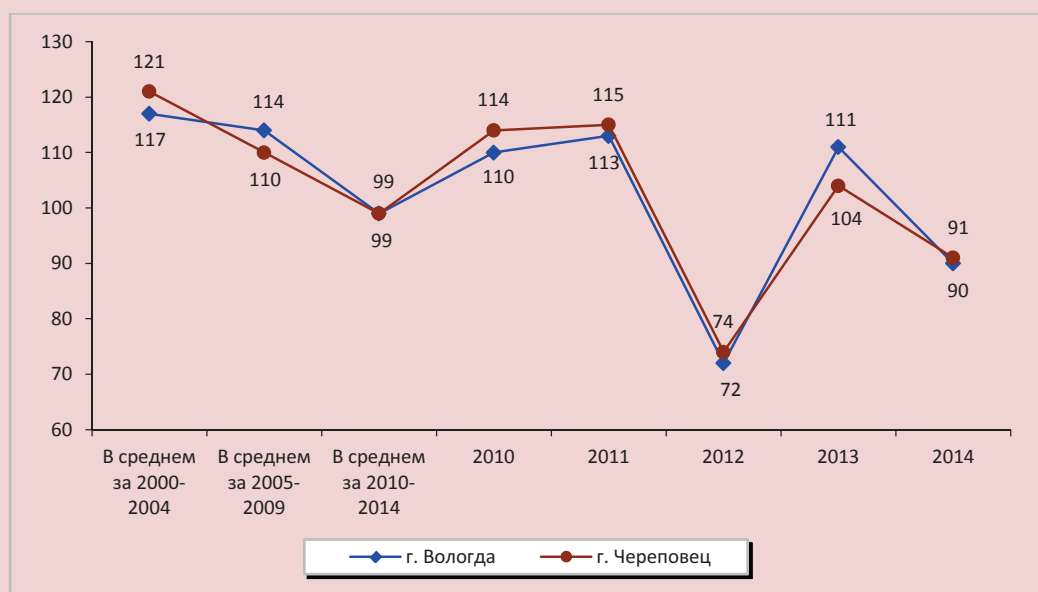
В чём же причина сложившейся ситуации, почему состояние городских бюджетов сегодня характеризуется дестабилизацией? Возможно, в её основе лежат экономические факторы? Однако официальные статистические данные опровергают это предположение. В 2012–2014 гг. экономика городов динамично развивалась, не созда-

вая очевидных угроз для снижения налогового потенциала: ключевые макроэкономические показатели демонстрировали повышающую динамику (табл. 2).

Более детальное исследование структуры налоговых платежей, поступающих в бюджеты городов, показало резкие изменения динамики профилирующего доходного источника — налога на доходы физических лиц (НДФЛ). В 2014 г. при росте среднемесячной заработной платы на 30% объём сборов этого платежа не составил и половины объёма поступлений в 2011 г. Существенно снизилась роль НДФЛ в формировании собственных бюджетных ресурсов: доля налога в объёме собственных доходов уменьшилась с 46–54% до 30–36% соответственно (табл. 3).

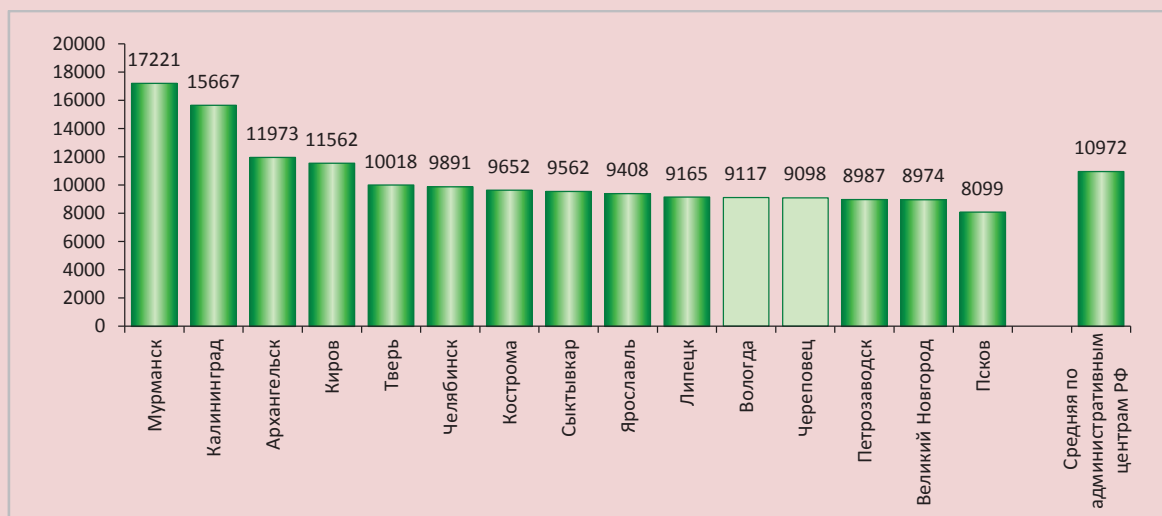
Поступления НДФЛ в бюджеты городских округов России, в отличие от Вологодской области, за указанный период уменьшились в среднем только на 7%.

Рисунок 1. Динамика среднегодовых темпов роста подушевой обеспеченности собственными доходами бюджетов городских округов Вологодской области в 2000–2014 гг., %

Источники: данные отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца; Росстата [12]; расчёты автора.

Рисунок 2. Обеспеченность городских округов РФ собственными доходами бюджета в 2014 г., руб. на душу населения

Источник: расчёт автора по данным Росстата.

Таблица 2. Основные макроэкономические показатели городских округов Вологодской области в 2011–2014 гг.

Показатели	2011	2012	2013	2014	2014 к 2011, %
г. Вологда					
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	115,0	97,4	103	140,9	141,4
Оборот розничной торговли, млрд. руб.	33,3	45,1	48,1	53,2	159,8
Ввод жилья, тыс. кв. м общей площади	140,6	144,6	164,5	183,8	130,7
г. Череповец					
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	103,1	100,6	102,0	103,5	106,2
Оборот розничной торговли, млрд. руб.	31,3	38,6	41,4	43,8	140,0
Ввод жилья, кв. м общей площади	110,1	63,0	97,1	138,5	125,8

Источники: данные Росстата; официальных сайтов городов Вологды и Череповца; расчёты автора.

Таблица 3. Поступления НДФЛ в бюджеты городских округов в 2011–2014 гг.

Показатели	2011	2012	2013	2014	2014 к 2011, %
г. Вологда					
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	20,7	23,1	25,5	26,7	129,0
НДФЛ, млн. руб.	1850,4	997,0	1091,9	872,8	47,2
Доля в собственных доходах, %	46,4	34,7	34,1	30,0	-16,4 п.п.
г. Череповец					
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	26,4	29,6	32,4	34,3	129,9
НДФЛ, млн. руб.	2247,9	1231,8	1272,4	1046,3	46,5
Доля в собственных доходах, %	54,4	40,3	40,0	36,1	-18,3 п.п.
Российская Федерация					
НДФЛ, млрд. руб.	361,9	376,9	420,3	337,0	93,1
Доля в собственных доходах, %	48,8	51,8	53,2	45,5	-3,3 п.п.

Источники: данные Росстата; Федерального казначейства; отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца; расчёты автора.

Поскольку НДФЛ является основным инструментом регулирования межбюджетных отношений на уровне «регион – муниципалитет», причины снижения его фискальной функции следует искать в действующей межбюджетной политике.

Надо сказать, что в результате межбюджетной реформы, проведённой в России в начале 2000-х гг., бюджеты городов остались без половины собственных налогов, которые были изъяты в бюджеты вышестоящих уровней (табл. 4).

В последующие годы региональные власти проводили по аналогии с федеральными властями централизацию бюджетных доходов, сокращая нормативы отчислений налогов в городские бюджеты. В результате из всего объёма налоговых и неналоговых платежей, собранных, например, на территории г. Вологды, в городскую казну в 2014 г. было зачислено 9% против 28% в 2010–2011 гг. (рис. 3). Нельзя не подчеркнуть, что снижение нормативов доходов, распределённых в бюджет города, происходило на фоне растущих поступлений платежей.

По данным Контрольно-счётной палаты г. Вологды [10], в 2014 г. нормативы распределения собранных в городе доходов в вышестоящие бюджеты составляли: в областной бюджет – 35,2%; в бюджеты государственных внебюджетных фондов – 32,8%; в федеральный бюджет – 22,8%.

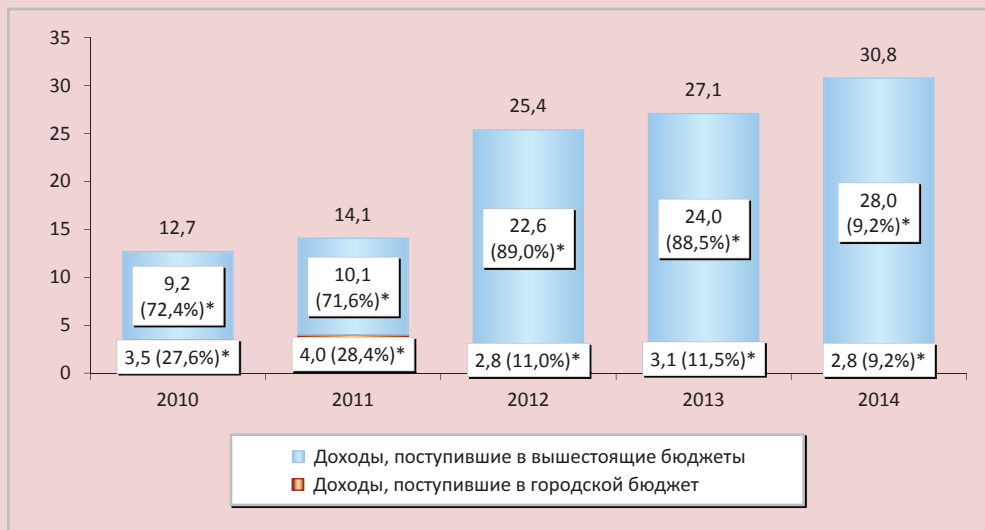
Отбирая у городов львиную долю бюджетных ресурсов, государство переключало на местные власти всё большую часть полномочий федеральных и региональных властей. В 2014 г. половину расходов бюджетов городских округов Вологодской области составляли делегированные полномочия органов публичной власти вышестоящего уровня, что ограничило возможности для выстраивания собственной бюджетной политики. В период с 2008 по 2014 год делегированные полномочия выросли в 3 раза, а софинансирование обязательств перед населением городов из федерального и регионального бюджетов в виде субсидий уменьшилось в 1,8 раза (табл. 5).

Таблица 4. Структура налоговых доходов бюджета г. Вологды в 1999, 2005 и 2014 гг.

Налоговые доходы	1999		2005		2014	
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%
Всего	771,5	100,0	1885,9	100,0	1894,1	100,0
Налог на прибыль организаций	131,1	17,0	98,6	5,2	0	0
Налог на доходы физических лиц	213,4	27,7	1014,3	53,8	872,8	46,1
Налог на добавленную стоимость	57,3	7,4	0	0	0	0
Акцизы	65,6	8,5	190,4	10,1	4,4	0,2
Налог с продаж	27,9	3,6	0	0	0	0
Налоги на совокупный доход	17,6	2,3	125,7	6,7	296,8	15,7
Налоги на имущество	82,6	10,7	419,2	22,2	661,8	34,9
Платежи за пользование природными ресурсами	14,0	1,8	0	0	0	0
Государственная пошлина	2,1	0,3	22,4	1,2	58,3	3,1
Местные налоги и сборы*	149,3	19,4	0	0	0	0
Прочие налоги, пошлины и сборы	10,6	1,3	0	0	0	0

* Налог на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы, целевой сбор на содержание милиции, благоустройство территории и нужды образования, налог на рекламу, плата за выдачу патента.
Источники: данные отчётов об исполнении бюджета г. Вологды; расчёты автора.

Рисунок 3. Структура распределения налоговых и неналоговых доходов, поступивших с территории г. Вологды в 2010–2014 гг., млрд. руб.

* В скобках указан удельный вес доходов, зачисленных в уровни бюджетной системы, в общем объеме поступивших доходов.

Источники: данные Контрольно-счётной палаты г. Вологды; отчётов об исполнении бюджета г. Вологды; расчёты автора.

Таблица 5. Расходы бюджетов городских округов на выполнение делегированных полномочий в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Вологодская область								
Делегированные полномочия	2,55	2,59	2,87	3,06	3,99	4,45	6,95	272,7
Уд. вес в общих расходах, %	21,0	26,8	24,0	23,1	30,3	33,3	48,1	+27,1 п.п.
Субсидии	2,45	1,05	1,79	1,65	2,37	1,87	1,39	56,8
Российская Федерация								
Делегированные полномочия	210,5	230,3	256,6	295,2	386,6	400,3	549,7	261,1
Уд. вес в общих расходах, %	17,4	19,3	19,8	19,9	25,1	24,1	31,8	+14,4 п.п.
Субсидии	206,9	198,1	222,8	254,2	279,3	316,6	293,3	141,8

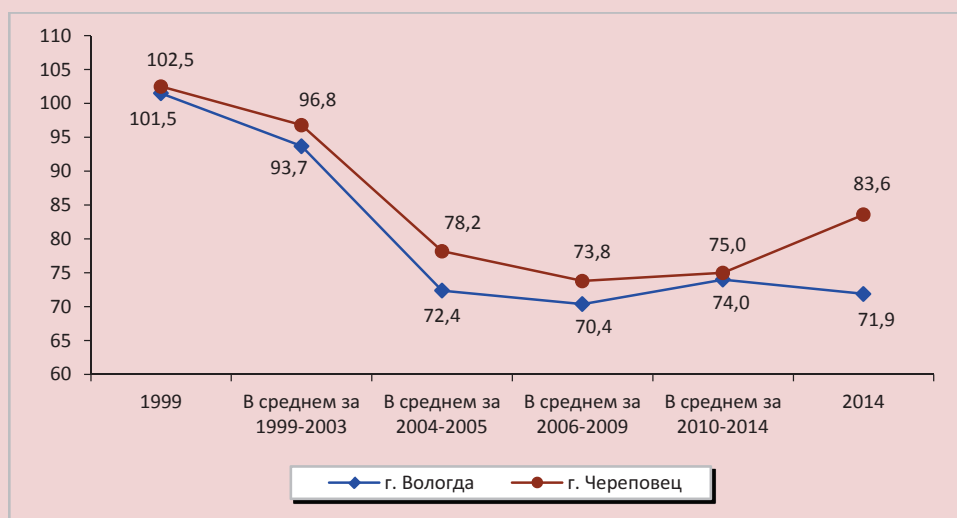
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Отметим, что при равнозначном росте делегированных расходов в целом по городским бюджетам РФ субсидиарное финансирование увеличилось в 1,4 раза. Такая тенденция даёт основание предполагать, что проблему дисбаланса бюджетной системы Вологодской области региональные власти решали постепенно устранив от участия в тех или иных направлениях развития местных территорий.

О снижении фискальной автономии городов свидетельствует и понижающая динамика показателя сбалансированности бюджета собственными ресурсами. Если в 1999 г. городские власти могли полностью обеспечивать расходные обязательства собственными доходами, то в 2014 г. — только на 72–84% (рис. 4).

В 2012 г. новацией межбюджетного регулирования в Вологодской области стала

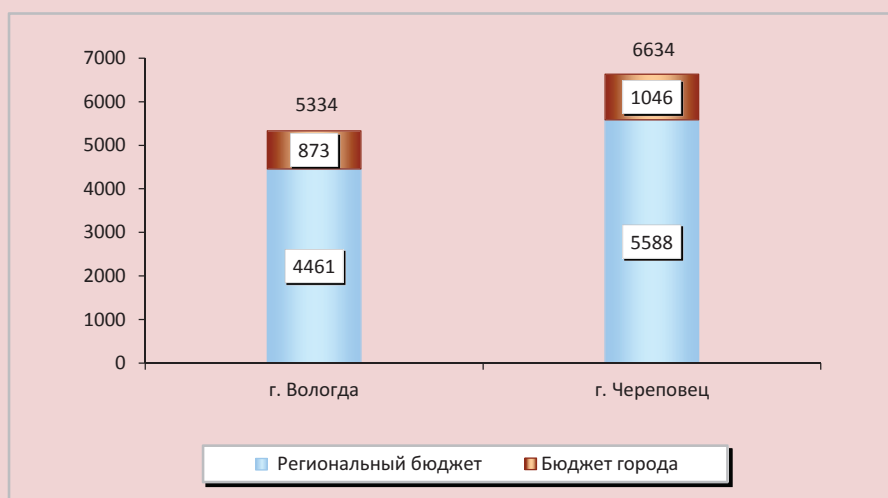
Рисунок 4. Показатель сбалансированности бюджетов* городских округов Вологодской области в 1999–2014 гг., %

* Рассчитан как отношение собственных доходов бюджета к расходам за минусом субвенций.

Источники: данные отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца; расчёты автора.

Рисунок 5. Структура распределения НДФЛ, поступившего с территории городских округов Вологодской области в 2014 г., млн. руб.

Источники: данные Департамента финансов Вологодской области [14]; расчёты автора.

замена дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов дифференцированными нормативами отчислений от НДФЛ. При этом замена производилась главным образом за счёт изъятия части НДФЛ из бюджетов городов

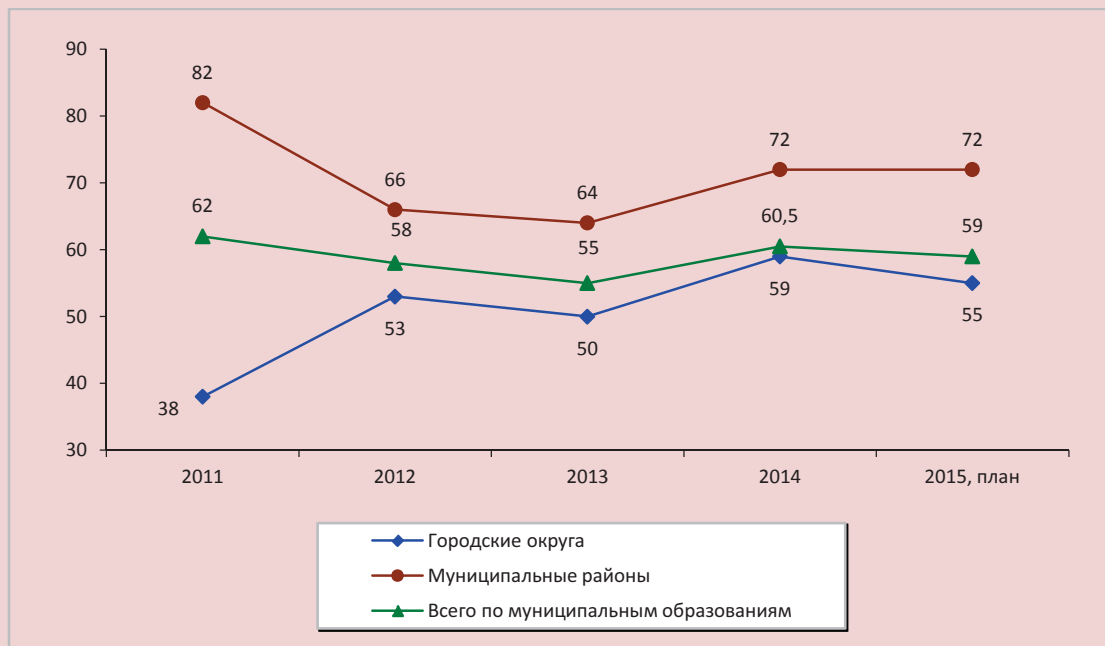
Вологды и Череповца, что и послужило решающим фактором падения собственных доходных источников. Так, в 2014 г. в бюджетах городских округов осталось лишь 16% общего объёма сборов подоходного налога (рис. 5).

По нашему мнению, бюджетный манёвр не имел должного эффекта, хотя на первый взгляд усилия региональных властей по снижению дотационности муниципалитетов достигли своей цели. С 2012 года, в котором были скорректированы принципы межбюджетного взаимодействия, доля безвозмездной финансовой помощи в доходах бюджетов муниципальных районов уменьшилась с 82 до 72%, но это всё ещё очень высокий уровень (среднероссийский показатель составляет 77%). К тому же после снижения доли трансфертов в 2012–2013 гг. в последующие два года наблюдалось её повышение. Одновременно безвозмездные поступления в городские бюджеты увеличились с 38 до 55%. Следовательно, общего заметного снижения трансфертозависимости местных бюджетов не произошло (рис. 6).

Кроме того, изъятие доходов у городов искусственно лишает другие муниципальные образования стимулов к изысканию дополнительных доходов своих бюджетов, поскольку минимум средств для решения вопросов местного значения они получают в любом случае. В течение 2012–2014 гг. налоговые доходы бюджетов муниципальных районов Вологодской области увеличились на 80% по сравнению с 2011 г., преимущественно за счёт передачи подоходного налога, поскольку другие источники показывали понижающую динамику (табл. 6).

Новый режим межбюджетного регулирования не способствовал и каким-то ощутимым сдвигам в экономическом развитии муниципалитетов районного звена: за 2011–2014 гг. доля районов в объёме отгруженной продукции предприятий обрабатывающей промышленности региона

Рисунок 6. Удельный вес межбюджетных трансфертов в доходах местных бюджетов Вологодской области в 2011–2015 гг., %

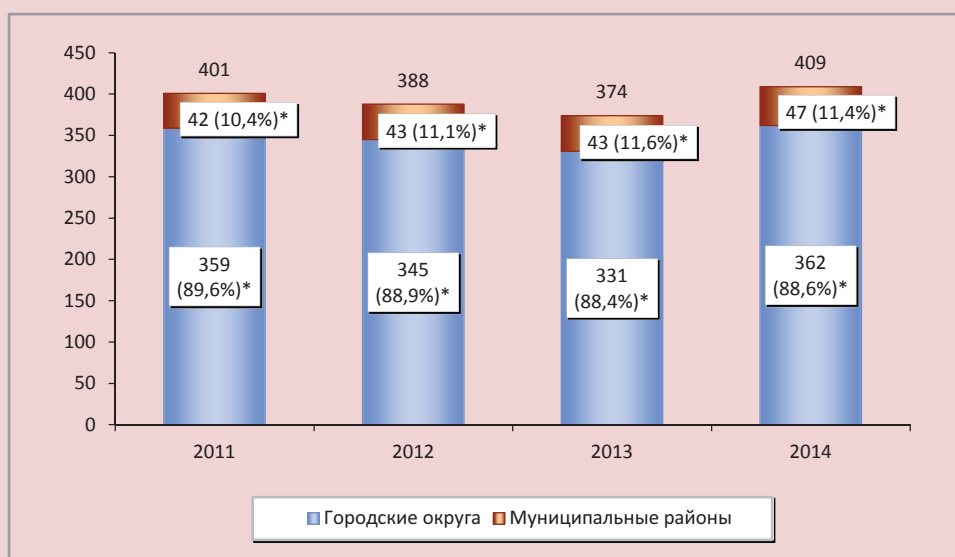
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 6. Поступления налоговых доходов в бюджеты муниципальных районов Вологодской области в 2011–2014 гг., млн. руб.

Налоговые доходы	2011	2012	2013	2014	2014 к 2011, %
Всего	2055,7	4298,4	4203,9	3677,2	178,9
Налог на доходы физических лиц	1310,5	3370,1	3113,4	3173,0	242,1
Налоги на совокупный доход	403,2	504,8	554,2	357,9	88,8
Налоги на имущество	220,8	401,1	508,9	0	x
Государственная пошлина	120,7	22,4	27,4	34,6	28,7

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 7. Структура объёма отгруженной продукции обрабатывающей промышленности Вологодской области в 2011–2014 гг., млрд. руб.

* В скобках указана доля в общем объёме отгрузки.

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

не составляла и 12% (рис. 7). Таким образом, основными локомотивами его экономического роста продолжали оставаться городские округа.

Бюджеты городских округов на 2016 год не содержат заметных признаков спада бюджетной напряжённости (табл. 7).

Так, в бюджете г. Вологды будет прервана возобновившаяся в 2015 г. положительная динамика собственных доходов; в 2016 г. проектируется их снижение на 13%. Прироста собственных доходных источников

не планируется и в бюджете г. Череповца. Одновременно с падением и стагнацией собственных доходов предусматривается уменьшение субвенций из вышестоящих бюджетов на 20–30%, что создаёт угрозу нефинансирования делегированных полномочий.

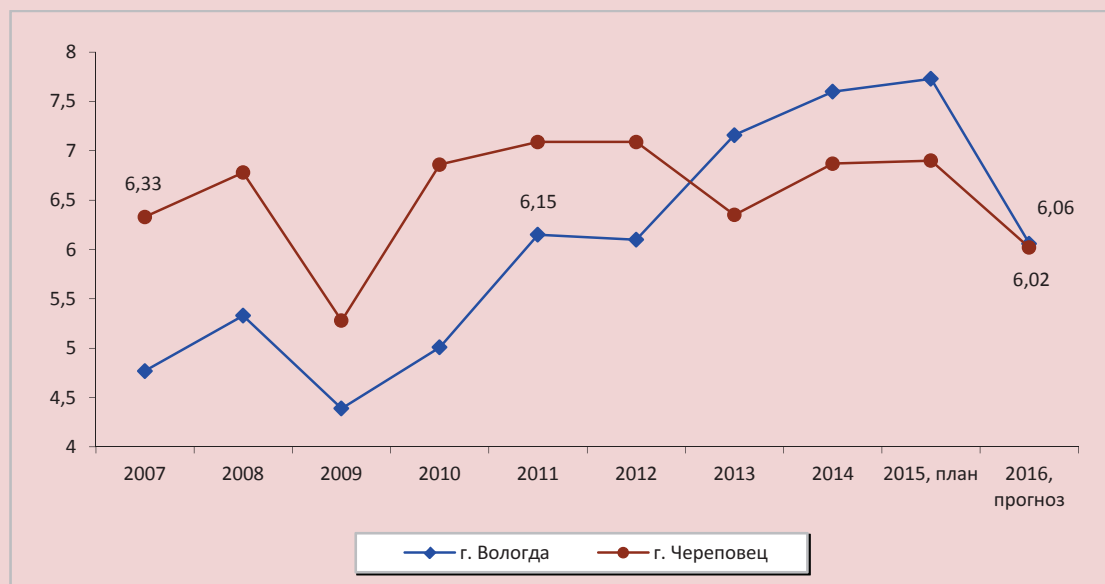
Муниципальный долг сократится, но долговая нагрузка бюджета г. Вологды будет оставаться существенной, составив более половины объёма собственных доходов.

Таблица 7. Прогнозные параметры бюджетов городских округов Вологодской области на 2016 г., млн. руб.

Параметры	г. Вологда				г. Череповец			
	2014, факт	2015, оценка	2016, прогноз	2016 к 2015, %	2014, факт	2015, оценка	2016, прогноз	2016 к 2015, %
Собственные доходы	2912,1	3253,9	2842,3	87,3	2894,3	3103,0	3103,5	100,0
Субвенции	3543,1	3368,1	2346,1	69,7	3406,2	3216,1	2494,8	77,6
Расходы	7593,2	7728,4	6062,2	78,4	6866,2	6902,6	6018,2	87,2
Дефицит	-231,7	-295,2	-150,4	50,9	-64,0	-112,8	-77,1	68,4
Муниципальный долг	1941,9	1800,0	1538,4	85,5	601,4	679,2	643,5	94,7
К собственным доходам, %	66,7	55,3	54,1	-1,2 п.п.	20,8	21,9	20,7	-1,2 п.п.

Источники: данные отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца за 2014 г.; утверждённых городских бюджетов на 2015 г.; проектов городских бюджетов на 2016 г.; расчёты автора.

Рисунок 8. Динамика расходов бюджетов городских округов Вологодской области в 2007–2016 гг., млрд. руб.

Источники: данные отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца за 2007–2014 г.; утверждённых городских бюджетов на 2015 г.; проектов городских бюджетов на 2016 г.

Ожидаемое снижение дефицита будет достигнуто ценой сокращения расходов в бюджете г. Вологды на 22%, г. Череповца – на 13%. Если бы поступления НДФЛ сохранились хотя бы на уровне 2011 г., то городским властям не пришлось бы осуществлять масштабный секвестр расходов на социально-экономическое развитие своих территорий. По прогнозам, расходы

бюджета г. Вологды в 2016 г. даже в текущих ценах не достигнут уровня 2011 г., а расходная часть бюджета г. Череповца окажется ниже, чем в 2007 г. (рис. 8).

Одним из самых негативных последствий снижения бюджетной самообеспеченности городов стало сокращение капитальных вложений – другими словами, бюджета развития: в 2014 г. бюджетные

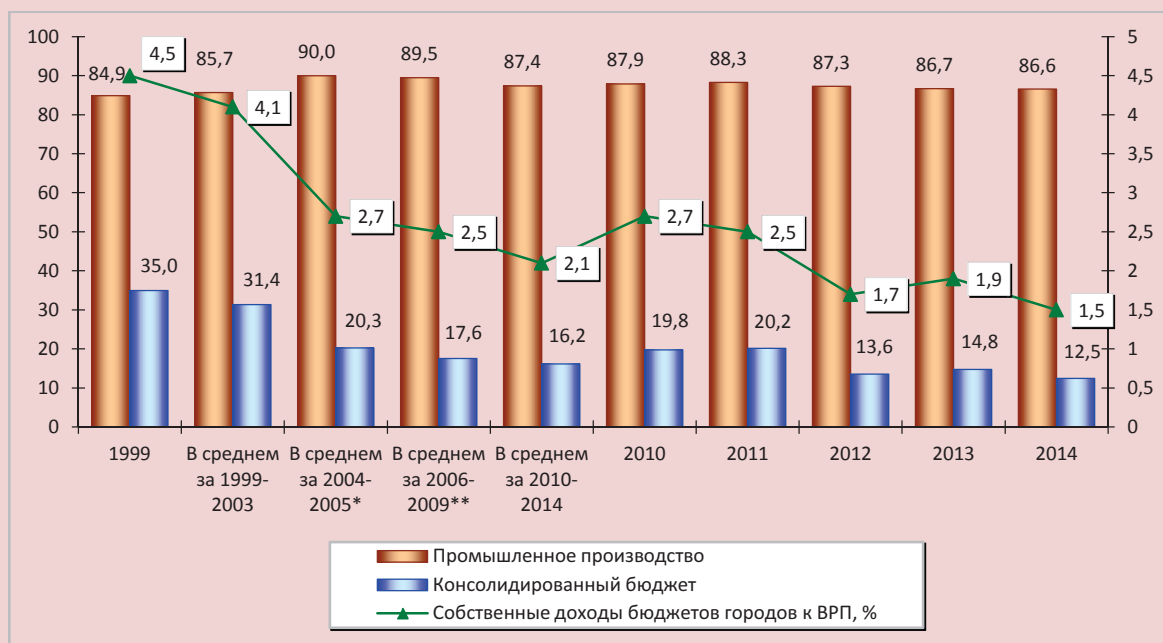
инвестиции в г. Вологде сократились до 1,4 млрд. рублей против 3,6 млрд. рублей в 2012 году В проекте бюджета г. Череповца на 2016 году финансовое обеспечение муниципальной инвестиционной программы заложено со снижением к уровню 2015 году на 70 млн. рублей, или более чем на 20%.

Итоги проведённого анализа позволяют заключить, что за годы рыночных реформ в России так и не была решена одна из ключевых задач бюджетной политики – формирование объективной и эффективной системы распределения доходов между уровнями публичной власти. В результате при решающем вкладе городов в развитие территориальной и национальной экономики источники для саморазвития у них минимальные.

Так, в 1999–2014 гг. два крупнейших города Вологодской области производили в среднем около 90% промышленной продукции, а их доля в консолидированном бюджете региона уменьшилась с 35 до 12,5%, причём отчётливо прослеживалась связь между периодами проведения реформ и снижением финансовой автономии городов (рис. 9).

При этом доля собственных доходов городских бюджетов в валовом региональном продукте Вологодской области за годы реформ уменьшилась с 4,5 до 1,5%, следовательно, Вологда и Череповец практически не получили никаких положительных эффектов в части изменения доходов своих бюджетов от роста региональной экономики, который был обеспечен преимущественно за счёт этих городов.

Рисунок 9. Доля городских округов в промышленном производстве и собственных доходах консолидированного бюджета Вологодской области в 1999–2014 гг., %

* Период проведения межбюджетной реформы и подготовки к проведению реформы местного самоуправления.

** Период проведения реформы местного самоуправления.

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; отчётов об исполнении бюджетов городов Вологды и Череповца; расчёты автора.

Безусловно, необеспеченность бюджетными ресурсами базовых потребностей населения муниципалитетов низшего звена усиливает нагрузку на региональный бюджет: ежегодно более трети его расходов направляется на финансовую помощь местным бюджетам.

Нельзя отрицать и того, что сегодня многие муниципалитеты нижестоящего уровня не выживут без перераспределения части доходов из городов в районы и поселения. Но вопрос в том, какую часть собранных доходов следует забирать у городов. Ведь только в 2014 году из-за недоплатившего в казну подоходного налога городские власти Вологды и Череповца не смогли направить 10 млрд. руб. на решение социальных задач, ремонт дорог, расселение ветхого жилья, а также других вопросов жизнеобеспечения.

Представляется, что в распоряжении городов должно оставаться не менее половины всех собираемых доходов, а потери региональных бюджетов необходимо

компенсировать за счёт пересмотра действующей бюджетно-налоговой политики, прежде всего системы перераспределения налогов в пользу субъектов РФ, а не федерального центра. Конкретные предложения в этом направлении получили отражение в ряде работ представителей экспертного и научного сообщества [2, 3, 4, 5, 13].

На наш взгляд, требуются другие подходы к межбюджетной политике, учитывающие интересы всех участников бюджетного процесса. Города, прежде всего административные центры, должны быть на законодательном уровне выделены из общего ряда муниципальных образований в силу их особой значимости для социально-экономической жизни регионов, а стратегии и генеральные планы развития городов должны иметь достаточное и стабильное бюджетное обеспечение. К сожалению, действующая система бюджетирования городов пока не ориентирована на будущее развитие страны и её территорий.

Литература

1. Бюджет города // Официальный сайт г. Набережные Челны. – Режим доступа: <http://nabchelny.ru/page/270>
2. Бюджет для горожан вместо бюджета чиновников // Официальный сайт д.э.н. Дмитриевой О.Г. – Режим доступа: <http://www.dmitrieva.org/id915>
3. Валентей, С.Д. Старые и новые проблемы российского федерализма / С.Д. Валентей, М.В. Плигич-Золотарёва, Л.Н. Лыкова // Федерализм. – 2012. – №4. – С. 7-38.
4. Зубаревич, Н.В. Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты / Н.В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – №3. – С. 158-161.
5. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 48-62.
6. Интервью агентству «Интерфакс» мэра г. Батайска В. Путилина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/South/print.asp?id=559545&type=exclusive>
7. Информация Министерства финансов РФ об объёме государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/index.php
8. Отчётность Федерального казначейства об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov>
9. Официальный сайт администрации г. Вологды. – Режим доступа: <http://vologda-portal.ru/>
10. Официальный сайт Контрольно-счётной палаты г. Вологды. – Режим доступа: <http://kspvologda.ru/>

11. Официальный сайт мэрии г. Череповца. – Режим доступа: <http://mayor.cherinfo.ru/>
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
13. Поварова, А.И. Бюджетная обеспеченность муниципальных образований Вологодской области: состояние, проблемы, пути повышения / А.И. Поварова, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – №1. – С. 45-61.
14. Расчёт поступлений налога на доходы физических лиц в бюджет области на 2016 год: приложение к проекту закона «Об областном бюджете на 2016 год» // Официальный сайт Законодательного Собрания Вологодской области. – Режим доступа: <http://vologdazso.ru/zakin/search.php?docid=>
15. Тростников, Д. Почему бюджет Москвы в 45 раз больше бюджета Новосибирска? [Электронный ресурс] / Д. Тростников. – Режим доступа: <http://nsknews.info/news/117482>

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru).

Povarova A.I.

Why Is the Self-Sufficiency of Urban Districts Budgets Not Growing

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate. Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, anna631506@mail.ru)

Abstract. Urban districts occupy a special place in the system of municipalities due to their potential and role in the implementation of governmental economic policy. Possessing the most developed infrastructure, facilities and a good financial basis, large and medium-sized cities accumulate the major part of budget revenues. However, the predominant part of their revenues that amounts, according to various estimates, to 70–85% [1, 6, 15] goes to superior budgets. As a consequence of the reforms of intergovernmental fiscal relations and local government that were held in 2000–2009, cities were left without stable, legislated fiscal revenue sources that were sufficient to fulfill their obligations to the population. Currently, city government can fully dispose of single tax on imputed income, individual property tax and land tax. Significant imbalances in the distribution of budget revenues make cities dependent on the financial assistance of higher levels of public authority and lead to an accumulation of problems. The Federal Treasury data on the execution of urban districts budgets show the stagnation of own revenues in 2011–2014. According to the calculations made by ISEDT RAS, in 2014, the availability of own budget revenues per capita was below the average value in 60% of the capital cities of Russia's constituent entities (regardless of Moscow and Saint Petersburg). This affected even major centers like Voronezh, Volgograd, Ufa, Chelyabinsk and Omsk. In the Vologda Oblast, the fiscal capacity of residents in urban districts that include the cities of Vologda and Cherepovets was 17% below the national average due to the reduction in the amount of receipts of own budget sources since 2012. In the conditions of acute shortage of financial resources to meet the growing obligations to support citizens, local authorities are forced to make borrowings; this fact limits the possibility of conducting a responsible fiscal policy and implementation of strategic investment projects. The paper presents the results of the analysis of execution of the budgets of the Vologda Oblast municipal districts. The main objective of the analysis was to identify the factors that reduce the self-sufficiency of

urban districts in relation to intergovernmental fiscal policy at the regional level. The main conclusion of the research consists in the fact that the actual state of city budgets reflects the lack of economic ties between budgetary security of cities and the efficiency of their economies.

Key words: urban district, urban districts budgets, own revenues of the budget, intergovernmental fiscal relations, efficiency of intergovernmental fiscal policy.

References

1. Byudzheta goroda [City Budget]. *Ofitsial'nyi sait g. Naberezhnye Chelny* [Official Website of Naberezhnye Chelny]. Available at: <http://nabchelny.ru/page/270>
2. Byudzheta dlya gorozhan vmesto byudzheta chinovnikov [The Budget for Urban Residents instead of the Budget for Officials]. *Ofitsial'nyi sait d.e.n. Dmitrievoi O.G.* [Official Website of O.G. Dmitrieva]. Available at: <http://www.dmitrieva.org/id915>
3. Valentei S.D., Gligich-Zolotareva M.V., Lykova L.N. Starye i novye problemy rossiiskogo federalizma [Old and New Problems of Federalism in Russia]. *Federalizm* [Federalism], 2012, no. 4, pp. 7-38.
4. Zubarevich N.V. Mezhyudzhetye otnosheniya tsentra i regionov: ekonomicheskie i in-stitutsional'nye aspekty [Center and Regions Inter-Budgetary Relations: Economic and Institutional Aspects]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2014, no. 3, pp. 158-161.
5. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problemy regional'nogo razvitiya kak otrazhenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Problems of Regional Development as the Reflection of the Effectiveness of Public Administration]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 3, pp. 48-62.
6. *Interv'yu agentstvu "Interfaks" mera g. Bataiska V. Putilina* [V. Putin, Mayor of the City of Bataysk, Gives an Interview to Interfax Agency]. Available at: <http://www.interfax-russia.ru/South/print.asp?id=559545&type=exclusive>
7. *Informatsiya Ministerstva finansov RF ob ob"eme gosudarstvennogo dolga sub"ektov RF i dolga munitsipal'nykh obrazovaniy* [Information of the Ministry of Finance of the Russian Federation about the Public Debt of the Subjects of the Russian Federation and the Debt of Municipal Formations]. Available at: http://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/index.php
8. *Otchetnost' Federal'nogo kaznacheistva ob ispolnenii byudzheta sub"ektov RF i mestnykh byudzheta* [Statements of the Federal Treasury on the Execution of Budgets of RF Subjects and Local Budgets]. Available at: <http://www.roskazna.ru/byudzheta-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheta>
9. *Ofitsial'nyi sait administratsii g. Vologdy* [Official Website of the Vologda Oblast Administration]. Available at: <http://vologda-portal.ru/>
10. *Ofitsial'nyi sait Kontrol'no-schetnoi palaty g. Vologdy* [Official Website of the Accounts Chamber of Vologda]. Available at: <http://kspvologda.ru/>
11. *Ofitsial'nyi sait merii g. Cherepovtsa* [Official Website of the Mayor's Office of Cherepovets]. Available at: <http://mayor.cherinfo.ru/>
12. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
13. Povarova A.I., Uskova T.V. Byudzheta naya obespechennost' munitsipal'nykh obrazovaniy Vologodskoi oblasti: sostoyanie, problemy, puti povysheniya [Budget Provision of Municipal Entities in the Vologda Region: State, Problems and Improvement Ways]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2010, no. 1, pp. 45-61.
14. Raschet postupleniy naloga na dokhody fizicheskikh lits v byudzheta oblasti na 2016 god: prilozhenie k proektu zakona "Ob oblastnom byudzheta na 2016 god" [Calculation of Individual Income Tax Receipts in the Oblast Budget for 2016: Appendix to the Draft Law "On the Regional Budget for 2016"]. *Ofitsial'nyi sait Zakonodatel'nogo Sobraniya Vologodskoi oblasti* [Official Website of the Legislative Assembly of the Vologda Oblast]. Available at: <http://vologdazso.ru/zakin/search.php?docid=>
15. Trostnikov D. *Pochemu byudzheta Moskvy v 45 raz bol'she byudzheta Novosibirsk?* [Why Is the Budget of Moscow 45 times Larger than the Budget of Novosibirsk?]. Available at: <http://nsknews.info/news/117482>

Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса

**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32
a762@rambler.ru

**Азиза Викторовна
ЯРАШЕВА**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32
baktriana@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе результатов исследования, проведенного в ряде крупных городов России, представлены основные модели инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в условиях разворачивающегося кризиса. Показано влияние на выбор той или иной модели представлений респондентов о ситуации в банковской сфере и экономике в целом, определена природа формирующихся установок и ожиданий. Проанализированы подходы обеспеченных домохозяйств к выбору банка и вида депозита, а также готовность использовать другие способы вложения средств, включая участие в системе добровольного пенсионного страхования; отражены опыт заимствований и отношение к различным кредитным продуктам. Негативные явления в экономике и финансовой сфере с тревогой воспринимаются домохозяйствами, вызывая параллели с кризисами 1998 г. и 2008 г. и даже с эпохой 1990-х. В ближайшее время все ожидают усугубления рецессии. При этом респонденты, акцентирующие внимание на эффекте санкций и снижении нефтяных цен, полагают, что она будет недолгой. Другие респонденты, обеспокоенные степенью деиндустриализации и неэффективности госуправления, прогнозируют длительное экономическое неблагополучие. Большинство опрошенных ожидают потрясений в

банковской сфере, причем половина полагает, что они будут масштабными и окажут значительное негативное воздействие на экономику. Как и до кризиса, данная доходная группа предпочитает сберегать, а не инвестировать, исключения — вложения в недвижимость либо собственный бизнес. Предпочтительная форма сбережений — рублевые депозиты в крупных российских банках в пределах сумм, предусмотренных системой страхования вкладов.

Ключевые слова: экономический кризис; банковская система; высокодоходные группы; сбережения; инвестиции; депозиты; кредиты; пенсионные накопления.

Как в периоды экономического роста, так и в эпоху кризисов трансформация финансового поведения населения привлекает внимание ученых — экономистов, социологов, психологов. Нобелевские лауреаты по экономике Дж. Акерлоф (2001), Д. Канеман (2002), Р. Шиллер (2013) получили мировое признание за исследование совокупности различных факторов, влияющих на формирование мотивов поведения людей и принятия ими решений в финансовой сфере [18; 19]. В нашей стране высокую научно-практическую значимость приобрели исследования, связанные с выявлением доминирующих факторов сбережений домашних хозяйств, мотивов трансформации сбережений в инвестиции, а также с уровнем доверия населения банковской и в целом финансовой системе [6; 8, 13]. Регулярные социологические исследования проводит российское Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) [15]. В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) еще два десятилетия назад начали активно разрабатываться актуальные вопросы, касающиеся детерминант финансового поведения россиян как в масштабах всей страны, так и в разрезе регионов и социально-доходных групп [1; 2; 11]. Так, в результате исследования сбережений населения по репрезентативной для России выборке было выявлено наличие значительного объема неорганизованных сбережений (в рублях и валюте), сконцентрированных у 2% очень

богатых людей [9]. Основной проблемой превращения этих сбережений в инвестиции было преодоление глубокого недоверия владельцев сбережений к устойчивости политической ситуации и надежности российской финансово-банковской системы.

В настоящее время в ИСЭПН РАН такие исследования продолжаются, и в первую очередь они касаются изменений в финансовом поведении россиян с учетом углубляющейся дифференциации в уровне доходов жителей различных городов и регионов [3; 4; 17], что напрямую влияет на принятие ими финансовых решений.

Инвестиционно-сберегательное поведение населения традиционно вызывает научный и практический интерес, поскольку дает представление сразу о многом: о распределении доходов, потенциальных ресурсах кредитования экономики, доверии населения к банковской системе, национальной валюте, фондовому рынку, пенсионной системе и, в конечном итоге, к выступающему всеобщим регулятором государству. Дополнительную актуальность анализу внутренних источников инвестирования экономики России придает нынешняя ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, действием введенных в 2014 году западных санкций, лишивших российские хозяйствующие субъекты доступа к долгосрочным заимствованиям на внешних финансовых рынках и существенно сокративших деловые контакты с потенциальными зарубежными инвесто-

рами, а с другой стороны, непрекращающимся оттоком капитала за рубеж, а также «внутренним бегством» капитала при переводе рублей в иностранную валюту. Масштабы оттока капитала из России измеряются сотнями миллиардов долларов (в 2014 г. чистый вывоз капитала составил 154,1 млрд. долларов, за 11 месяцев 2015 г. – 53 млрд. долларов [14]), и пока что дискуссии относительно введения ограничений на трансграничный переток капитала заканчиваются победой сторонников отказа от серьезного валютного регулирования. Что касается целесообразности внешних заимствований и надежд на иностранные инвестиции, то эти вопросы также более чем дискуссионные. Во всяком случае, двадцатилетняя экономическая история постсоветской России свидетельствует о слабом притоке прямых инвестиций и их заметной избирательности (преимущественно – в ТЭК), что не всегда совпадает с интересами долгосрочного развития страны. Нарастание же внешнего долга, пусть и корпоративного, тоже весьма нежелательно: во-первых, в случае возникновения сложностей с выплатой задолженности предприятиями, имеющими для страны стратегическое значение, бремя решения проблем, так или иначе, берет на себя государство – что мы в последнее время и наблюдаем; во-вторых, условия предоставления займов зарубежными финансово-кредитными учреждениями таковы, что стимулируют российских корпоративных заемщиков к переводу активов в иностранную юрисдикцию [5]. Таким образом, более адекватным как с экономической, так и с геополитической точки зрения оказывается расчет на внутренние источники кредитования экономики.

В данном исследовании предметом изучения стало инвестиционно-сберегательное поведение высокодоходных групп на-

селения. Очевидно, что как потенциальный инвестор этот слой представляет особый интерес. В силу отсутствия адекватной политики доходов возможностью аккумулировать средства, достаточные для того, чтобы квалифицироваться как сбережения, обладает лишь весьма небольшая часть россиян. Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на IV квартал 2014 года сбережениями обладали 32% жителей России – пропорция, характерная и для предшествующего периода [12]. И, судя по всему, кризисные явления, остро проявившиеся в течение последнего года, приводят к дальнейшему сокращению доли домохозяйств, имеющих возможность сберегать. Так, согласно опубликованному в декабре 2015 г. докладу центра макроэкономического анализа Альфа-банка, в нынешнем году норма сбережений продолжила снижение (до 10% с 13% в 2014 году и с 15% в 2013 году) и стала минимальной за десятилетие, прошедшее с 2006 года. То есть сегодня норма сбережения ниже, чем во время кризиса 2009 года, когда она опустилась до 13% [7]. Аналогичную картину рисуют специалисты Национального агентства финансовых исследований: по их данным, реальными сбережениями располагает порядка 35% граждан (еще у 42% респондентов размер «сбережений» таков, что в случае потери заработка этих средств хватит, чтобы продержаться неделю, максимум – месяц) [10].

Исследование инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения, о котором далее пойдет речь, было реализовано сотрудниками ИСЭПН РАН¹ по заказу Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в декабре 2014 года в восьми определенных Заказчиком крупных городах России: Воронеже, Екатеринбурге, Казани,

¹ Руководитель проекта – д.э.н. О.А.Александрова.

Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Санкт-Петербурге. В соответствии с используемой Агентством методикой к высокодоходным были отнесены респонденты с доходом на душу в домохозяйстве не ниже 70 тысяч рублей; другим требованием к респондентам было наличие у них банковского вклада. С учетом того, что, опираясь на данные Росстата, исследовательская группа «Ромир» относит к среднему классу в Москве семьи с доходом 30–45 тыс. руб. на члена домохозяйства, а в России в целом – 20–35 тыс. руб. [16], можно сказать, что в нашем исследовании речь идет о представителях т.н. «upper middle» и социальных страт, занимающих еще более высокое положение на шкале доходов.

В качестве метода социологического исследования было выбрано проведение серии глубинных структурированных интервью. Во-первых, при количественных исследованиях действительно высокодоходные группы населения, как правило, оказываются недоступными. Отметим, что и в рамках настоящего исследования найти, особенно в регионах, состоятельных респондентов, готовых общаться на весьма деликатные темы, касающиеся сбережений, было весьма непросто. Во-вторых, и сама проблематика, и экономический контекст, на фоне которого проходило исследование (нарастание кризисных явлений в экономике, участвовавший отзыв лицензий у банковских структур, резкая девальвация рубля осенью 2014 г.), требовали обстоятельного разговора.

Сценарий интервью предусматривал десять блоков вопросов, направленных на выявление приоритетов и типичных моделей инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения, а также основных детерминант, формирующих те или иные модели; оснований выбора банка и вида банковского депозита,

готовности использовать другие способы вложения средств; опыта заимствований и отношения к тем или иным кредитным продуктам; информированности о системе добровольного пенсионного обеспечения и отношения к участию в ней. Фиксировался и социально-демографический портрет респондентов (возраст, пол, уровень и профиль образования, род занятий и должностной статус, семейное положение, наличие и возраст иждивенцев). Хотя качественное исследование и не нацелено на установление каких-либо значимых корреляций, тем не менее эти характеристики весьма существенны для интерпретации высказываний конкретных респондентов и в ряде случаев могут быть аппроксимированы на аналогичные ситуации.

Практически все участники опроса², возраст которых находился в интервале от 28 до 77 лет, имеют высшее образование, а их род занятий связан с бизнесом, страховыми услугами, преподавательской деятельностью, СМИ, работой в государственном и негосударственном пенсионном фондах, биржевой деятельностью и т.д.

Стартовало интервью с блока вопросов, касающихся оценки респондентами складывающейся социально-экономической ситуации и прогноза ее развития. Очевидно, что именно ожидания относительно вероятности реализации тех или иных сценариев развития событий в стране и мире, определяя горизонты планирования домохозяйств и формируя их представления о степени собственной свободы маневра, в существенной степени детерминируют и модели инвестиционно-сберегательного поведения.

² Всего было опрошено 32 респондента, при этом в Москве и Санкт-Петербурге число опрошенных составляло, соответственно, 8 и 5 человек. Численность респондентов в каждом из городов определялась Заказчиком.

С учетом наблюдавшихся в 2014 г. кризисных явлений, отражающихся как в объективных показателях (рост инфляции, скачки курса рубля, снижение цен на основные экспортные товары; усиление признаков рецессии в реальном секторе экономики и др.), так и в событиях субъективного плана — пессимистических высказываниях представителей социально-экономического блока Правительства и Центрального банка страны; озвученных в СМИ неблагоприятных прогнозах развития экономики России со стороны международных институтов (МВФ, рейтинговых агентств и т.п.), требовалось прояснить представления респондентов относительно:

- серьезности негативных явлений в экономике, их природы и степени долгосрочности;

- способности структур управления, определяющих экономическую политику, адекватно реагировать на текущие и новые вызовы, удерживать ситуацию в приемлемых рамках;

- вероятности использования государством на фоне кризиса ранее не практиковавшихся мер, способных ограничить маневр при распоряжении накоплениями (например, введение ограничений на операции с валютой, на вывоз капитала) либо достаточно чувствительно сказаться на самом уровне доходов представителей высокодоходных групп (например, введение прогрессивной шкалы НДФЛ; повышение ставки налога на дивиденды; отмена регрессивной шкалы для взносов во внебюджетные фонды; усиление прогрессии при налогообложении имущества; расширение объектов, подпадающих под действие налога на роскошь и т.п.);

- вероятности возникновения форс-мажорных ситуаций вроде замораживания государством вкладов (части вкладов) и т.п.

Помимо выяснения того, как респонденты квалифицируют сложившееся в стране социально-экономическое положение и прогнозируют дальнейший ход событий, требовалось также узнать:

- чем, прежде всего, определяется то или иное видение ситуации (макроэкономическими показателями и тенденциями; ситуацией в отрасли либо на предприятии/в организации респондента; экспертным мнением);

- каков круг источников информации, опираясь на которые респондент вырабатывает собственное мнение. Очевидно, что среди них могут быть собственные изыскания (самостоятельный анализ макроэкономической статистики; биржевых сводок; нормативно-правовых документов, определяющих кредитно-финансовую, бюджетно-налоговую политику государства и т.п.); информация СМИ (в этом случае необходимо было выяснить, в каких СМИ, включая интернет-ресурсы, респонденты черпают, по их мнению, наиболее объективную и квалифицированно поданную информацию); экспертное мнение (в этом случае важно было выяснить, оценки и прогнозы каких именно экспертов являются для респондентов наиболее авторитетными).

Еще один блок вопросов был нацелен на получение информации, позволяющей судить об оценке представителями высокодоходных групп населения общего состояния банковской системы России. Исходя из предположения, что подобная оценка формируется на основе рефлексии предшествующего опыта, оценки текущего положения и прожективных представлений, респондентам было задано три группы вопросов, касающихся, соответственно, оценки настоящего, прошлого и будущего банковской системы.

После первых двух блоков вопросов, направленных, по сути, на изучение формирующего экономического поведения домохозяйств институционального контекста, следовали остальные, призванные выявить типичные модели инвестиционно-сберегательного поведения и произвести необходимую детализацию тех или иных аспектов. В частности, последовательно выяснялось: на что в большей степени ориентируются респонденты — на текущее потребление или на сбережение/инвестирование; при аккумулировании средств, какая стратегия больше свойственна — сбережение или инвестирование; при наличии инвестиционной стратегии, как именно, через какие инструменты она реализуется; каковы основные инструменты сбережения и т.д.

Остановимся на ряде важных результатов, полученных в ходе проведенного исследования.

Случившиеся в 2014 году негативные события в финансово-экономической сфере, прежде всего резкое падение курса национальной валюты и рост инфляции, вынуждают респондентов негативно оценивать текущую экономическую ситуацию («плохая», «напряженная», «тревожная», «нестабильная», «тяжелая» и т.п.), хотя и с разной степенью категоричности и пессимизма:

«Экономическая ситуация? Нецензурно нельзя выразиться? В преддверии кризиса» (начальник отдела маркетинга, 31 год, Воронеж);

«Мы уже даже не в начальной стадии кризиса. Экономическая обстановка крайне нестабильная» (зам. директора филиала негосударственного пенсионного фонда, 33 года, Ростов-на-Дону);

«На самом деле, пока еще все не так страшно, бывало и хуже — например, в 90-х. Оцениваю это по моей потребительской

способности, по получаемым доходам, по работе» (индивидуальный предприниматель, 38 лет, Нижний Новгород);

«По тому, как ведут себя мои инвесторы, по динамике макроэкономических показателей вижу, что ситуация достаточно сложная, напряженная, с тенденцией к ухудшению. Но не «все пропало». Это не дефолт, и с голоду не умрем. Есть люди, которые считают, что вообще — война, голод. У меня нет панических настроений» (управляющий активами на фондовом рынке, 31 год, Воронеж).

Ряд респондентов сравнивает нынешнюю ситуацию с кризисами 1998 и 2008 гг. либо с началом — серединой 1990-х годов:

«В стране кризис, спад. Уровень заработной платы остался прежним. Растет резко уровень цен. Люди уже не успевают за ними угнаться. Опять падает жизненный уровень. Напоминает кризис 1998 года» (гл. бухгалтер, 39 лет, Краснодар);

«Ситуация «затишья перед бурей». Основываюсь на собственном опыте — я из тех, кто получил образование в 1992 г. и уже несколько раз видел, как менялась ситуация: от карточной системы до свободного развития дикого капитализма, когда мы начали жить немного лучше. Сейчас мы возвращаемся к тому, что было 15–20 лет назад. На работе — оптимизация, в отраслях экономики людей сокращают, растет курс доллара. Это еще не кризис, но все говорит о том, что скоро он будет» (руководитель департамента отделения ПФ РФ, 44 года, Ростов-на-Дону);

«Моя оценка? Кризис. Думаю, такой же, как в 2008 году» (гл. бухгалтер, 37 лет, Краснодар).

При этом если одна часть респондентов основывает свои оценки прежде всего на самых последних событиях, таких как девальвация рубля, рост инфляции, и объ-

ясняет происходящее причинами, звучащими в СМИ (санкции, неудачная нефтяная конъюнктура, общемировой кризис), другая часть — еще и на фиксируемых ими негативных тенденциях в течение последнего года или даже двух лет (отсутствие роста заработной платы, сокращение персонала на своем предприятии, снижение платежеспособного спроса на свою продукцию и т.п.):

«Тяжелая ситуация. Вижу по своей работе: падение объемов строительства в связи с тем, что рынок нового жилья застопорился и продажи упали» (коммерческий директор строительной компании, 50 лет, Екатеринбург);

«Ситуация «на троечку», нестабильная. Все предприятия нашего города переживают некоторые временные трудности. Очень тяжело с выплатой зарплаты, с закупкой товара. Обороты — все расшатано, нарушено. Санкции, война на Украине очень сказались на металлургическом производстве, на строительстве, на автомобилестроении» (гл. бухгалтер, 37 лет, Ростов-на-Дону);

«У нас на предприятии 70% комплектующих приобретается за рубежом. И соотношение «рубль — доллар» ничего радостного не сулит. Инфляция — надо как-то людям повышать зарплату, для этого надо, чтобы была клиентура. При нынешней финансовой ситуации покупателей можно считать на пальцах одной руки. Заказы минимальные: при общем снижении бюджетов городов на транспорт остается немного денег» (директор предприятия, 71 год, Санкт-Петербург);

«Если зарплату не поднимают уже два года и не происходит индексация, а, наоборот, происходит сокращение персонала в значимых отраслях, то и так все понятно» (руководитель департамента ПФ РФ, 44 года, Ростов-на-Дону);

«Ситуация оставляет желать лучшего. Оцениваю это и по росту цен, и по ситуации в компании — процент сокращаемых растет на глаза» (руководитель проекта в страховой компании, 28 лет, Москва).

А третья группа респондентов акцентирует внимание на сложившемся в России неэффективном типе экономики (непроизводительная, критически зависимая от внешнеэкономической конъюнктуры и т.п.) и недостаточном качестве государственного управления:

«Страна — большая бензоколонка. И если нефть дешевеет, то жить плохо. И так будет до тех пор, пока наши чудо-деятели не начнут думать головой — о народе, о социальной политике, именно о внутренней политике, экономике, а не только о внешней политике и прочем» (бизнесмен, 38 лет, Нижний Новгород);

«Много факторов, заставляющих смотреть на ситуацию пессимистично. Это и сырьевая зависимость: снижение котировок на углеводороды влияет на экономику в целом. Как таковое производство у нас развито только в военном секторе, в гражданском много пробелов, поэтому мы очень зависим от того, что продаем» (ген. директор предприятия, 38 лет, Санкт-Петербург).

«С экономикой полное безобразие. Главное — это коррупция, чего ни коснись — везде на что-то натыкаешься, весь бизнес основан на передаче чего-то кому-то» (старший брокер, 39 лет, Воронеж).

«Что меня смущает: мы топчемся, мы слишком сильно обюрократились. Я по своей работе ощущаю — у меня нет времени на то, чтобы думать, как говорят, об устройстве вселенной. Я пишу отчеты, пишу заявки, пишу планы, причем эти отчеты — все более формализованные, исчезает суть, какая-то бессмысленная работа» (зав. кафедрой в вузе, 65 лет, Казань).

Основными источниками информации о состоянии российской экономики и прогнозах ее развития, помимо собственных наблюдений за повседневной реальностью, для респондентов являются новостные программы, канал «РБК», печатные деловые издания, а также Интернет, выступающий в качестве одного из наиболее информативных и заслуживающих доверия каналов. При возможности респонденты стараются сверять информацию, имеющуюся в российском информационном пространстве, с зарубежными источниками. При этом респонденты пытаются анализировать информацию в совокупности, вырабатывая свое собственное мнение и не доверяя чьим-либо прогнозам. Еще одним источником информации для ряда респондентов является общение с «информированными людьми», однако надежность подобного источника ограничена, поскольку критически важные решения в стране, по мнению респондентов, принимает очень узкий круг лиц.

Практически все респонденты ожидали, что и предстоящий 2015 год будет характеризоваться серьезными проблемами в экономике, связанными со спадом деловой активности и общим снижением уровня жизни населения. При этом в отношении прогнозов развития экономики на более отдаленную перспективу респонденты разделились на две группы. Одна часть респондентов считает нынешнее экономическое неблагополучие достаточно краткосрочным и преходящим и отводит на его преодоление 1–2 года. В своих прогнозах эти респонденты чаще ссылаются на санкции, цены на нефть и иные факторы временного и волюнтаристского характера:

«Не вижу почвы для долгосрочных проблем. Как бы санкции ни давили, пока альтернативы России как источника нефти и газа нет. Есть возможность частичной за-

мены импорта и перенаправления импорта с Южной Америки, с близлежащих стран» (экономист, 30 лет, Москва);

«В течение года могут быть проблемы. Через год, если доллар не вернется к своей стоимости, то повысится зарплата, повысятся цены, но мы придем к более-менее стабильному состоянию» (гл. бухгалтер, 37 лет, Краснодар);

«Думаю, это года на два. И что-то надо изменить в экономике. Без серьезных изменений из кризиса не выйти» (менеджер, 41 год, Москва);

«Текущие проблемы займут от нескольких месяцев до, в худшем варианте, нескольких лет» (управляющий активами на фондовом рынке, 31 год, Воронеж).

Другая часть респондентов полагает, что в силу накопившихся проблем, и прежде всего степени деиндустриализации экономики, выход из нынешней ситуации с гарантией от ее возвращения требует гораздо большего времени (десятилетия) и усилий. В этой группе респондентов тема необходимости серьезного изменения вектора развития экономики — с зависимого сырьевого на относительно самодостаточный производительный — звучала особенно отчетливо. В то же время далеко не у всех респондентов из этой группы есть уверенность в том, что структуры государственного управления извлекут из нынешнего кризиса необходимые уроки:

«Если резервов хватит и достаточно быстро переориентируемся на внутреннее потребление, начнем развивать промышленность, то есть вероятность, что будет не сильно плохо. И еще если произойдут структурные кадровые изменения — сейчас административный аппарат самый большой за всю историю государства. Если будет реализовываться адекватная политика, тогда со всем можно справиться, а если нет — дальше может не повезти» (ген. директор, 38 лет,

Санкт-Петербург).

Однако основной рефрен высказываний состоял в нацеленности на преодоление проблем:

«Согласно законам Мерфи, если есть прогноз, указывающий на то, что будет плохо, значит, будет еще хуже. Но это «хуже» не означает, что мы должны находиться в панике» (зав. кафедрой в вузе, 65 лет, Казань).

Что касается состояния российской банковской системы, то на момент опроса оно оценивалось большинством респондентов как неудовлетворительное. При этом респонденты исходили не только из оценки условий предоставления депозитов и т.п., но и из оценки участия банковской системы в развитии национальной экономики, ее реального сектора. И именно вследствие такого подхода их общая оценка оказалась в большей степени неудовлетворительной. Применительно к поддержке действий государства по отношению к банкам на фоне разворачивающегося кризиса мнения респондентов разделились ровно пополам. Среди ключевых претензий — безответственность банков как в целом, системно, так и в случаях с конкретными банками. Результатом подобных представлений становится ожидание большинством респондентов потрясений в банковской сфере: либо неизбежных (так полагает большинство опрошенных), либо, как минимум, возможных. При этом 1/5 от числа респондентов полагает, что негативные последствия грядущих потрясений будут умеренными, позволяющими банковской системе справиться с ними без серьезных и долгосрочных побочных эффектов, а половина — что они будут масштабными и окажут значительное негативное воздействие.

С учетом выявленных представлений об экономическом и институциональном контексте, в котором высокодоходным домохозяйствам приходится определять наи-

более рациональную стратегию распоряжения свободными средствами, а также их текущего материального положения (более чем у половины респондентов доходы в 2014 году оставались на прежнем уровне), можно сказать, что избираемые ими модели поведения выглядят достаточно логичными.

Подавляющее большинство респондентов откладывают средства лишь после оплаты текущих расходов. При этом направляемая в сбережения доля месячного дохода варьируется в интервале от 10 до 70%. Манера поведения «сначала откладывать, а потом тратить» характерна для респондентов старше 50 лет, что, по видимому, объясняется не только понятным возрастным консерватизмом, но и отсутствием необходимости решать задачи, стоящие перед молодыми семьями.

В рамках распоряжения свободными средствами сберегательные тенденции заметно преобладают над инвестиционными. Сбережения формируются с целью покупки автомобиля, оплаты обучения, приобретения и ремонта недвижимости, проведения отпуска, развития собственного бизнеса, обеспечения старости. В частности, у более чем половины наших респондентов на ближайшее время запланированы существенные расходы на строительство либо обустройство дома/дачи, оплату образования детей, закупку оборудования для бизнеса, покупку машины и т.п. Что касается такой цели, как «обеспечение старости», то теме пенсионного обеспечения (с выходом на вопросы участия в системе частного пенсионного страхования) в рамках исследования был посвящен отдельный блок. Не имея возможности в данной статье останавливаться на этом подробно, отметим лишь несколько примечательных моментов. Хотя в целом данная группа населения более системно подходит к своему инвестиционно-

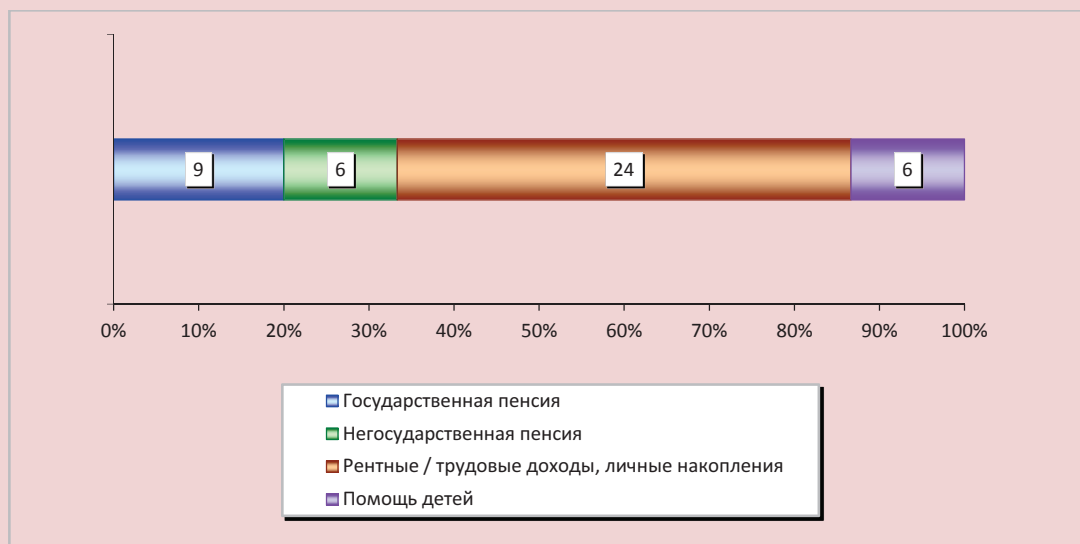
сберегательному поведению, в вопросах пенсионного обеспечения респонденты продемонстрировали как низкую степень информированности, так и низкий уровень доверия к пенсионной системе в целом и к системе добровольного пенсионного страхования в частности (рис. 1). В целом основная часть респондентов намерена опираться в старости на личные накопления, сформированные без помощи пенсионных фондов, а также на самостоятельно организованные источники рентных и прочих подобных доходов. Соответственно, лишь незначительная часть респондентов делает выбор в пользу использования того или иного инструмента, предлагаемого каким-либо субъектом пенсионной системы.

В качестве института хранения обязательной накопительной части большинство респондентов указали государственный Внешэкономбанк. При этом ставшие очевидными провалы обязательной накопительной системы не вызывают у респондентов беспокойства в силу того, что свое

будущее они с государственной пенсионной системой не связывают; в то же время ряд респондентов обратили внимание на заведомую эфемерность в современном мире любой масштабной накопительной системы.

Применительно к инвестированию подавляющее большинство респондентов предпочитает использовать подконтрольные им инструменты, связанные главным образом с вложениями в недвижимость с последующим извлечением рентных доходов, а также с собственным бизнесом. Инвестирование в ПИФы, акции, облигации опрошенные в основном отвергают, поскольку эти инструменты не отвечают их стремлению либо иметь гарантии государства (как в случае с банковском вкладом, застрахованным в системе страхования вкладов), либо контролировать бизнес лично. Инвестиции в металлические счета также непопулярны — здесь негативным фактором выступает волюнтаризм банков при определении внутренней цены на драгметаллы и соответствующие счета.

Рисунок 1. Каким образом Вы планируете обеспечивать себя после выхода на пенсию?*

* Респонденты могли назвать более одного источника.

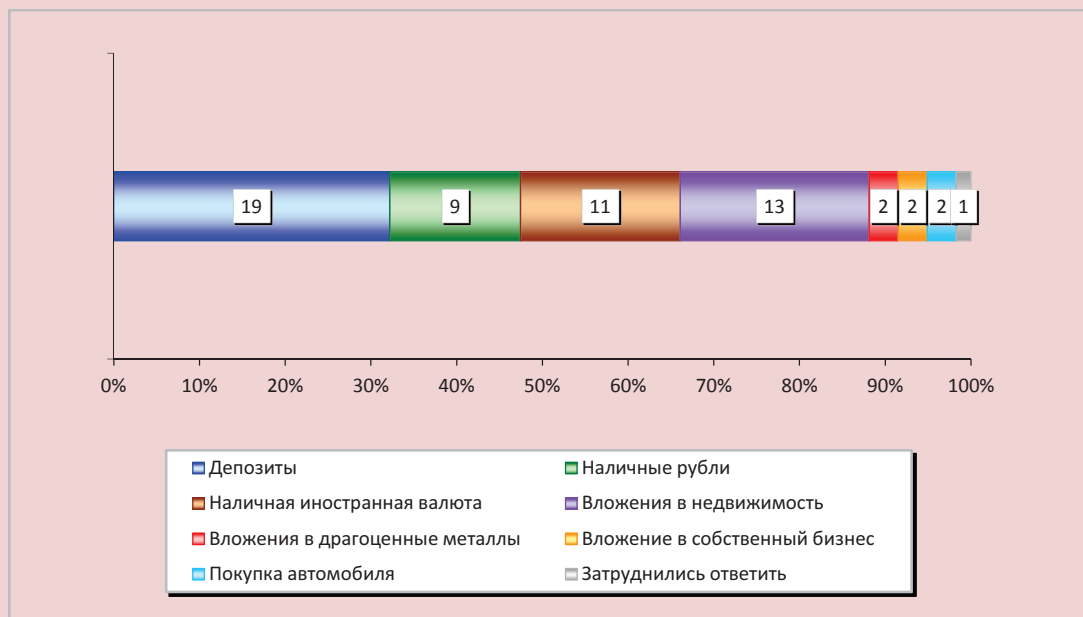
В целом, отвечая на вопрос о предпочтительных формах использования свободных средств (рис. 2), более чем половина респондентов назвали банковские депозиты. Среди мотивов подобного предпочтения назывались: если не сохранение покупательной способности накоплений, то хотя бы минимизация потерь от инфляции; ограничение искушения потратить деньги (особенно актуально для более молодых респондентов); исключение риска утраты средств вследствие кражи и т.п.; удобство оперирования средствами через банковскую карту; долгосрочный характер накопления средств. Второе место заняли вложения в недвижимость, примерно треть опрошенных предпочитает наличные рубли и иностранную валюту, несколько респондентов назвали предпочтительными вложения в собственный бизнес.

На момент опроса подавляющее большинство респондентов предпочитали хранить свои сбережения в российских банках.

Взаимодействие с зарубежными финансово-кредитными учреждениями на фоне западных санкций и в целом ухудшения отношений между Россией и ЕС, по их мнению, сопряжено с серьезными рисками; тем не менее два респондента подчеркнули необходимость диверсификации хранения сбережений по разным юрисдикциям. Две трети опрошенных отдали предпочтение рублевым депозитам, оставшаяся треть имела вклады в валюте и комбинированные депозиты. При этом в любом случае преобладают депозиты, открываемые на один год.

Кризисные явления 2014 года потребовали от респондентов принятия определенных мер для защиты своих сбережений – на это указали около половины респондентов. О том, какими были эти меры, можно судить по распределению ответов на вопрос о наиболее выгодных в настоящее время способах вложения средств: на первом месте оказалась покупка иностранной валюты, затем, в порядке убывания, шли покупка

Рисунок 2. Предпочтительные формы распоряжения свободными средствами*

* Респонденты могли назвать более одной формы сбережений.

недвижимости, открытие вклада в российском банке, покупка золота, аккумулярование наличных рублей.

Извлечены и уроки предшествующих кризисов. Часть респондентов пытается снизить риски, диверсифицируя вклады по разным валютам. Но снижение рисков прежде всего связано с подходом к выбору финансово-кредитного учреждения — предпочтение отдается взаимодействию с крупными банками с государственным участием; если же депозит ради большей процентной ставки открывается в менее крупном и надежном банке (так поступает меньшинство респондентов), то последний обязательно должен входить в систему страхования вкладов, и депозит открывается в пределах застрахованной суммы. Значительная часть респондентов и в случае крупного и, как будто бы, надежного банка старается открывать вклад лишь в рамках страховой суммы, распределяя оставшиеся средства по разным банкам; в то же время нескольким респондентам доводилось открывать вклад, превышающий страховую сумму, при этом они руководствовались надежностью банка (во всех случаях это был «Сбербанк») или желанием быть VIP-клиентом конкретного банка.

Таким образом, по признанию самих респондентов, именно внедрение системы страхования вкладов способствовало росту доверия банковской системе (часть респондентов стала обращать внимание на менее крупные банки). Но — лишь в пределах суммы страхового покрытия. В связи с этим респонденты сошлись во мнении относительно необходимости увеличения суммы страхового покрытия (опрос проходил до принятия соответствующей поправки к закону). При этом одна часть респондентов сосредоточилась на обсуждении конкретного размера суммы, которая должна быть застрахована, — назывались суммы в интер-

вале от 1 до 3 млн. руб. Другие респонденты настаивали на том, что никаких лимитов вообще не должно быть, а государство обязано гарантировать всю сумму, вносимую вкладчиком, и, ссылаясь на опыт западных стран, отмечали, что подобные гарантии значительно увеличили лояльность банковских клиентов и доверие финансовым институтам и системе в целом. Еще ряд респондентов акцентировали внимание на вторичности системы страхования вкладов по отношению к институту личной ответственности руководства банка и сетовали на то, что никаких подвижек в эту сторону на законодательном уровне пока не наблюдается.

В то же время опрос выявил, что, при всей основательности, у многих респондентов имеются информационные лакуны или весьма опасные иллюзии. Так, обнаружилось, что большинство респондентов не осведомлены о сроках возмещения вкладов, при том что в случае форс-мажора с национальной валютой (как это было, например, после объявления дефолта в августе 1998 г.) этот вопрос становится принципиальным. Выяснилось и то, что при открытии вклада респонденты, как правило, не интересуются участием кредитной организации в системе страхования вкладов, полагая, что на вклады физических лиц в определенном объеме система страхования распространяется в любом случае — часть респондентов уверена в том, что сегодня все банки входят в эту систему, другая — в том, что банки, не являющиеся участниками данной системы, не имеют права привлекать средства физических лиц. Подобные заблуждения могут приводить к размещению средств под более высокие процентные ставки в небольших коммерческих банках, не участвующих в системе страхования вкладов, с соответствующими печальными последствиями.

И, наконец, кратко охарактеризуем модели поведения высокодоходных респондентов в сфере кредитования. Имеющийся у большинства респондентов опыт заимствований связан прежде всего с получением ипотечного кредита или займа на развитие бизнеса. Гораздо реже эти респонденты берут кредиты ради приобретения автомобиля и других крупных покупок, причем, если такой кредит и берется, то это происходит не в силу недостатка средств, а из продиктованного расчетом и соображениями выгоды нежелания изымать деньги из бизнеса или снимать средства с депозита. Что касается кредитных карт, которыми представители высокодоходных групп, разумеется, пользуются (для поездок за границу, в случае крупной покупки и т.п.), то, судя по ответам респондентов, они воспринимают их не как кредитные, а как дебетовые с дополнительными небольшими удобствами.

В целом представители данной группы стремятся либо вообще не брать кредитов, либо используют предлагаемые банком продукты очень аккуратно — не попадая в долговую зависимость: если и пользуются кредитной картой именно как кредитной, то исключительно в льготный период, не платя проценты.

Таким образом, исследование позволило выявить настроения, ожидания и установки высокодоходных групп населения в отношении предпочтительных моделей инвестиционно-сберегательного поведения в условиях кризиса и их детерминанты. Задача государства, на которое в ходе интервью то с досадой, то с надеждой ссылались респонденты, — приступить к реализации такой экономической политики, которая направила бы аккумулируемые в обеспеченных домохозяйствах средства в созидательное русло — в инвестиции в национальную экономику.

Литература

1. Авраамова, Е.М. Сберегательные установки россиян / Е.М. Авраамова // *Общественные науки и современность*. — 1998. — №1. — С. 27-40.
2. Авраамова, Е.М. Сбережения населения: перспективы частного инвестирования / Е.М. Авраамова, Л.Н. Овчарова // *Социс*. — 1998. — №1. — С. 62-67.
3. Авраамова, Е.М. Детерминанты финансового поведения населения / Е.М. Авраамова, Ю.В. Бурдастова // *Модернизация экономики России: новые механизмы реализации: Труды XII Чаяновских чтений, 15 марта 2012 г. / под ред. Н.И. Архиповой*. — М.: РГГУ. — 2012.
4. Аликперова, Н.В. Динамика инвестиционно-сберегательной активности населения России / Н.В. Аликперова // *Народонаселение*. — №3. — 2015. — С. 85-92.
5. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на опережающую траекторию развития: доклад / С.Ю. Глазьев. — М.: Ин-т эконом. стратегий, Русский биограф. ин-т, 2015.
6. Кузина, О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) / О.Е. Кузина // *Деньги и кредит*. — 2012. — №1. — С. 68-72.
7. Потребительская модель роста российской экономики исчерпала себя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts/potrebitelskaya-model-rosta-rossiyskoiy-ekonomiki-ischerpala-sebya-20151215-15040/>
8. Радаев В. О сбережениях и сберегательных мотивах российского населения / В. Радаев // *Вопросы социологии*. — 1998. — №8. — С. 45-52.
9. Римашевская, Н.М. Сбережения населения как источник инвестиций / Н.М. Римашевская, И.Е. Дискин // *Экономическая наука современной России*. — 1998. — №2.

10. Россияне отказываются от сбережений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/economy/2015/10/22/318460.html>
11. Сбережения населения Российской Федерации: аналит. доклад / науч. рук.: И.Е. Дискин, Н.М. Рима-шевская. – М.: Инфограф, 1997.
12. Секреты личных сбережений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arb.ru/b2b/trends/sekrety_lichnykh_sberezheniy-9884114/
13. Стребков, Д.О. Трансформация сберегательных стратегий населения России / Д.О. Стребков // Вопросы экономики. – 2001. – №10. – С. 97-111.
14. ЦБ снизил оценку оттока капитала из России на 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/12/11/620635-tsb-snizil-otsenku-ottoka-kapitala>
15. Энциклопедия финансового поведения россиян. – М.: НАФИ, 2014.
16. Якорева, А. Настоящая инфляция: как и на чем экономит средний класс [Электронный ресурс] / А. Якорева, А. Воронина. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3>
17. Ярашева, А.В. Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств / А.В. Ярашева, Ю.В. Бурдастова // Народонаселение. – 2013. – №2 (60). – С. 94-102.
18. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. – NY, 2011. – 499 p.
19. Akerlof, G.A. Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy / G.A. Akerlof, R.J. Shiller. – NY, 2009. – 230 p.

Сведения об авторах

Ольга Аркадьевна Александрова – доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, a762@rambler.ru)

Азиза Викторовна Ярашева – доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, baktiana@rambler.ru)

Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V.

Transformation of Investment and Savings Behavior of High-Income Groups during the Crisis

Ol'ga Arkad'evna Aleksandrova – Research Associate, Lecturer, Doctor of Economics, Institute of Social and Economic Studies of Population of RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, a762@rambler.ru)

Aziza Viktorovna Yarasheva – Research Associate, Lecturer, Doctor of Economics, Professor, RAS Professor Institute of Social and Economic Studies of Population of RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, baktiana@rambler.ru)

Abstract. On the basis of results of the study conducted in several large cities of Russia the article presents key models of investment and savings behavior of high-income groups in the unfolding crisis. It shows the impact on the choice of a particular model of respondents' views about the situation in the banking sector and the economy as a whole, determines the nature of emerging attitudes and expectations. It analyses

well-to-do households' approaches to the choice of a bank and a type of deposit and their willingness to use other ways of investing, including participation in the system of voluntary pension insurance; reflects the experience of borrowing and the attitude to different credit products. Negative phenomena in the economy and the financial sector concern households, invoking parallels with the crises of 1998 and 2008 and even with the era of the 1990s. In the near future the recession is expected to worsen. The respondents, focusing on the effect of sanctions and falling oil prices, believe that it will be short. Other respondents, concerned about the degree of de-industrialization and inefficiency of public administration, predict long economic malaise. The majority of respondents expect disturbances in the banking sector, and half of them believe that they will be wide-scale and will have a significant negative impact on the economy. As before the crisis, this income group prefers to save rather than invest, with investment in real estate or own business being the only exception. The preferred form of savings is ruble deposits in large Russian banks within the limits stipulated by the deposit insurance system.

Key words: economic crisis; banking system; high-income group; savings; investment; deposits; loans; retirement savings.

References

1. Avraamova E.M. Sberogatel'nye ustanovki rossiyan [Savings Attitudes of the Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 1, pp. 27-40.
2. Avraamova E.M., Ovcharova L.N. Sberozheniya naseleniya: perspektivy chastnogo investirovaniya [Savings: Prospects for Private Investment]. *Sotsis* [Social Studies], 1998, no. 1, pp. 62-67.
3. Avraamova E.M., Burdastova Yu.V. Determinanty finansovogo povedeniya naseleniya [Determinants of Financial Behavior of Population]. *Modernizatsiya ekonomiki Rossii: novye mekhanizmy realizatsii: Trudy XII Chayanovskikh chtenii, 15 marta 2012 g.* [Modernization of Economy of Russia: New Mechanisms of Implementation: Proceedings of the XII Chayanovskii Readings, March 15, 2012]. Under editorship of N.I. Arkhipova. Moscow: RGGU. 2012.
4. Alikperova N.V. Dinamika investitsionno-sberogatel'noi aktivnosti naseleniya Rossii [Dynamics of Investment and Savings Activity of the Population of Russia]. *Narodonaselenie* [Population], no. 3, 2015, pp. 85-92.
5. Glazyev S.Yu. *O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na operezhayushchuyu traektoriyu razvitiya: doklad* [On Urgent Measures on Strengthening the Economic Security of Russia and the Russian Economy's Entering a Forward Development Trajectory: Report]. Moscow: In-t ekonom. strategii, Russkii biograf. in-t, 2015.
6. Kuzina O.E. Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy) [Financial Literacy of Russians (Dynamics and Perspectives)]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2012, no. 1, pp. 68-72.
7. *Potrebitel'skaya model' rosta rossiiskoi ekonomiki ischerpala sebya* [Consumer Growth Model of the Russian Economy has Exhausted Itself]. Available at: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts/potrebitelskaya-model-rosta-rossiiskoiy-ekonomiki-ischerpala-sebya-20151215-15040/>
8. Radaev V.O. sberozheniyakh i sberogatel'nykh motivakh rossiiskogo naseleniya [About Savings and Savings Motives of the Russian Population]. *Voprosy sotsiologii* [Sociological Issues], 1998, no. 8, pp. 45-52.
9. Rimashevskaya N.M., Diskin I.E. Sberozheniya naseleniya kak istochnik investitsii [Savings as a Source of Investment]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 1998, no. 2.
10. *Rossiiane otказыvayutsya ot sberozhenii* [Russians Refuse Savings]. Available at: <http://www.dni.ru/economy/2015/10/22/318460.html>
11. *Sberozheniya naseleniya Rossiiskoi Federatsii: analit. doklad* [Savings of the Population of the Russian Federation: Analytical Report]. Scientific supervisors I.E. Diskin, N.M. Rimashevskaya. Moscow: Infograf, 1997.
12. *Sekrety lichnykh sberozhenii* [Secrets of Personal Savings]. Available at: http://arb.ru/b2b/trends/sekrety_lichnykh_sberozheniy-9884114/

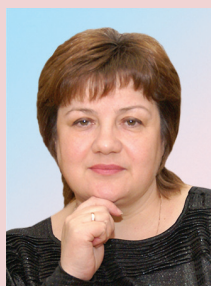
13. Strebkov D.O. Transformatsiya sberegatel'nykh strategii naseleniya Rossii [Transformation of Savings Strategies of Russian Population]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2001, no. 10, pp. 97-111.
14. *TsB snizil otsenku ottoka kapitala iz Rossii na 2015 god* [Central Bank Reduced the Estimate of Capital Outflow from Russia in 2015]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/12/11/620635-tsb-snizil-otsenku-ottoka-kapitala>
15. *Entsiklopediya finansovogo povedeniya rossiyan* [Encyclopedia of Financial Behavior of the Russians]. Moscow: NAFI, 2014.
16. Yakoreva A., Voronina A. *Nastoyashchaya inflyatsiya: kak i na chem ekonomit srednii klass* [Real Inflation: how and where the Middle Class Saves]. Available at: <http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3>
17. Yarasheva A.V., Burdastova Yu.V. Sberagatel'nye i kreditnye strategii domokhozyaistv [Savings and Credit Strategies of Households]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 2 (60), pp. 94-102.
18. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, 2011. 499 p.
19. Akerlof G.A., Shiller R.J. *Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy*. New York, 2009. 230 p.

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.9

УДК 331.101.26(470), ББК 65.240(2Рос)

© Леонидова Г.В., Свирелкина И.И.

Негосударственное дошкольное образование: текущая практика территориального развития*

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
galinaleonidova@mail.ru

**Ирина Ивановна
СВИРЕЛКИНА**

Средняя общеобразовательная школа №14 г. Вологды
160024; г. Вологда, ул. Дальняя, д. 32а
svirelkina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме дошкольного образования в России и Вологодской области. Показано, что в современных условиях при нехватке мест в государственных детских садах необходимо развивать негосударственный сектор услуг по присмотру и уходу за детьми. Наиболее востребованы такие услуги для родителей, имеющих детей в возрасте от 1 года до 3 лет. В статье проанализированы основные показатели функционирования организаций дошкольного образования. Выявлено, что потребительский спрос на услуги системы дошкольного образования в Вологодской области, в частности в городе Вологде, остается в значительной степени неудовлетворенным. Свыше десяти тысяч маленьких вологжан состоят на учете для определения в дошкольные образовательные организации. Всего на Вологодчине в очереди на получение места в детском саду числятся 28,9 тыс. детей, из них 34% в г. Вологде. Авторами представлены результаты исследования состояния негосударственного сектора услуг, осуществляемых в дошкольном образовании. Исследование проведено в мае–июне 2015 г. методом включённого наблюдения

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ: проект №15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей (2015–2016 гг.)».

частных детских садов и частных организаций г. Вологды, оказывающих услуги по присмотру и уходу за детьми дошкольного возраста. Рассмотрены основные факторы, ограничивающие развитие частных детских садов. Одним из факторов является отсутствие лицензии на образовательную деятельность, а также мотивации у большинства индивидуальных предпринимателей к её получению. При этом контроль за нелицензированными садами со стороны органов власти и общественных организаций не ведётся. Вместе с тем авторы указывают на отсутствие взаимодействия между самими частными организациями дошкольного образования. В некоторых из них условия не соответствуют санитарно-гигиеническим нормам и безопасности. Кроме того, есть ограничивающие факторы для сохранения здоровья детей (в частности, отсутствие условий для организации прогулок на безопасной площадке). Отмечен и высокий размер родительской платы. Предложены направления развития данного сектора услуг.

Ключевые слова: дошкольное образование, доступность, негосударственный сектор, частный детский сад, присмотр и уход за детьми.

Обеспечение доступности дошкольного образования является одной из наиболее важных задач, решение которой влияет не только на саму систему образования, но и в целом на социально-экономическую ситуацию в стране, способствуя занятости семей, имеющих малолетних детей, и тем самым увеличивая их благосостояние. Основные целевые ориентиры дошкольного образования на среднесрочную перспективу определены в Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» № 599 от 7 мая 2012 г. (достижение 100%-ной доступности дошкольного образования для детей в возрасте от трех до семи лет к 2016 г.) и в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы¹. В качестве основных ожидаемых результатов реализации Стратегии намечено также обеспечение общей доступности дошкольного образования для всех категорий детей, повышение гибкости и многообразия форм предоставления дошкольных услуг на основе реализации существующих и до-

полнительных форм их финансирования и организации и т.д.

По данным Росстата, общая численность детей, состоящих на учёте для определения в дошкольные образовательные организации, достигала в 2013 г. 2,7 млн. человек. Это на 13% больше, чем в 2012 г., и в 2,8 раза, чем в 2005 году².

Вместе с тем более актуальной и значимой является потребность семей в дошкольном образовании для детей в возрасте от 1,5 года. По достижении ребенком этого возраста выплата государственного пособия³ прекращается и, соответственно, родители стремятся выйти на работу, что особенно актуально для неполных семей⁴. Однако государственный сектор дошкольного образования для детей данного возраста не гарантирует место в детском саду. Задачу удовлетворения потребительского рынка в предоставлении услуг по присмотру и уходу за детьми ясельного возраста, их развитию и образованию мог бы взять на себя частный сектор. Исследование

¹ О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/>

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

³ Речь идет о ежемесячном пособии (40% от средней заработной платы) по уходу за ребенком до полутора лет.

⁴ Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. — 172 с.

состояния и проблем развития частного предпринимательства в дошкольном образовании и является целью данной статьи.

В основе всех тенденций, характеризующих дошкольное образование России в период с 1991 по 2015 год, лежат преобразования, происходящие в социально-экономической жизни страны (табл. 1).

За период с 1990 по 2013 г. число детских садов в России сократилось вдвое (с 88 до 43 тыс. единиц). Это происходило вследствие спада рождаемости, а также ликвидации садов и передачи помещений либо

под начальные классы школ, либо коммерческим структурам. В 90-е годы отток детей из дошкольных учреждений был связан еще и с финансовыми проблемами (кто-то не мог оплачивать услуги, а кто-то нанимал нянь) [22, с. 18]. Анализ приведенных данных (табл. 2) показывает, что на протяжении периода экономических преобразований социальной сферы (90-е гг. XX – начало XXI в.) и в современных условиях (2010–2015 гг.) система дошкольного образования испытывала и продолжает испытывать напряженность.

Таблица 1. Особенности развития сферы дошкольного образования в России в пореформенное время (1990–2015 гг.)

Период	Тенденции и особенности периода
Начало 1990-х годов	Максимальное количество детских садов в этот период (в 1990 г. около 88 тысяч). Особенностью дошкольного образования была ведомственная принадлежность большей части учреждений, что давало преимущества в материальной базе и т.д. Охват детей дошкольными образовательными услугами составлял более 66%.
Середина 1990-х годов	Массовое сокращение сети детских садов. Ежегодно закрывалось (перепрофилировалось и т.д.) по 4–5 тысяч. В основном это касалось ведомственных образовательных учреждений, которые передавались на баланс муниципалитетов. Снижился охват детей дошкольными образовательными учреждениями (55%) (родителям стал предоставляться отпуск по уходу за ребенком до 3-летнего возраста, росла родительская плата).
Конец 1990-х – начало 2000-х годов	Постепенный выход из кризисной ситуации. Сеть ДООУ продолжает сокращаться, но уже не столь быстрыми темпами (в 2002 году было закрыто 1100 детских садов). Охват детей дошкольным образованием составил 56%; появился повышенный спрос родителей на устройство ребенка в ДООУ, причем очень востребованными оказались группы детей до 3-летнего возраста.
2005 – 2010 гг.	В дошкольном образовании длительный спад контингентов закончился, наметилась некоторая тенденция роста числа детей, посещающих детские образовательные учреждения. Продолжился рост охвата детей дошкольными образовательными учреждениями – 61% в 2005 г.
2011 – 2015 гг.	Возникновение кризисной ситуации в обеспечении детского контингента дошкольным образованием. В 2013 г. охват детей дошкольными образовательными учреждениями составил 63% от численности детей соответствующего возраста. Спрос на дошкольное образование резко вырос в связи с повышением рождаемости, обусловленным, с одной стороны, вступлением в детородный возраст представительной когорты рожденных в 80-е годы, с другой – принимаемыми государством мерами (материнский капитал и т.п.).

Источники: составлено авторами; Число дошкольных образовательных учреждений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 15.10.2015).

Таблица 2. Число дошкольных организаций в Российской Федерации и численность воспитанников (на конец года)

Территория	2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Число дошкольных организаций*, тыс. ед.	26,7	18,4	26,9	18,0	26,5	17,8	25,7	17,5
	45,1		44,9		44,3		43,2	
Численность воспитанников в дошкольных организациях, всего, тыс. чел.	4280,6	1107,3	4502,4	1158,8	4750,6	1232,2	5037,1	1310,2
	5388,0		5661,1		5982,9		6347,3	

* Включая структурные подразделения (филиалы) дошкольных образовательных организаций.
Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Сегодня на одну дошкольную организацию в стране приходится на 24% детей больше, чем в 2010 г. (148 воспитанников в 2013 г. против 119 — в 2010 г.), и почти в 1,5 раза больше, чем в 1990 г. Численность детей⁵ в расчете на 100 дошкольных мест в 2013 г. составила 105 человек, в том числе в городах и поселках городского типа — 108, в сельской местности — 93 соответственно.

Основным фактором, стимулирующим развитие частного предпринимательства в этой сфере, является дефицит мест в государственных детских садах. Развитие негосударственного сектора дошкольного образования представляет часть государственной политики в сфере привлечения частных инвестиций в систему образования. В ежегодном Послании Федеральному Собранию⁶ 4 декабря 2014 г. Президент РФ В. Путин заявил: «Мы должны исключить дискриминацию негосударственного сектора в социальной сфере, убрать для него все барьеры» [20].

В настоящее время в России насчитывается около 50 тыс. государственных детских садов и только 1200 частных. Ещё почти 600 садов зарегистрированы как некоммерческие организации⁷. Доля негосударственных детских садов составляет всего 1,3% в общей численности детских садов. Более того, 66% всех частных садов сосредоточены в 8 субъектах РФ, лидерами среди которых являются г. Москва, Самарская и Омская области. Согласно

⁵ Дошкольные образовательные организации (на конец года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 26.10.2015).

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru>

⁷ В России появится сертификат дошкольника, который позволит родителям отдать ребенка в частный детский сад за счет государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.asi.ru/news/25079/?sphrase_id=784289

целевым показателям «дорожной карты» (план мероприятий) «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», подготовленной Агентством стратегических инициатив России, поставлена задача обеспечения услугами негосударственных образовательных организаций дошкольного образования в возрасте от 1 года до 7 лет: к 2016 г. — 8% детей, к 2018 г. — 15%.

Сегодня, по словам министра образования и науки Д. Ливанова, доля негосударственных детских садов, имеющих лицензию, значительно превышает среднероссийский показатель (1,8%) в таких субъектах РФ, как: Республика Саха (Якутия) — 4,5%, Приморский край — 3,1%, Хабаровский край — 3,5%, Свердловская область — 5,5%, Ямало-Ненецкий автономный округ — 6,2%, Республика Карелия — 4,4%, Иркутская область — 3,0%, Красноярский край — 3,0% и Москва — 6,3%. В то же время нет ни одного негосударственного детского сада в Кабардино-Балкарии, Камчатском крае, Тамбовской области [3, 11].

Исследование показало, что в РФ в целом сформирована *законодательная основа для функционирования негосударственных форм дошкольного образования в разных видах и их поддержки со стороны федеральных и региональных властей*. В частности, к существенным изменениям последних лет можно отнести уравнивание индивидуальных предпринимателей в правах и ответственности с государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере дошкольного образования. Определены условия и механизмы финансовой поддержки и налоговых льгот в отношении частных детских садов.

Функционирование негосударственных организаций дошкольного образования регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [15].

В Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ в 2010 году внесена статья 31.1 «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления» [18]. Согласно этой статье, организации, осуществляющие деятельность в области образования (в том числе дошкольного), относятся к социально ориентированным и их поддержка органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления осуществляется в таких формах, как:

- финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, переподготовки, повышения квалификации и дополнительного профессионального образования работников;
- предоставление льгот по уплате налогов и сборов;
- размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ;
- предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством.

Минэкономразвития России осуществляет поддержку малого и среднего предпринимательства в виде субсидий субъектам РФ [19] (приказ Минэкономразвития России от 24 апреля 2013 г. № 220).

Утверждены новые санитарно-эпидемиологические требования к дошкольным группам, размещённым в квартирах и частных домах [17, 23].

3 мая 2015 г. Президентом РФ был подписан закон, согласно которому частные детские организации дошкольного образования освобождаются от налога на прибыль [13]. Организации, ведущие деятельность по присмотру и уходу за детьми, получили право на нулевую ставку налога на прибыль. Новая норма коснется детских садов, дошкольных групп и групп продленного дня в школах⁸.

Рассмотрим формирование основ частного предпринимательства в сфере дошкольного образования на примере конкретной территории (Вологодской области и г. Вологды).

Сеть дошкольных образовательных организаций в Вологодской области в течение 2000–2014 гг., так же как и целом в стране, постепенно сокращалась (табл. 3).

По сравнению с уровнем 2000 г. их число уменьшилось с 683 до 490 ед., или на 28%. В то же время численность воспитанников в них выросла с 51,5 тыс. до 73 тыс., или на 42%. Это отразилось и на нагрузке на 1 дошкольное место. В 2000 г. на 100 мест приходилось 76 воспитанников, в 2014 г. – 104. В области насчитывается 261 дошкольная организация, при этом численность воспитанников превышает число мест. По данным за 2014 г. доля детей в возрасте 1–6 лет, посещающих детские сады, составила 83% в общей численности детей данного возраста. Это заметно выше среднего значения по Российской Федерации (63,1%) и по Северо-Западному федеральному округу (76%). Показатели охвата дошкольным образованием стали в Вологодской области больше, чем в 2012 и 2013 гг., на 3 процентных пункта, несмотря на уменьшение количества детских садов. Увеличивается

⁸ Маркелов Р. Сборы ушли в нулёвку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/05/detsad.html>

Таблица 3. Основные показатели функционирования организаций дошкольного образования в Вологодской области

Показатели	Год								2014 г. к 2000 г., %
	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Число ДОУ, ед.	683	624	617	600	598	577	560	490	71,7
Численность воспитанников, тыс. чел.	51,5	60,8	61,8	62,9	65,1	67,4	70,7	72,9	141,5
Численность воспитанников на 100 мест	76	103	104	106	103	101	102	104	136,8

Источники: Детские дошкольные учреждения в Вологодской области в 2004–2008 годах : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 42 с.; Дошкольные образовательные организации Вологодской области в 2010–2014 годах : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 63 с.

Таблица 4. Основные показатели функционирования организаций дошкольного образования в г. Вологде

Показатели	Год								2014 г. к 2000 г., %
	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Число ДОУ	78	82	82	82	83	84	86	85	108,9
Число мест	17047	13856	13978	13698	16740	16968	17430	17649	103,5
Численность воспитанников	12795	16177	16630	16781	17840	18642	19867	20443	159,8
Численность воспитанников на 100 мест	75	117	119	123	107	110	114	116	154,7

Источники: Данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Детские дошкольные учреждения в Вологодской области в 2004–2008 годах : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 42 с.; Дошкольные образовательные организации Вологодской области в 2010–2014 годах : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 63 с.

охват дошкольным образованием детей в возрасте до трёх лет: 33,1% в 2013 г. против 30% в 2012 году⁹.

За исследуемый период количество детских садов в городе Вологде выросло с 78 до 85 (табл. 4). В них насчитывается 20 443 воспитанника. Их численность выросла по сравнению с показателем 2000 г. на 7648 человек, или 60%. В то время как количество мест в детских садах стало больше только на 3,5%: 17 047 мест в 2000 г. против 17 649 – в 2014-м.

Дошкольные образовательные организации областного центра работают со значительной «перегрузкой», поскольку численность их воспитанников превышает число мест: на 100 мест приходится 116

воспитанников (в 2000 г. – 75 человек соответственно). Следствием такого переуплотнения является ухудшение здоровья детей. Так, в 2014 г. из 100% дней, пропущенных воспитанниками детских садов, 25% пропущены по болезни (табл. 5).

Возрастающий спрос на услуги системы дошкольного образования остается все еще в значительной степени неудовлетворенным. И это одна из ведущих социальных проблем на сегодняшний день. Свыше десяти тысяч маленьких вологжан состоят на учете для определения в дошкольные образовательные организации. По сравнению с уровнем предыдущего года очередь увеличилась на 2%, а за период с 2006 г. – в 2,8 раза (табл. 6). Всего на Вологодчине в очереди на получение места в детском саду числятся 28 тыс. детей, из них 36% – в г. Вологде.

⁹ Информация о выполнении плана мероприятий («дорожной карты») за 1 полугодие 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://depobr.gov35.ru/>

Таблица 5. Посещаемость в дошкольных организациях в 2014 г.

Территория	Посещаемость всего, дней	Пропущено всего, дней	В том числе	
			По болезни	По другим причинам
Вологодская обл.	12 748 927	4 805 048	1 218 901	3 586 147
г. Вологда	3 726 661	1 442 078	365 868	1 076 210

Источник: Дошкольные образовательные организации Вологодской области в 2010–2014 годах : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 63 с.

Таблица 6. Показатели обеспеченности местами в дошкольных образовательных организациях Вологодской области и г. Вологды, чел.

Показатели обеспеченности	Год									2014 г. к 2013 г., %
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
<i>Вологда</i>										
Количество детей, состоящих на учете для определения в дошкольные учреждения, чел.	3640	4264	4872	4851	4994	8044	9084	9828	10054	102,2
Количество детей, получивших путевку в дошкольные организации, чел.	2633	2409	2968	3559	3909	4365	4218	4778	3942	82,5
Разница, чел.	1007	1855	1904	1292	1085	3679	4866	5050	6112	121,0
<i>Вологодская область</i>										
Количество детей, стоящих на учете для определения в дошкольные учреждения, чел.	7500	11965	14521	14545	15724	19087	19929	28927	27736	95,8
Количество детей, получивших путевку в дошкольные организации, чел.	-	-	12083	13750	14036	14785	15469	17172	16084	93,6
Разница, чел.	-	-	2438	795	1688	4302	4523	11755	11652	99,1

Источники: Детские дошкольные учреждения в Вологодской области в 2004–2008 годах: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 42 с.; Дошкольные образовательные организации Вологодской области в 2010–2014 годах: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 63 с.

В областной столице, согласно результатам инерционного прогноза на среднесрочную перспективу, предполагающего неизменность половозрастных коэффициентов рождаемости и смертности, численность двухлетних и трёхлетних детей в ближайшие годы не сократится (табл. 7). Пик роста численности детей в возрасте 3-х лет придётся на 2016 год, в котором по сравнению с 2014 годом численность этой категории населения увеличится на 13% (4307 ребёнка). В 2023 г. она будет на 6% больше, чем в 2014 г. (4041 человек). В 2015 году отмечается пик роста численности детей в возрасте 2-х лет – их стало

на 9% больше, чем в предыдущем году. По прогнозу количество двухлеток за период с 2014 по 2023 г. вырастет с 3947 до 4041, или на 2%.

Как свидетельствуют данные прогноза, в ближайшем будущем нагрузка на сеть муниципальных организаций дошкольного образования вырастет. Принимая во внимание рост численности детей двухлетнего возраста и неутрачивающийся спрос на услуги дошкольного образования для этой категории граждан, следует подчеркнуть, что проблема доступности дошкольного образования сохранит свою актуальность [9].

Таблица 7. Прогноз численности детей в возрасте 0–3 лет в г. Вологде на 2014–2023 гг., чел.*

Возраст	Год									
	2014**	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
2 года	3947	4308	4240	4190	4147	4110	4087	4076	4063	4041
3 года	3826	3946	4307	4239	4189	4145	4108	4086	4075	4061

* Представлен инерционный сценарий прогноза, который предполагает неизменность половозрастных коэффициентов рождаемости и смертности на протяжении всего прогнозного периода.
 ** Фактические данные.
 Источник: составлено авторами.

В последнее время региональными органами власти принят ряд документов, определяющих меры по поддержке негосударственного сектора дошкольного образования в Вологодской области. В частности, утвержден Порядок определения объема и предоставления субсидий на предоставление дошкольного образования в частных образовательных организациях (постановление Правительства области от 3 марта 2014 г. № 169). В соответствии с данным документом частным дошкольным образовательным организациям, имеющим лицензию на осуществление образовательной деятельности, предоставляются субсидии на оплату труда, приобретение учебных пособий, средств обучения, игрушек (за исключением расходов на содержание зданий и оплату коммунальных услуг).

В Вологодской области функционируют пять частных организаций, имеющих лицензии на осуществление образовательной деятельности, на 665 мест¹⁰. В первом полугодии 2014 г. были зарегистрированы 48 индивидуальных предпринимателей, а также 33 юридических лица, заявивших при государственной регистрации вид деятельности «Дошкольное образование» по общероссийскому классификатору.

Частное предпринимательство в сфере дошкольного образования, согласно результатам проведенного исследования,

¹⁰ Информация о выполнении плана мероприятий («дорожной карты») за 1 полугодие 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://depobr.gov35.ru/>

более характерно для городских территорий. Например, в г. Вологде функционируют более 40 частных организаций, в том числе лицензированные и нелицензированные. Установить их точное количество представляется сложным по ряду причин. Во-первых, деятельность таких организаций очень динамична. Индивидуальные предприниматели могут начать, а потом прекратить своё существование без уведомления налоговых органов. Во-вторых, имеет место и теневой бизнес. Только две организации получили лицензии («Малыш» и «Росток» с 9-ю филиалами), остальные зарегистрированы как индивидуальные предприниматели и выполняют функцию присмотра и ухода за детьми. Судя по результатам исследования¹¹, предприниматели, оказывающие услуги по присмотру и уходу за детьми дошкольного возраста, не стремятся получить лицензию на осуществление образовательной деятельности, поскольку, по их словам, «оформление связано со сбором большого количества

¹¹ Во II квартале 2015 г. ИСЭРТ РАН было выполнено исследование, в ходе которого методом включённого наблюдения обследовано четыре частных детских сада и десять частных организаций, оказывающих услуги по присмотру и уходу за детьми дошкольного возраста, в г. Вологде. Метод включённого наблюдения предполагает неформальный сбор интересующих исследователя данных без анкет, но с наличием элементов интервью, наблюдения за социальным явлением и фиксацией увиденного и услышанного. Отчет по результатам включённого наблюдения носит описательный характер и не предполагает каких-либо глобальных обобщений и точных цифр. В данном случае это был вариант «выбора детского сада для ребенка», в качестве «родителей» выступали исследователи.

документов, а это, в свою очередь, требует много времени и усилий». Лицензирование назвали главным барьером в своей работе руководители негосударственных детских центров и мини-садов в Москве, согласно опросу [21, с. 86], проведенному НИУ Высшая школа экономики при поддержке АНО «Совет по вопросам управления и развития» и Департамента социальной защиты г. Москвы: «...Мы называем это присмотр, потому что очень сложно с лицензией»¹². Руководители частных детских садов г. Таганрога Ростовской области считают, что «образовательную лицензию получить очень тяжело. Потому что очень сложно получить пожарную лицензию...»¹³

Более того, некоторые руководители этого бизнеса, как выяснилось в ходе включенного наблюдения в г. Вологде, не видят необходимости в лицензии. Лицензированные частные дошкольные организации контролируются областными властями. Деятельность нелицензированных дошкольных организаций никто не отслеживает и не проверяет. Ими могут заинтересоваться только в случае поступления официальной жалобы от соседей или родителей. «Общение с органами власти и управления не осуществляется, мы не чувствуем со стороны органов управления образования как контроля, так и интереса к нашей деятельности вообще. Информацией о деятельности частного сектора дошкольного образования городские власти в полной мере не владеют»¹⁴. Анализ данных опроса частных организаций дошкольного образования показывает неполную осведомленность о процедуре лицензирования, что порождает у них

определённые опасения. Муниципальным и областным органам власти, заинтересованным в развитии частного сектора, необходимо оказывать ему поддержку не только в отношении оформления документов, но и предоставлять информацию о существующих возможностях государственной поддержки негосударственного сектора дошкольного образования, тем самым стимулируя индивидуальных предпринимателей вывести свою организацию на новый уровень. К такому же выводу приходят и исследователи НИУ ВШЭ (например, О.Б. Савинская [21]), которые прямо говорят о необходимости «дополнительной кампании, информирующей мини-организации, работающие в форме ИП, о новых возможностях предоставления образовательных услуг без лицензирования, зафиксированных в новом законе «Об образовании в РФ»¹⁵. О.Б. Савинская призывает также продумать упрощенную систему лицензирования для организаций, работающих в форме НКО и оказывающих образовательные услуги [21, с. 87].

В настоящее время эффективная деятельность невозможна без построения долгосрочного взаимодействия, без объединения ресурсов для достижения конкретных результатов, без распределения ответственности и рисков между частными и государственными партнерами. Хорошие примеры эффективного сотрудничества демонстрируют лицензированные частные детские сады «Росток» и «Малыш». «Росток» получил лицензию в июле 2013 г. Сначала в организации насчитывалось три филиала, сегодня частная организация представляет собой сеть из 9-ти детских садов, расположенных в разных районах г. Вологды. Стремительному развитию

¹² Савинская О.Б. Частный детский сад в России: обыденные практики и перспективы развития // Социологические исследования. — 2014. — №11. — С. 86.

¹³ Александрова О.А., Ненахова Ю.С. Перемены в дошкольном образовании: туда ли идет Россия? // Народонаселение. — 2015. — №1. — С. 102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Савинская О.Б. Частный детский сад в России: обыденные практики и перспективы развития // Социологические исследования. — 2014. — №11. — С. 87.

«Ростка» способствует сотрудничество с ОАО «Корпорация развития Вологодской области», которое с первых дней создания детского сада сопровождает его рост, оказывая информационную, правовую и методическую поддержку.

Частный детский сад «Малыш», получивший лицензию в феврале 2015 г., был создан при содействии частного образовательного учреждения дополнительного образования «Центр “Эго”» и при поддержке кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета.

Пребывание ребёнка в лицензированных частных детских садах обходится родителям примерно в 9 тыс. руб. в месяц. В одном из обследованных садов действует система скидок при досрочной оплате услуги за несколько (от 2 до 12) месяцев. В период адаптации ребёнка к условиям детского сада (в течение одного либо двух месяцев) родители платят на 2 тыс. руб. меньше.

Согласно российскому законодательству¹⁶ гражданам, дети которых посещают детские сады, выплачивается компенсация. Она представляет собой возврат части родительской платы, внесенной за посещение детского сада. Размер компенсации устанавливается нормативными правовыми актами субъектов РФ, но он не должен составлять менее:

– 20% среднего размера родительской платы за присмотр и уход за детьми в государственных и муниципальных дошкольных образовательных организациях, находящихся на территории соответствующего субъекта РФ, на первого ребенка;

– не менее 50% такой платы на второго ребенка;

¹⁶ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. – Ч. 5. Ст. 65 // КонсультантПлюс.

– не менее 70% такой платы на третьего ребенка и последующих детей [15].

Постановлением Правительства Вологодской области¹⁷ установлен средний размер родительской платы за присмотр и уход за детьми в государственных и муниципальных дошкольных образовательных организациях, равный 1450 руб. В связи с этим расчет компенсации части родительской платы родителям ребенка, посещающего лицензированный частный детский сад, производится исходя из размера этой суммы. До недавнего времени с неё взимался обязательный налог (НДФЛ) – 13%. Однако с 1 января 2015 г. по инициативе депутатов Вологодской области налог не начисляется, а, значит, сумма возвращенной компенсации стала больше. Более того, родители вправе воспользоваться социальным налоговым вычетом в сумме, уплаченной ими за обучение своего ребенка в детском саду, при условии наличия у организации лицензии¹⁸.

Стоимость за услуги нелицензированных частных детских садов варьируется от 8 000 до 13 000 руб. в месяц. В среднем родительская плата составляет 10 230 руб., что на 14% больше, чем в лицензированных детских садах. Из 10 нелицензированных частных садов в трёх оплата выше средней, в трёх – ниже. В большинстве случаев не прослеживается определенной связи между стоимостью услуг в нелицензированных частных детских садах, их расположением в городе, условиями размещения, оснащением, количеством воспитателей и детей.

¹⁷ Об установлении среднего размера родительской платы за присмотр и уход за детьми в муниципальных образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования: Постановление Правительства Вологодской области от 11 ноября 2013 г. №1155 // КонсультантПлюс.

¹⁸ В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса РФ, утвержденного Федеральным законом от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 08.06.2015).

В процессе ценообразования некоторые руководители не вполне опираются на определённые правила рынка и устанавливают плату исходя из сугубо личных интересов, амбиций, уровня притязаний, а также позиционирования своего социального бизнеса. Часть директоров нелицензированных частных садов ориентируются исключительно на семьи с доходами выше средних. В некоторых случаях более высокая стоимость оправдана: живописный район, три воспитателя и один младший воспитатель на группе, пятиразовое питание, современные игрушки и развивающие игры, еженедельный осмотр педиатром, камеры видеонаблюдения. Но в некоторых детсадах устанавливают плату, не соответствующую качеству предоставляемых услуг, исходя из стабильного спроса на место в дошкольных образовательных организациях в городе. В настоящее время в областной столице частный сектор лицензированных садов предоставляет около 165 мест, очередь на получение места в муниципальном саду насчитывает более 10 тыс. малышей. Несложный математический расчёт может показать, что в городе существует достаточный спрос на услуги индивидуальных предпринимателей по присмотру и уходу за детьми.

Таким образом, в муниципальной системе образования оформляется негосударственный сектор образовательных услуг в сфере дошкольного образования, появление которого связано со значительным дефицитом мест в детских садах для детей до 3 лет. Частные детские сады более гибки и быстрее могут реагировать на потребности детей и их родителей, тем самым нивелируя остроту проблемы доступности дошкольного образования.

Однако их развитию препятствует ряд факторов [14]:

1. Отсутствие лицензии на образовательную деятельность и мотивации у большинства индивидуальных предпринимателей к её получению.

2. Отсутствие контроля за нелицензированными садами со стороны органов власти и общественных организаций.

3. Отсутствие взаимодействия между частными детскими садами.

4. Высокий размер родительской платы.

Несмотря на востребованность частных детских учреждений, их возможности сегодня раскрыты недостаточно.

Для более эффективного развития государственно-частного партнерства в этой сфере требуется, во-первых, снижение административного давления на частный бизнес в социальной сфере [1, 4, 21], во-вторых, четкая координация со стороны региональных органов власти и управления процессов развития негосударственного сектора дошкольного образования путем определения в стратегических программах или подпрограммах социально-экономического развития территорий, «дорожных картах» индикативных показателей доли негосударственного сектора дошкольного образования.

Проблема мотивации индивидуальных предпринимателей к лицензированию услуг по присмотру и уходу за детьми может быть решена, если в расчет пенсий работников негосударственных организаций будет включаться педагогический стаж. Содействие большему выходу частного бизнеса на дошкольное образование может оказать создание консалтинговых центров для предоставления юридических услуг частным предпринимателям в сфере образовательной деятельности,

а также включение этой сферы в поле зрения действующих переговорных площадок между органами власти и предпринимателями, в том числе уполномоченных по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсменов).

Реализация вышеперечисленных мер позволит увеличить долю негосударственного сектора в дошкольном образовании и обеспечить выполнение показателей «дорожной карты» в сфере повышения эффективности образования.

Литература

1. Александрова, О.А. Перемены в дошкольном образовании: туда ли идет Россия? [Текст] / О.А. Александрова, Ю.С. Ненахова // Народонаселение. – 2015. – №1. – С. 95-105.
2. Баллаева, Е.А. Проблемы развития альтернативных форм дошкольного образования [Текст] / Е.А. Баллаева // Народонаселение. – 2013. – №1. – С. 64-73.
3. Выступление министра образования и науки Российской Федерации Дмитрия Ливанова на I Всероссийском съезде работников дошкольного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/>
4. Гаджиева, Л.А. Об использовании возможностей негосударственного сектора для решения проблемы доступности дошкольного образования [Текст] / Л.А. Гаджиева // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – №4. – С. 169-176.
5. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации в 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru/.../Doklad_o_polozhonii_detej_za_2013_god.doc
6. Детские дошкольные учреждения в Вологодской области в 2004–2008 годах [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 42 с.
7. Дошкольные образовательные организации Вологодской области в 2010 – 2014 годах [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 63 с.
8. Жилищный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // КонсультантПлюс.
9. Здоровье и здравоохранение [Текст] : учеб. пособие / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, М.В. Морев, О.Н. Калачикова, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 154 с.
10. Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки [Электронный ресурс] : план мероприятий («дорожная карта»): утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 2620-р // КонсультантПлюс.
11. Информация о выполнении плана мероприятий («дорожной карты») за 1 полугодие 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://depobr.gov35.ru/>
12. Калачикова, О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст] : монография / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.
13. Маркелов, Р. Сборы ушли в нулёвку [Электронный ресурс] / Р. Маркелов. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/05/detsad.html>
14. Леонидова, Г.В. Дошкольное образование в России: обеспеченность и доступность / Г.В. Леонидова // Проблемы развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – №5 (79). – С. 7-20.
15. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс.
16. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты»). Изменения, направленные на повышение эффективности образования 2013–2018 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Вологодской области от 25 февраля 2013 г. №201: в ред. постановлений Правительства Вологодской области от 25.04.2013 г. №452, от 05.08.2013 г. №795) // КонсультантПлюс.

17. Об утверждении СанПиН 2.4.1. 31.47-13 Санитарно-эпидемиологические требования к дошкольным группам, размещенным в помещениях жилого фонда [Электронный ресурс] : постановление Главного санитарного врача Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. №68: зарегистрировано в Минюсте России 03.02.2014 г. №31209 // КонсультантПлюс.
18. О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // КонсультантПлюс.
19. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 24 апреля 2013 г. №220 [Электронный ресурс] : // КонсультантПлюс.
20. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>
21. Савинская, О.Б. Частный детский сад в России: обыденные практики и перспективы развития [Текст] / О.Б. Савинская // Социологические исследования. – 2014. – №11. – С. 83-90.
22. Селиверстова, И.В. Доступность дошкольного образования: влияние территориального фактора [Электронный ресурс] / И.В. Селиверстова. – Режим доступа: http://elochka28char.ucoz.ru/publ/dostupnost_doshkolnogo_obrazovaniya/1-1-0-4 (дата обращения: 20.06.2015).
23. Системы противопожарной защиты. Ограничение распространения пожара на объектах защиты. Требования к объектно-планировочным и конструктивным решениям [Электронный ресурс] : свод правил СП 4.13130.2013 г. : утвержден приказом МЧС России от 24 апреля 2013 г. №288 // КонсультантПлюс.
24. Шабунова, А.А. Уровень жизни населения как индикатор модернизационных процессов [Текст] / А.А. Шабунова, А.И. Россошанский // В мире научных открытий. – 2013. – №12. – С. 127-150.

Сведения об авторах

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Ирина Ивановна Свирелкина – учитель английского языка, Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №14» г. Вологды (160024; г. Вологда, ул. Дальняя, д. 32а, svirelkina@mail.ru)

Leonidova G.V., Svirelkina I.I.

Non-State Preschool Education: Current Practices of Territorial Development

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory for the Studies of Labor Potential Development Issues, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, galinaleonidova@mail.ru)

Irina Ivanovna Svirelkina – English Teacher, Municipal Educational Institution “Secondary School No.14”, Vologda (32A, Dalnaya Street, Vologda 160024, Russian Federation, svirelkina@mail.ru)

Abstract. The paper is concerned with the problem of preschool education in Russia and the Vologda region. It shows that in the current context of shortage of places in state nurseries it is necessary to develop private care service providers. Day-care is in great demand among parents having children aged 1–3. The

article analyses the main characteristics of preschool educational organizations. It shows that in the Vologda Oblast, particularly in Vologda, private demand for preschool education service is unsatisfied to a wide extent. In Vologda more than ten thousand children are on waiting lists for preschool educational organizations. In total, in the Vologda Oblast about 28.9 thousand children are in line for admitting to a kindergarten, 34% of them are registered in Vologda. The paper provides the results of the study into Vologda private nurseries and day-care carried out in May–June 2015 by method of involved observation. It reveals the key factors hampering growth of private nurseries. It indicates the lack of license of educational activities and motivation of most entrepreneurs to obtain it as one of the factors. The results show that unlicensed gardens are not controlled by the authorities and public organizations. Interaction between the private institutions of pre-school education is not provided as well. We can observe that some private sector organizations do not meet the requirement of health and safety standards and impose limiting measures for the sake of children health such as organization of walks due to the absence of a secure walking site. High amount of parental fee is also found out. The article offers directions for the development of private preschool education service.

Key words: preschool education, accessibility, non-public area, private nursery, day-care.

References

1. Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. *Peremeny v doshkol'nom obrazovanii: tuda li idet Rossiya? [Changes in Preschool Education: where the Right Direction Russia is Going To?]. Narodonaselenie [Population], 2015, no. 1, pp. 95-105.*
2. Ballaeva E.A. *Problemy razvitiya al'ternativnykh form doshkol'nogo obrazovaniya [Problems of Development of Alternative Forms of Preschool Education]. Narodonaselenie [Population], 2013, no. 1, pp. 64-73.*
3. *Vystuplenie ministra obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii Dmitriya Livanova na I Vserossiiskom s'ezde rabotnikov doshkol'nogo obrazovaniya [Speech of the Minister of Education and Science of the Russian Federation Dmitry Livanov at the 1st All-Russian Congress of Workers of Preschool Education]. Available at: <http://minobrnauki.rf/>*
4. Gadzhieva L.A. *Ob ispol'zovanii vozmozhnostei negosudarstvennogo sektora dlya resheniya problemy dostupnosti doshkol'nogo obrazovaniya [About Using the Private Sector's Possibilities to Solve the Problem of Availability of Preschool Education]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues], 2012, no. 4, pp. 169-176.*
5. *Gosudarstvennyi doklad o polozhenii detei i semei, imeyushchikh de-tei, v Rossiiskoi Federatsii v 2013 g. [State Report on the Situation of Children and Families with Children in the Russian Federation in 2013]. Available at: http://www.rosmintrud.ru/.../Doklad_o_polozhenii_detey_za_2013_god.doc*
6. *Detskie doshkol'nye uchrezhdeniya v Vologodskoi oblasti v 2004–2008 godakh : stat. sb. [Preschool Institutions in the Vologda Oblast in 2004–2008 : Statistics Digest]. Vologdastat [Territorial Body of the Federal State Statistic Service in the Vologda Oblast]. Vologda, 2009. 42 p.*
7. *Doshkol'nye obrazovatel'nye organizatsii Vologodskoi oblasti v 2010 – 2014 godakh : stat. sb. [Preschool Institutions in the Vologda Oblast in 2010–2014 : Statistics Digest]. Vologdastat [Territorial Body of the Federal State Statistic Service in the Vologda Oblast]. Vologda, 2015. 63 p.*
8. *Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon ot 29.12.2004 g. № 188-FZ [Housing Code of the Russian Federation : Federal Law of December 29, 2004 No. 188-FZ]. Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus].*
9. *Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Morev M.V., Kalachikova O.N., Kondakova N.A. Zdorov'e i zdavoookhranenie : ucheb.posobie [Health and Health Care : Textbook]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 154 p.*
10. *Izmeneniya v otraslyakh sotsial'noi sfery, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya i nauki : plan meropriyatii ("dorozhnaya karta"): utverzhden rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2012 g. № 2620-r [Changes in the Social Sphere Aimed at Improving the Efficiency of Education and Science : the Action Plan (Road Map): Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2012 No. 2620-r]. Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus].*

11. *Informatsiya o vypolnenii plana meropriyatii ("dorozhnoi karty") za 1 polugodie 2014 goda* [Information on the implementation of the Action Plan (Road Map) for the 1st Half of 2014]. Available at: <http://depobr.gov35.ru/>
12. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. *Reproduktivnoe povedenie kak faktor vosproizvodstva naseleniya: tendentsii i perspektivy : monografiya* [Reproductive Behavior as a Factor in the Reproduction of Population: Trends and Prospects : Monograph]. Vologda : ISERT RAN, 2015. 172 p.
13. Markelov R. *Sbory ushli v nulevku* [Fees Went to Zero]. Available at: <http://www.rg.ru/2015/05/05/detsad.html>
14. Leonidova G.V. Doshkol'noe obrazovanie v Rossii: obespechennost' i dostupnost' [Pre-school Education in Russia: Security and Accessibility]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], Vologda: ISERT RAN, 2015, vol. 79, no. 5, pp. 7 – 20.
15. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ [On Education in the Russian Federation : Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
16. *Ob utverzhdenii plana meropriyatii («orozhnoi karty») Izmeneniya, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya 2013–2018 gody : postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 25 fevralya 2013 g. № 201: v red. postanovlenii Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 25.04.2013 g. № 452, ot 05.08.2013 g. № 795* [On Approval of the Action Plan (Roadmap) Aimed at Improving the Efficiency of Education 2013–2018 : Vologda Oblast Government Decree of February 25, 2013 No. 201: in Ed. Decrees of the Vologda Oblast Government of April 25, 2013, No. 452, of August 5, 2013, No. 795]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
17. Ob utverzhdenii SanPiN 2.4.1. 31.47-13 Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniya k doshkol'nym gruppam, razmeshchennym v pomeshcheniyakh zhilogo fonda : postanovlenie Glavnogo sanitarnogo vracha Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2013 g. № 68: zaregistrirvano v Minyuste Rossii 03.02.2014 g. № 31209 [On Approval of SanPiN 2.4.1. 31.47-13 Sanitary and Epidemiological Requirements for Preschool Groups, Hosted in the Premises of the Housing Stock: Decree of the Chief Sanitary Doctor of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 68: Registered in the Ministry of Justice of Russia of February 3, 2014, No. 31209]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
18. *O nekommercheskikh organizatsiyakh : Federal'nyi zakon ot 12 yanvarya 1996 g. № 7-FZ* [On Non-Profit Organizations : Federal Law of January, 12, 1996 No. 7]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
19. Ob organizatsii provedeniya konkursnogo otbora sub"ektov Rossiiskoi Federatsii, byudzheta kotorykh v 2013 godu predostavlyayutsya subsidii iz federal'nogo byudzheta na gosudarstvennyu podderzhku malogo i srednego predprinimatel'stva sub"ektami Rossiiskoi Federatsii: Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 24 aprelya 2013 g. № 220 [On Organization of the Conduct of Competitive Selection of RF Subjects, which Budgets in 2013 Get Subsidies from the Federal Budget for State Support of Small and Medium Entrepreneurship by Subjects of the Russian Federation: Order of the Ministry of Economic Development of April 24, 2013 No. 220]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
20. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu 4 dekabrya 2014 g.* [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly December 4, 2014]. Available at: <http://kremlin.ru>
21. Savinskaya O.B. Chastnyi detskii sad v Rossii: obydennye praktiki i perspektivy razvitiya [Private Kindergarten in Russia: Routine Practices and Development Prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no.11, pp. 83-90.
22. Seliverstova I.V. *Dostupnost' doshkol'nogo obrazovaniya: vliyanie territorial'nogo faktora* [Availability of Pre-School Education: Impact of Territorial Factor]. Available at: http://elochka28chap.ucoz.ru/publ/dostupnost_doshkolnogo_obrazovaniya/1-1-0-4 (accessed June 20, 2015).
23. *Sistemy protivopozharnoi zashchity. Ogranichenie rasprostraneniya pozhara na ob"ektakh zashchity. Trebovaniya k ob"ektno-planirovochnym i konstruktivnym resheniyam : svod pravil SP 4.13130.2013 g. : utverzhen prikazom MChS Rossii ot 24 aprelya 2013 g. № 288* [Fire Protection System. Limiting the Spread of Fire on Protection Objects. Requirements of Object-Planning and Constructive Solutions : Set of Rules SR 4.13130.2013 : Approved by Order of the MES of Russia of April 24, 2013 No. 288]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
24. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I. Uroven' zhizni naseleniya kak indikator modernizatsionnykh protsessov [Level of Living of the Population as an Indicator of Modernization Processes]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the World of Scientific Discoveries], 2013, no. 12, pp. 127-150.

Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики

**Елена Викторовна
ФРОЛОВА**

доктор социологических наук, доцент, профессор
Российский государственный социальный университет
129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
FrolovaEV@rgsu.net

**Елена Евгеньевна
КАБАНОВА**

аспирант
Российский государственный социальный университет
129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
KabanovaEE@rgsu.net

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме регионального управления – развитию туристической привлекательности российских территорий. В статье рассматривается понятие «туристическая привлекательность», обосновывается авторская позиция в отношении его содержания. Методы исследования включают в себя анализ документов, социологический опрос экспертов (руководителей местных органов власти). На основе статистических и социологических данных определены особенности и проблемы развития туризма в РФ в объективных и субъективных показателях функционирования туристской инфраструктуры. Определены дисфункции современных управленческих практик развития туризма в РФ, выявлены основные проблемы реализации методов программно-целевого управления в современной государственной и региональной политике. В статье обоснован вывод о том, что реализация программно-целевых методов развития туристической привлекательности связана с рядом недостатков, ограничивающих их эффективность. Авторы выделяют следующие основные проблемы реализации Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»:

финансовые риски; заявительный принцип отбора регионов для участия в федеральной целевой программе; целевая направленность на достижение экономических показателей результативности, — не позволяющие оценить долгосрочные перспективы таких аспектов туристической привлекательности, как создание и/или развитие уникальных объектов туристического притяжения, имидж территории; высокие пороговые значения софинансирования расходных обязательств по реализации программ для региональных бюджетов. На основе сравнительного анализа результатов опроса населения и экспертов в статье выделены основные ограничения развития туризма в РФ. Авторами обосновывается необходимость перехода государственной политики прямого вмешательства к модели косвенного регулирования процессов развития туризма. В статье определены основные направления модернизации взаимодействий федеральной, региональной и местной власти в целях эффективного развития туристической привлекательности российских территорий.

Ключевые слова: туризм, туристическая привлекательность, туристический потенциал, управленческие практики, система управления, местные органы власти, программно-целевой метод.

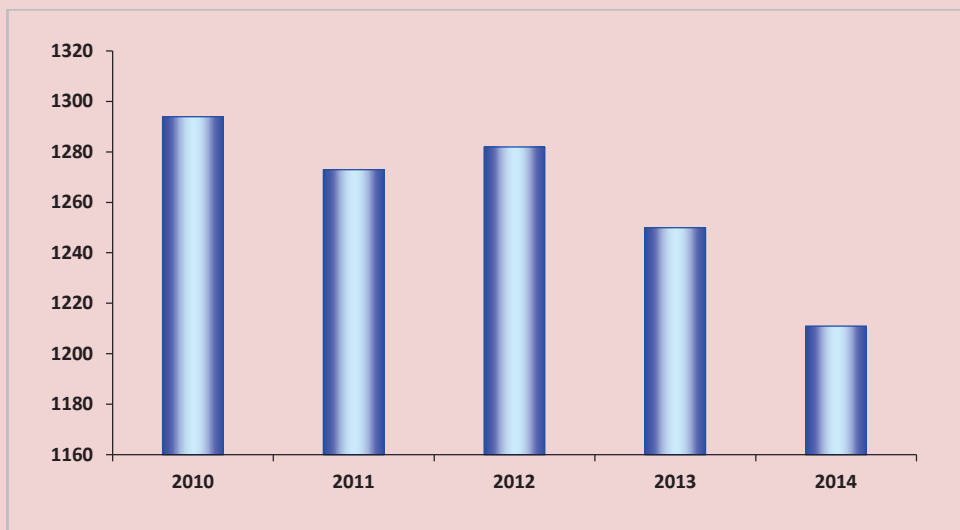
Введение. Туризм в современных условиях является одной из наиболее динамичных и высокодоходных отраслей экономики, обеспечивая приток инвестиций, новые рабочие места, укрепление позиций малого и среднего бизнеса. При этом туризм выполняет и такие социально значимые функции, как создание условий для реализации потребностей личности в отдыхе, приобщении к культурно-историческим ценностям, познании истории, религии, традиций [15, с. 3]. Анализ тенденций развития туристической отрасли в РФ за последние годы позволяет сделать вывод, что по ряду показателей произошло значительное приращение объектов туристской инфраструктуры. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 1,5 раза увеличилось число гостиниц и аналогичных средств размещения (6774 в 2008 году и 9855 в 2013-м) [20]. Однако, как показывают результаты социологических исследований, уровень туристической привлекательности российских территорий в оценках населения достаточно низок. Эксперты отмечают «снижение эффективности функционирования туризма во всех, даже в передовых, регионах Российской Федерации, что обуславливает

необходимость поиска новых антикризисных моделей организации туристского производства» [12, с. 4]. Главными факторами, сдерживающими развитие туризма в России, по-прежнему являются неразвитая туристская инфраструктура, низкие темпы развития и совершенствования её основных элементов: транспортной системы, средств размещения и питания, а также качество и цена предоставляемых услуг [11, с. 3]. Федеральная служба государственной статистики фиксирует отрицательную динамику изменений числа таких объектов туристской инфраструктуры, как санатории и пансионаты с лечением (*рис. 1*) [20].

Достаточно пессимистично выглядят показатели, характеризующие развитие объектов туристской инфраструктуры для детей. Так, число детских оздоровительных учреждений сократилось на 10% за последние 5 лет (*рис. 2*) [20].

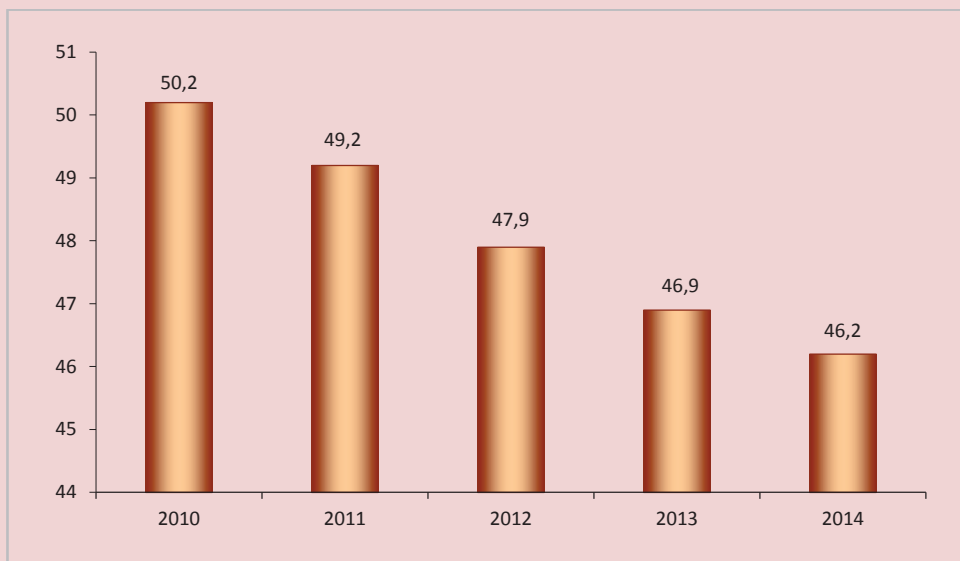
Данные тенденции существенно ограничивают развитие туризма в нашей стране, снижают уровень конкуренции в отрасли. За последние 4 года на 10% уменьшилось количество объектов туристской инфраструктуры экономкласса, в частности баз отдыха и кемпингов (1687 в 2010 году и 1515 в 2014-м). Особую тревогу

Рисунок 1. Динамика изменений числа санаториев и пансионатов с лечением

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2014 гг. Культура, отдых и туризм [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://fom.ru/Mir/10027>

Рисунок 2. Число детских оздоровительных учреждений, тыс.

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2014 гг. Культура, отдых и туризм [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://fom.ru/Mir/10027>

вызывает стремительное сокращение числа учреждений культурно-досугового типа – на 5 тысяч единиц за последние годы, а с 2003 года – более чем на 10 тысяч [20]. Таким образом, актуальность данной

темы обусловлена противоречием между высокой социально-экономической значимостью сферы туризма и недостаточным уровнем ее развития в современных российских условиях.

Методология и методика. Вопросы теоретического характера, анализ понятийного аппарата по проблемам функционирования и развития сферы туризма и туристской инфраструктуры нашли свое отражение в работах таких ученых, как А.Ю. Александрова [1], М.Б. Биржаков [3], А.В. Величина [5], И.В. Зорин, В.А. Квартальнов [13], А.И. Шишкин [26], Х. Годфри [8], В. Dellaert, Т. Arentze, О. Horeni [28], Н. Hilman, N. Kaliappen [29], М. Landauer, W. Haider, U. Pröbstl-Haider [30]. Анализ региональных аспектов развития туризма, особенностей туристической деятельности проводили С.В. Дусенко [10], Л.А. Голубчикова [9], С.Е. Щеглов [27], А.С. Кусков [16] и др. Однако в отмеченных работах уделено недостаточное внимание анализу деятельности субъекта управления процессами развития туризма, направлениям оптимизации взаимодействий федеральной, региональной и местной власти. В последние годы появилось значительное количество работ, исследующих туристическую привлекательность территорий, факторы ее формирования [4; 6; 19]. В данных работах представлен анализ социально-экономических, маркетинговых стратегий развития туризма. Но, на наш взгляд, разработка рекомендаций по развитию туристической привлекательности российских территорий должна опираться на анализ существующих управленческих практик, их ресурсного обеспечения и наиболее значимых ограничений. В данном контексте интерес представляет анализ результатов опроса населения, а также руководителей местных органов власти, непосредственно участвующих в развитии туристической отрасли муниципального образования, решении проблем функционирования туристской инфраструктуры.

Анализ научных публикаций по вопросам развития туризма позволил сделать вывод, что в ряде работ отождествляются понятия «туристическая привлекательность» и «туристический потенциал». Отметим, что, на наш взгляд, туристический потенциал – это только предпосылки организации туристической деятельности, включающие в себя такие составляющие, как объекты исторического, социально-культурного наследия, природные ресурсы, в то время как туристическая привлекательность – это уже результат соответствующей деятельности по развитию и актуализации туристического потенциала, формированию соответствующей туристской инфраструктуры. Туристическая привлекательность – это характеристика территории, отражающая уровень востребованности территориальных туристских услуг и соответствующий уровень удовлетворения туристских потребностей [14, с. 17].

В данной статье предпринята попытка анализа вопросов формирования и развития туристической привлекательности российских территорий, основных направлений деятельности федеральных, региональных и местных органов власти в данной сфере, ограничений и перспектив развития туризма в современных условиях. Информационной базой исследования являются федеральные и региональные нормативно-законодательные акты, статистические данные, информационно-аналитические материалы федеральных, региональных и местных органов власти. В статье также используются результаты исследования «Развитие туристического и культурного потенциала муниципальных образований Российской Федерации». Исследование проведено в феврале–мае 2015 года посредством рассылки анкет по Интернету

Всероссийским Советом местного самоуправления (при участии авторов). Выборка включала 514 экспертов (руководителей местных органов власти муниципальных образований РФ). Цель – анализ ресурсов и ограничений формирования и развития туристической привлекательности муниципальных образований РФ. Выборка – многоступенчатая, территориальная, случайная. В качестве единиц отбора первой ступени были определены 76 субъектов РФ. За основу выборки на второй ступени взяты списки муниципальных образований. Выборка муниципальных образований по федеральным округам воспроизводит структуру генеральной совокупности пропорционально численности муниципальных образований в округе.

Для анализа оценок населения использовались результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ).

Результаты. На федеральном уровне деятельность органов государственной власти по развитию туризма сконцентрирована на реализации программно-целевых методов. В качестве основного инструментария выступает Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (далее – Программа). В ней достаточно четко прослеживается количественная определенность поставленных целевых индикаторов. Например, рост инвестиций в основной капитал средств размещения в 1,9 раза; рост численности граждан России, размещенных в коллективных средствах размещения, в 1,5 раза; увеличение объема платных туристских услуг, оказанных населению, в 4,7 раза и объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в 4,3 раза (по сравнению с уровнем 2010 года) [21].

Как показал анализ, эффективность реализации Программы измеряется в первую очередь через показатели развития туристской инфраструктуры (рост инвестиций в основной капитал средств размещения, увеличение количества работающих в коллективных средствах размещения и туристских фирмах). При этом показатели, определяющие развитие туристического потенциала территории (модернизация и реконструкция культурно-исторических объектов, восстановление и сохранение природно-рекреационного потенциала, строительство и развитие досуговых объектов), в Программе не предусмотрены. Однако создание сети конкурентоспособных туристических кластеров (что заявлено в качестве задач Программы) подразумевает развитие не только соответствующей инфраструктуры, но и объектов туристического притяжения, составляющих основу туристической привлекательности территории. Отметим также, что оценка эффективности Программы включает в себя, в первую очередь, экономические показатели, такие как увеличение объема платных туристских услуг, рост численности российских и иностранных граждан, размещенных в гостиницах, местах для временного проживания. На наш взгляд, оценка эффективности формирования конкурентоспособного туристского рынка страны не должна ограничиваться только характеристиками платных туристских услуг. Гораздо более существенное значение имеют такие направления деятельности, как создание и/или развитие уникальных объектов туристического притяжения, сохранение и актуализация объектов культурно-исторического наследия, инновационные идеи развития событийного туризма, модернизация практик реализации туристских продуктов в сфере народного фольклора, народных промыслов, местных инициатив. Конку-

рентоспособность регионального туристского продукта складывается из характеристик функционирования как объектов туристской инфраструктуры, так и объектов туристического потенциала рекреационной и культурной направленности.

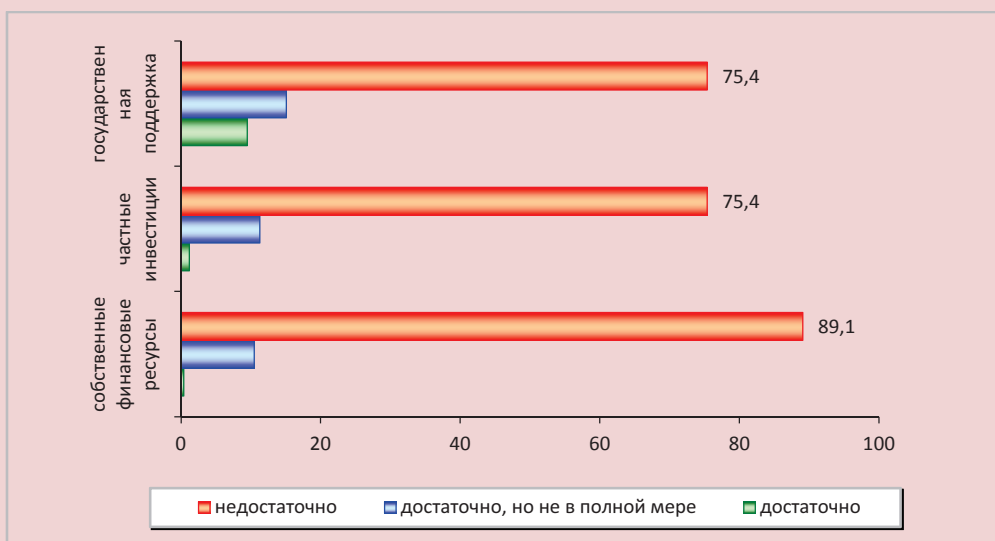
Недостаточное внимание в рамках Программы уделено показателям информационного обеспечения развития туристической привлекательности территорий. Функционирование соответствующих региональных информационно-туристических порталов является наиболее эффективным фактором продвижения территориального туристского продукта на мировом и внутреннем рынках, обеспечивает презентацию культурно-исторического и рекреационного потенциала, рекламу и продажу туристских продуктов и услуг. На наш взгляд, рост количества региональных информационно-туристических порталов является одной из приоритетных задач в современных условиях, и, соответственно, данный индикатор (учитывая его четкую количественную определенность) мог бы быть учтен при разработке конечных результатов реализации Программы.

Особую проблему в рамках финансового обеспечения мероприятий Программы представляют установленные пороговые значения софинансирования программ со стороны регионов, подавляющее большинство из которых в РФ являются дотационными. Так, в части мероприятий по развитию внутреннего и въездного туризма уровень софинансирования расходного обязательства субъекта РФ не может быть ниже 5% [21].

Еще одним ограничением достижения эффективности реализации Программы является заявительный принцип отбора региональных проектов для участия в ФЦП. В данном контексте решающими факторами, обеспечивающими финанси-

рование региональных проектов развития туризма, становится не столько туристический потенциал территории, сколько инициативность управленческого аппарата субъекта РФ и его экономические возможности для участия в софинансировании. При этом ограничивается отбор регионов, действительно обладающих уникальными туристско-рекреационными ресурсами, потенциалом для наращивания внутреннего и внешнего спроса на туристские услуги. В целях повышения эффективности государственной поддержки развития туризма целесообразно предпринять такие меры, как организация мониторинга туристско-рекреационного потенциала субъектов РФ, составление сравнительных рейтингов регионов с точки зрения как реальной, так и потенциальной конкурентоспособности оказываемых туристских услуг, продвижения территориального туристского продукта. Отметим, что в основные мероприятия Программы этапа 2011–2014 гг. включен «мониторинг наличия, уровня развития и доступности региональных туристско-рекреационных ресурсов», однако в условиях отсутствия общепринятой методики системной оценки данных показателей получение релевантной и объективной информации представляется весьма затруднительным. На наш взгляд, результатом мониторинга туристско-рекреационного потенциала субъектов РФ должны стать общедоступная информация, объективные рейтинги региональных туристических ресурсов. В целях обеспечения максимальной транспарентности процедур составления данных рейтингов, учета не только количественных, но и качественных показателей наиболее эффективным представляется широкое использование методов экспертной оценки, социологических исследований, учитывающих туристские предпочтения потенциальных потребителей услуг.

Рисунок 3. Оценка ресурсов развития туристической привлекательности муниципальных образований, по результатам опроса экспертов, %

Одним из наиболее значимых экономических рисков реализации Программы является нестабильность бюджетного финансирования ее мероприятий. Так, общий объем финансирования ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» был сокращен в 2,4 раза по сравнению с изначально запланированной сметой (с 332 млрд. рублей до 139,5 млрд. рублей). Снижилось софинансирование за счет средств регионов, местных бюджетов и внебюджетных источников финансирования, что связано в первую очередь с определенными проблемами в российской экономике [7]. Как показал результат опроса экспертов, руководителей местных органов власти, финансовые ограничения в наибольшей степени снижают эффективность управленческой деятельности (рис. 3). Оценивая ресурсы развития туристической привлекательности муниципального образования, 89,1% опрошенных экспертов отметили недостаточность собственных финансовых ресурсов.

Кроме того, региональные отчеты об итогах 2014 года иллюстрируют проблему долгого процесса согласования и утверждения объемов бюджетных назначений, поступления денежных средств. В ряде случаев перечисленные федеральные инвестиции поступали в региональный бюджет крайне поздно (декабрь 2014 года). Как следствие, финансовые средства не могли быть освоены и подлежали возвращению в федеральный бюджет.

Таким образом, основными проблемами реализации Федеральной целевой программы развития внутреннего и въездного туризма являются:

- целевая направленность на достижение экономических показателей результативности, которые не позволяют учитывать стратегические перспективы таких аспектов туристической привлекательности, как создание и/или развитие уникальных объектов туристического притяжения, имидж территории;

- приоритетность целей развития туристской инфраструктуры, недостаточность показателей, характеризующих уровень развития туристического потенциала территории;

- отсутствие показателей, характеризующих информационное обеспечение развития туризма (например, количество региональных информационно-туристических порталов);

- высокие пороговые значения софинансирования расходных обязательств по реализации программ для региональных бюджетов;

- заявительный принцип отбора регионов для участия в федеральной целевой программе;

- долгий процесс согласования и финансирования – сложная иерархическая система предоставления финансовых средств обуславливает значительные временные потери и высокий уровень рисков в процессе реализации запланированных мероприятий;

- финансовые риски обеспечения Программы в нестабильных социально-экономических условиях;

- ограниченные возможности корректировки программ; обеспечение условий корректировки программных задач и мероприятий представляется необходимым, если учитывать вариативный характер реализации программ, появление как дополнительных возможностей, так и ресурсных ограничений;

- отсутствие эффективной системы оценки и контроля реализации программ, низкий уровень участия общественности в их разработке и процессе контроля за расходованием финансовых средств.

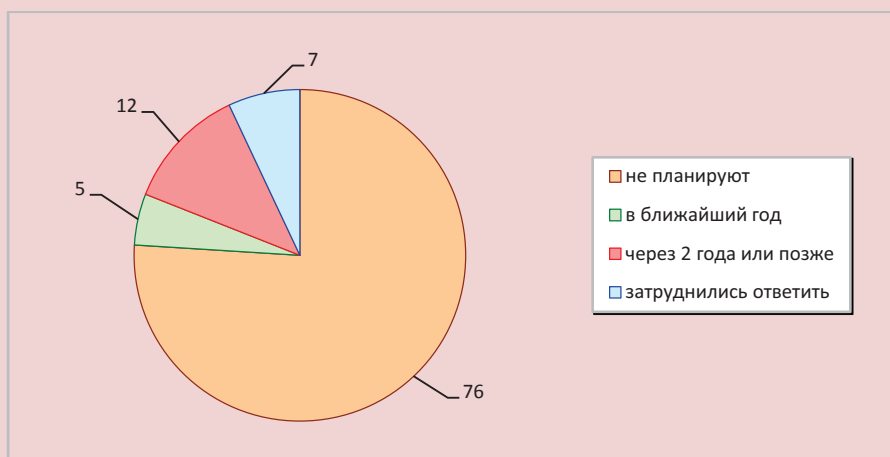
Основные тенденции и проблемы развития туристической привлекательности российских территорий. Следствием выявленных дисфункций в процессе реализации

программно-целевых методов стал невысокий уровень достижения заявленных результатов, перерасход денежных средств в процессе реализации основных мероприятий и, более того, завышенный объем привлечения средств федерального бюджета.

Ярким примером данной практики выступает город Сочи Краснодарского края. В связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 года изначально бюджет Программы оценивали в 327 миллиардов рублей, однако общие затраты превысили заявленную смету в пять раз и составили 1,5 триллиона рублей. На реализацию инфраструктурного проекта (строительство дорог, мостов, тоннелей, гостиничных объектов, вокзалов, морского порта и многое другое) было потрачено 1,3 триллиона рублей, из которых 400 миллиардов рублей из федерального бюджета и 900 миллиардов рублей привлеченных инвестиций [18]. Модернизация инфраструктуры позволила городу развивать возможности летнего отдыха, открывать новые горнолыжные спуски и расширять профиль лечебного кластера, что помогло Сочи полностью уйти от фактора сезонности и стать многофункциональным курортом. Однако проведенный комплекс мероприятий не привел к высокому объему туристского потока, что связано в первую очередь с дороговизной предоставляемых туристских услуг [25]. Данные выводы подтверждаются результатами социологического исследования. Судя по результатам проведенного опроса ВЦИОМ (опрошено 1600 человек в марте 2014 года), подавляющее большинство россиян (76%) не планируют туристические поездки в Сочи (рис. 4) [2].

Несмотря на широкую информационную поддержку и освещение в прессе зимних Олимпийских игр, уровень туристической привлекательности Сочи является достаточно низким: так, у 41% респондентов

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Собираетесь ли Вы отдыхать в Сочи или нет?», %

Источник: База социологических данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=953&q_id=65433&date=16.03.2014

не возникло желания посетить данный курорт после проведения Олимпиады–2014. Более половины опрошенных граждан (53%) не рекомендуют отдых в Сочи из-за его дороговизны [2].

В целом недостаточный уровень туристической привлекательности российских территорий подтверждается результатами социологических опросов. Так, по данным ВЦИОМ (опрошено 1600 человек в июне 2011 года), на вопрос «В какую бы страну Вы хотели поехать для путешествий» 20% выбрали вариант ответа «Франция», 19% – «Италия», 12% – «Германия», «Турция», 11% – «Египет», 10% – «Испания». Россия оказалась в нижних строках рейтинга среди наиболее привлекательных мест путешествий [2]. По данным ФОМ (опрошено 1500 респондентов в июне 2011 года), 39% россиян никогда не путешествовали по России. 68% респондентов не собираются отдыхать в регионах России в ближайший год [22]. Отметим, что экономический кризис, колебания курсов валют, нестабильность внешнеполитической ситуации внесли определенные коррективы в тури-

стические планы россиян. По итогам летних отпусков 2015 года, согласно опросам ВЦИОМ, наблюдалось уменьшение доли респондентов, отдохнувших за рубежом. При этом внутренних поездок стало больше, прежде всего на курорты Краснодарского края и в Крым. Кроме того, согласно данным опроса ВЦИОМ (проведенного в 2015 году после объявления о запрете на полеты в Египет), две трети россиян (67%) считают необходимым сосредоточить усилия российских властей на развитии внутреннего туризма, а не на безопасности заграничных поездок [2].

Опрос августа 2013 года (ФОМ, опрошено 1500 респондентов) в качестве лимитирующих факторов развития внутреннего туризма выявил низкий уровень информированности населения о туристических возможностях российских территорий. Так, почти каждый третий житель страны не смог назвать главную достопримечательность Российской Федерации. 8% опрошенных считают, что в России нет мест, где бы они хотели побывать, каждый пятый (22%) затруднился с ответом [22].

Полученные результаты подтверждаются данными опроса экспертов. Так, по мнению руководителей местных органов власти, основным ограничением развития туристической привлекательности территории является недостаточный уровень информационно-рекламной поддержки местного туристического потенциала (эксперты выделяют две проблемы: незнание потенциальных потребителей о возможностях туристической привлекательности в муниципальном образовании и отсутствие средств для рекламы) (рис. 5).

К другим значимым ограничениям развития туристической привлекательности российских территорий, как уже отмечалось, относится недостаточный уровень развития туристской инфраструктуры, несоответствие соотношения цены и качества предоставляемых услуг. Регулярно проводимые всероссийскими социологическими службами опросы граждан нашей страны позволяют диагностировать

неудовлетворительное состояние инфраструктуры российских территорий, ее несоответствие запросам населения и наличие так называемого территориального неравенства, заключающегося в неравном для жителей различных регионов и типов поселений доступе к тем или иным социальным благам и услугам [23].

В современных условиях для большинства муниципальных образований инфраструктурные проблемы становятся основной причиной снижения уровня конкурентоспособности территорий на туристском рынке. Статистические данные подтверждаются результатами опроса экспертов. Более половины опрошенных руководителей местных органов власти (51,8%) отмечают недостаточность количества объектов размещения (гостиниц, отелей, хостелов). Кроме того, эксперты дали достаточно низкие оценки качеству размещения в гостиничных комплексах на территории муниципального образования.

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «Выделите, пожалуйста, основные проблемы, которые препятствуют развитию туристической привлекательности в Вашем муниципальном образовании», %

Обсуждение. Таким образом, хотя из федерального бюджета направляется значительный объем финансовых средств, уровень туристической привлекательности российских территорий является достаточно низким. Анализ современных тенденций развития внутреннего туризма в РФ позволяет выделить наиболее значимые проблемы: дефицит местных бюджетов, отсутствие средств для рекламы туристического потенциала российских территорий и связанный с этим низкий уровень информированности населения о туристических возможностях российских муниципальных образований, инфраструктурные проблемы, несоответствие соотношений цены и качества туристских услуг.

В то же время ряд проблем в реализации Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» существенно ограничивает уровень туристической привлекательности российских территорий. Концентрация финансово-экономических механизмов и контрольных полномочий на федеральном уровне негативно отражается на параметрах управленческой деятельности в данной сфере. На наш взгляд, одним из механизмов решения выявленных проблем является модернизация взаимодействия федеральной, региональной и местной власти в целях эффективного развития туристической привлекательности российских территорий. Деятельность федеральных органов власти должна быть направлена, в первую очередь, на создание системы мотивации, обеспечивающей высокую эффективность управленческих практик развития туризма на региональном и местном уровне. Эффективное развитие туризма должно стать первоочередной задачей не федеральной, а, прежде всего, местной власти, которая имеет значительно боль-

шие возможности для оценки туристического потенциала, выявления проблем в туристической отрасли, оперативного реагирования, контроля использования финансовых средств, привлечения частных инвесторов. Местные органы власти наиболее приближены к хозяйствующим субъектам, обладают большими возможностями развивать инновационные, уникальные идеи на конкретной территории, взаимодействовать с населением, поддерживать инициативные группы.

Переход государственной политики от прямого вмешательства к модели косвенного регулирования процессов развития туризма предполагает в первую очередь изменение степени централизации в межбюджетных отношениях. Анализ бюджетной системы РФ не позволяет выделить четких принципов разграничения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Состав федеральных налогов определялся преимущественно фактором доходности, поскольку к ним отнесены в большинстве своем такие налоговые платежи, которые обеспечивают наибольшие суммы финансовых поступлений. Дефицит местных бюджетов имеет устойчивую тенденцию к увеличению (более чем в два раза): 52,4 млрд. рублей в 2007 году, 125,5 млрд. рублей в 2013 году. Анализ норм бюджетного законодательства, а также статистических данных позволяет сделать вывод об искусственной дотационности как субъектов РФ, так и муниципальных образований. Изъятие подавляющей части налоговых поступлений в вышестоящие бюджеты, а затем их возврат в виде межбюджетных трансфертов поддерживает высокий уровень централизации власти, зависимость местного самоуправления от региональных и федеральных властей. Трансферты получают как объективно сла-

бы муниципальные образования, так и те, кто имеет стабильную налоговую базу и при условии изменения нормативов отчислений налоговых поступлений мог бы обеспечить свою финансовую самостоятельность в решении вопросов местного значения. Подобная политика ограничивает мотивационные механизмы реализации собственного социально-экономического потенциала современных муниципальных образований [24, с. 354].

Таким образом, при изменении политики бюджетной централизации деятельность федеральных органов власти должна быть направлена, в первую очередь на создание системы мотивации, обеспечивающей эффективность управленческих практик развития туризма на региональном и местном уровне. Например, продуктивным шагом могла бы стать передача реальных рычагов формирования материально-финансовой ресурсной базы из центра на местный уровень. Одной из таких успешных практик является опыт развитых зарубежных стран, таких как Италия, Франция, США, Австрия, Польша, Нидерланды, ОАЭ, Испания, Швейцария, Черногория, где введен туристический налог. Взимаемые средства пополняют местный городской бюджет и используются в целях развития туристического потенциала территории. Так, например, 60% средств, которые в Цюрихе выделяют на развитие туризма, город получает за счет туристического налога.

Одними из основных задач региональных органов власти в сфере развития туризма могли бы стать содействие местным органам власти муниципальных образований региона в восстановлении, содержании и реставрации памятников культурно-исторического наследия, формирование туристических кластеров, развитие транспортной инфраструктуры. К направлениям

деятельности региональных органов власти, обеспечивающих развитие туристической привлекательности, относится также создание условий для межмуниципального сотрудничества в сфере строительства крупных туристских инфраструктурных объектов, транспортных коммуникаций.

Актуальным вопросом в рамках деятельности региональных властей становится информационно-методическое обеспечение, включающее в себя издание буклетов, брошюр и памяток для участников туристского рынка, проведение конференций, выставок и семинаров по обмену опытом, совместных совещаний с представителями региональных и местных властей, частных инвесторов и населением. Например, в Ленинградской и Вологодской областях функционируют школы по развитию сельского туризма, в которых проводятся мастер-классы с представителями туристического бизнеса и с главами местных администраций. В Ульяновской области региональные органы власти провели акцию «Жить и отдыхать на Волге», целью которой являлось привлечение жителей области отдыхать в пансионатах, санаториях и домах отдыха региона [17].

Выводы. Анализ статистических и социологических данных позволил выявить основные тенденции развития туристической привлекательности территорий РФ, а также основные проблемы реализации методов программно-целевого управления. Выявленные ограничения развития внутреннего туризма в РФ, с одной стороны, обеспечивают приращение знаний в области научного обеспечения экономики территорий, а с другой стороны, имеют практическую значимость, позволяя определить направления совершенствования управленческой деятельности в данной отрасли. Изложенные в статье практические рекомендации по совершенствованию

взаимодействий федеральной, региональной и местной власти могут служить концептуальной основой развития туристической привлекательности российских территорий. В статье обосновывается вывод, что наиболее эффективной управленческой практикой формирования и развития туристической привлекательности является консолидация усилий местных органов власти, бизнеса и населения именно на муниципальном уровне. Приоритетными

направлениями управленческой деятельности при этом являются создание и/или развитие уникальных объектов туристического притяжения, актуализация объектов культурно-исторического наследия, поиск и реализация инновационных идей развития событийного туризма, модернизация практик формирования туристских продуктов и услуг в области народного фольклора, народных промыслов, местных инициатив.

Литература

1. Александрова, А.Ю. Международный туризм / А.Ю. Александрова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2010. – 464 с.
2. База социологических данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=953&q_id=65438&date=16.03.2014
3. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Биржаков. – СПб.: Герда, 2014. – 544 с.
4. Важенина, И.С. О сущности бренда территории / И.С. Важенина // Экономика региона. – 2011. – №3. – С.18-23.
5. Величина, А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона / А.В. Величина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №2. – С. 239-250.
6. Виноградов, А.В. Методические основы управления туристическим потенциалом региона (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) / А.В. Виноградов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2010. – 22 с.
7. Выступление Медведева Д.А. на заседании Правительства 11.12.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/16073/>
8. Годфри, Х. Стимулирование международного туризма в XXI веке / Х. Годфри / под ред. В.А. Квартальнова; пер. с англ. Е.В. Мошняга. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 237 с.
9. Голубчикова, Л.А. Санаторно-курортный комплекс Российской Федерации: социологический анализ / Л.А. Голубчикова: дис. ... канд. соц. наук. – М., 2004. – 166 с.
10. Дусенко, С.В. Структура и функция социального пространства туризма (социологический анализ) / С.В. Дусенко: дис. ... д-ра соц. наук. – М., 2014. – 337 с.
11. Евреинов, О.Б. Комплексное развитие и совершенствование инфраструктуры туризма в регионе / О.Б. Евреинов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2012. – 24 с.
12. Забаева, М.Н. Эффективное использование регионального туристского потенциала: теория, методология, практика / М.Н. Забаева: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Н. Новгород, 2011. – 49 с.
13. Зорин, И.В. Энциклопедия туризма / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 368 с.
14. Кабанова, Е.Е. Туристическая привлекательность муниципальных образований как предмет междисциплинарных исследований / Е.Е. Кабанова // Вестник национальной академии туризма. – 2015. – №1(33). – С. 15-19.
15. Карнаева, Е.Е. Развитие предпринимательской деятельности в социальной сфере (на примере городских туристских комплексов малых городов Северо-Запада России) / Е.Е. Карнаева: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2008. – 21 с.

16. Кусков, А.С. Экотуристский потенциал особо охраняемых природных территорий и проблема его использования / А.С. Кусков, Е.Н. Арсеньева // Современный город: социокультурные и экономические перспективы: межвуз. сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 2004 г. – Саратов, 2004. – С. 257-260.
17. Макастрова, Н.С. Как местные и региональные власти могут помочь в развитии туризма / Н.С. Макастрова // Курортное дело, туризм и рекреация. – 2009. – №3. – С. 26-32.
18. Сколько стоит подготовка к Олимпийским играм в Сочи? [Электронный ресурс] // АиФ. – 2013. – №43. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/infographic/1009874>
19. Славин, В.В. Туристическая привлекательность региона: понятие, содержание, основные принципы формирования / В.В. Славин // Вопросы управления. – 2013. – №1(22). – С. 108-113.
20. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2014 гг. Культура, отдых и туризм [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13_p/Main.htm
21. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
22. Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Mir/10027>
23. Фролова, Е.В. Социальная инфраструктура современных российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации / Е.В. Фролова // Социологические исследования. – 2014. – №12 (368). – С. 51-58.
24. Фролова, Е.В. Деформации межбюджетных отношений в Российской Федерации: социально-экономические и политические риски / Е.В. Фролова // Актуальные проблемы экономики. – 2014. – №8. – С. 351-359.
25. Что будет с олимпийскими объектами после 2014 года? // Информационно-аналитическое агентство «Деловые новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delonovosti.ru/main/1864-cto-budet-s-olimpiyskimi-obektami-posle-2014-goda.html>
26. Шишкин, А.И. Методические основы создания туристско-рекреационного кластера «Заонежье» (Республика Карелия) / А.И. Шишкин, Е.Д. Биктимирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №2. – С. 74-86.
27. Щеглов, С.Е. Динамика и тенденции развития туризма в России / С.Е. Щеглов // Социальная политика и социология. – 2004. – №2. – С. 175-176.
28. Dellaert, B. Tourists' Mental Representations of Complex Travel Decision Problems / B. Dellaert, T. Arentze, O. Horeni // Journal of Travel Research. – 2014. – №53. – P. 3-11.
29. Hilman, H. Market Orientation Practices and Effects on Organizational Performance Empirical Insight From Malaysian Hotel Industry / H. Hilman, N. Kaliappen // SAGE Open. – 2014. – 4 (4). Doi: 10.1177/2158244014553590.
30. Landauer, M. The Influence of Culture on Climate Change Adaptation Strategies: Preferences of Cross-Country Skiers in Austria and Finland / M. Landauer, W. Haider, U. Pröbstl-Haider // Journal of Travel Research. – 2014. – №53. – P. 96-110.

Сведения об авторах

Елена Викторовна Фролова – профессор кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии, доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский государственный социальный университет (129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, FrolovaEV@rgsu.net)

Елена Евгеньевна Кабанова – аспирант, преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и социальной поддержки, Российский государственный социальный университет (129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, KabanovaEE@rgsu.net)

Frolova E.V., Kabanova E.E.

Strengthening the Tourism Appeal of Russian Territories: Current Trends and Management Practices

Elena Viktorovna Frolova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Department for Public and Municipal Administration and Social Engineering, Russian State Social University (4, building 3, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation, FrolovaEV@rgsu.net)

Elena Evgen'evna Kabanova – Graduate Student, Lecturer at the Department for Public and Municipal Administration and Social Engineering, Russian State Social University (4, building 3, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation, KabanovaEE@rgsu.net)

Abstract. The article is devoted to an acute issue of regional governance – the development of tourism appeal of Russian territories. The article discusses the concept of “tourism appeal”, substantiates the author’s viewpoint in relation to its content. The research methods by the author include document analysis and the sociological survey of experts (heads of local authorities). Statistical and sociological data served as the basis for determining the specifics and problems of tourism development in the Russian Federation reflected in the objective and subjective indicators of tourism infrastructure performance. The article determines the malfunctions of modern management practices in tourism development in the Russian Federation; it also reveals the main problems related to the implementation of program-target management methods in modern government and regional policy. The authors make a conclusion that the implementation of program-target methods of development of the tourism appeal of territories is associated with a number of drawbacks that limit their effectiveness; they distinguish the following main problems that emerge in the implementation of the federal target program “Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011–2018)”: financial risks; the declarative principle of selection of regions for participation in the federal target program; focus on the achievement of economic indicators – these problems make it difficult to assess the long-term prospects of aspects of tourism appeal such as the creation and/or development of unique tourist attractions, the image of a territory, high threshold values of co-financing of expenditure obligations to implement the programs for regional budgets. The article highlights the main constraints for tourism development in the Russian Federation on the basis of the comparative analysis of results of surveys of residents and experts. The authors justify the need for a transition from the government policy of direct intervention to the model of indirect regulation of tourism development. The article defines the main directions for modernization of the interaction between the federal, regional and local authorities for the purpose of effective development of tourism appeal of Russia.

Key words: tourism, tourism appeal, tourist potential, management practices, management system, local governments, program-target method.

References

1. Aleksandrova A.Yu. *Mezhdunarodnyi turizm* [International Tourism]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: KNORUS, 2010. 464 p.
2. *Baza sotsiologicheskikh dannykh VTsIOM* [VTsIOM Sociological Database]. Available at: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=953&q_id=65438&date=16.03.2014
3. Birzhakov M.B. *Vvedenie v turizm* [Introduction to Tourism]. Saint Petersburg: Gerda, 2014. 544 p.
4. Vazhenina I.S. *O sushchnosti brenda territorii* [On the Essence of the Brand of Territory]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2011, no. 3, pp.18-23.

5. Velichkina A.V. *Otsenka razvitiya turistskoi infrastruktury regiona* [The Assessment of the Regional Tourism Infrastructure Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2, pp. 239-250.
6. Vinogradov A.V. *Metodicheskie osnovy upravleniya turistskim potentsialom regiona (na primere Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Methodological Foundations of Management of Tourism Potential in the Region (Case Study of Saint Petersburg and the Leningrad Oblast)]. Saint Petersburg, 2010. 22 p.
7. *Vystuplenie Medvedeva D.A. na zasedanii Pravitel'stva 11.12.2014* [Dmitri Medvedev's Speech at the Government Session on December 11, 2014]. Available at: <http://government.ru/news/16073/>
8. Godfrey H. *Stimulirovanie mezhdunarodnogo turizma v XXI veke* [Promoting International Tourism to the Year 2000 and Beyond]. Ed. by V.A. Kvaral'nov; translated from English by E.V. Moshnyag. Moscow: Finansy i statistika, 2009. 237 p.
9. Golubchikova L.A. *Sanatorno-kurortnyi kompleks Rossiiskoi Federatsii: sotsiologicheskii analiz: dis. ... kand. sots. nauk* [The Health-and-Resort Complex in the Russian Federation: Sociological Analysis: Ph.D. in Sociology Dissertation]. Moscow, 2004. 166 p.
10. Dusenko S.V. *Struktura i funktsiya sotsial'nogo prostranstva turizma (sotsiologicheskii analiz): dis. ... d-ra sots. nauk* [The Structure and Function of the Social Space of Tourism (Sociological Analysis): Doctor of Sociology Dissertation]. Moscow, 2014. 337 p.
11. Evreinov O.B. *Kompleksnoe razvitie i sovershenstvovanie infra-struktury turizma v regione: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Comprehensive Development and Improvement of Tourism Infrastructure in the Region: Ph.D. in Economics Dissertation Abstract]. Saint Petersburg, 2012. 24 p.
12. Zabaeva M.N. *Effektivnoe ispol'zovanie regional'nogo turistskogo potentsiala: teoriya, metodologiya, praktika: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Effective use of Regional Tourism Potential: Theory, Methodology, Practice. Doctor of Economics Dissertation Abstract]. Nizhny Novgorod, 2011. 49 p.
13. Zorin I.V., Kvaral'nov V.A. *Entsiklopediya turizma* [Encyclopedia of Tourism]. Moscow: Finansy i statistika, 2014. 368 p.
14. Kabanova E.E. Turisticheskaya privlekatel'nost' munitsipal'nykh obrazovaniy kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Tourism Appeal of Municipalities as a Subject of Interdisciplinary Research]. *Vestnik natsional'noi akademii turizma* [Bulletin of the National Academy of Tourism], 2015, vol. 33, no. 1, pp. 15-19.
15. Karnaeva E.E. *Razvitie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v sotsial'noi sfere (na primere gorodskikh turistskikh kompleksov malykh gorodov Severo-Zapada Rossii): avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk* [The Development of Entrepreneurship in the Social Sphere (Case Study of Urban Tourist Complexes of the Towns in the North-West of Russia): Ph.D. in Economics Dissertation Abstract]. Saint Petersburg, 2008. 21 p.
16. Kuskov A.C., Arsen'eva E.H. Ekoturistskii potentsial osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy i problema ego ispol'zovaniya [Ecotourist Potential of Specially Protected Natural Areas and the Issue of Its Use]. *Sovremenniy gorod: sotsiokul'turnye i ekonomicheskie perspektivy: mezhvuz. sb. nauch. st. po itogam Vseros. nauch.-prakt. konf., Saratov, 2004 g.* [A Contemporary City: Social, Cultural and Economic Perspective: Interuniversity Collection of Scientific Articles Following the Results of the All-Russian Research-to-Practice Conference, Saratov, 2004]. Pp. 257-260.
17. Makatrova N.S. Kak mestnye i regional'nye vlasti mogut pomoch' v razvitii turizma [How Local and Regional Authorities Can Promote the Development of Tourism]. *Kurortnoe delo, turizm i rekreatsiya* [The Health-and-Resort Business, Tourism and Recreation], 2009, no. 3, pp. 26-32.
18. Skol'ko stoit podgotovka k Olimpiiskim igram v Sochi? [How Much Does the Preparation for the Olympic Games in Sochi Cost?]. *AiF* [The Arguments and Facts Newspaper], 2013, no. 43. Available at: <http://www.aif.ru/infographic/1009874>
19. Slavin V.V. Turisticheskaya privlekatel'nost' regiona: ponyatie, sodержание, osnovnye printsipy formirovaniya [Tourism Appeal of the Region: the Concept, Content and Main Principles of Formation]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2013, vol. 22, no. 1, pp. 108-113.

20. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiiskoi Federatsii v 1991–2014 gg. Kul'tura, otdykh i turizm [Socio-Economic Indicators of the Russian Federation in 1991–2014. Culture, Recreation and Tourism]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13_p/Main.htm
21. Federal'naya tselevaya programma "Razvitie vnutrennego i v»ezdnogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2018 gody)" [Federal Target Program "Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation (2011–2018)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
22. *Fond obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Foundation]. Available at: <http://fom.ru/Mir/10027>
23. Frolova E.V. Sotsial'naya infrastruktura sovremennykh rossiiskikh munitsipal'nykh obrazovaniy: sostoyanie i resursy modernizatsii [Social Infrastructure of Contemporary Russian Municipal Bodies: Current State and Modernization Resources]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, vol. 368, no.12, pp. 51-58.
24. Frolova E.V. Deformatsii mezhyuzhnykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii: sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie riski [Deformations of Intergovernmental Fiscal Relations in the Russian Federation: Socio-Economic and Political Risks]. *Aktual'nye problemy ekonomiki* [Topical Issues of Economy], 2014, no. 8, pp. 351-359.
25. Chto budet s olimpiiskimi ob»ektami posle 2014 goda? [What Will Happen to the Olympic Facilities after 2014?]. *Informa-tionno-analiticheskoe agentstvo "Delovye novosti"* [Information and Analytical Agency "Business News"]. Available at: <http://delonovosti.ru/main/1864-chto-budet-s-olimpiyskimi-obektami-posle-2014-goda.html>
26. Shishkin A.I., Biktimirova E.D. Metodicheskie osnovy sozdaniya turistsko-rekreatsionnogo klastera "Zaonezh'e" (Respublika Kareliya) [Methodological Framework for Establishing the Tourism and Recreation Cluster 'Zaonezhye' (Republic of Kareila)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2, pp. 74-86.
27. Shcheglov S.E. Dinamika i tendentsii razvitiya turizma v Rossii [Dynamics and Trends in the Development of Tourism in Russia]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2004, no. 2, pp. 175-176.
28. Dellaert B., Arentze T., Horeni O. Tourists' Mental Representations of Complex Travel Decision Problems. *Journal of Travel Research*, 2014, no. 53, pp. 3-11.
29. Hilman H., Kaliappen N. Market Orientation Practices and Effects on Organizational Performance Empirical Insight From Malaysian Hotel Industry. *SAGE Open*, 2014, no. 4 (4).
30. Landauer, M., Haider, W., Pröbstl-Haider, U. The Influence of Culture on Climate Change Adaptation Strategies: Preferences of Cross-Country Skiers in Austria and Finland. *Journal of Travel Research*, 2014, no. 53, pp. 96-110.

ЭКОНОМИКА

АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.11
УДК 338.436.33 (470.13), ББК 65.32

© Иванов В.А.

Влияние рыночных реформ на развитие аграрного сектора и самообеспечение продовольствием северного региона

**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
167000, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
ivanov.v.a@iespn.komisc.ru

Аннотация. Успешное развитие северных и арктических территорий зависит от устойчивого функционирования аграрного сектора. Сельское и промышленное хозяйство является образом жизни укоренившихся здесь народов. В статье рассмотрено состояние сельского хозяйства и продовольственного самообеспечения населения Республики Коми в годы относительно стабильного развития (1960–1980) и в условиях рыночных реформ. Дан анализ производства и потребления продуктов питания, показано позитивное влияние модернизационных процессов на аграрный сектор в предреформенный период. Исследована рыночная трансформация аграрной экономики, сопровождавшаяся в 1990-е гг. резким спадом производства аграрной продукции, деградацией производственного потенциала, сельской демографией, инфраструктурой села, снижением уровня жизни крестьян, диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Выявлены тенденции продовольственного самообеспечения северного региона за 1980–2013 гг., раскрыты причины снижения ее уровня в период рыночных реформ. Рассмотрены возможные сценарии развития аграрного сектора и продовольственного самообеспечения. Для прогнозирования развития сельского хозяйства с помощью SWOT-анализа выявлены его сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Предложены три сценария: инерционный (пессимистический), базовый и оптимистический. Для Республики Коми установлен наиболее приемлемый оптимистический сценарий развития, основанный на инновационной модернизации. Результаты исследования могут быть использованы при корректировке действующей Госпрограммы развития АПК и разработке стратегии развития агропродовольственного сектора региона.

Ключевые слова: рыночная реформа, аграрный сектор, продовольственное самообеспечение, сценарии развития, Республика Коми.

В научной литературе достаточно полно рассмотрено нынешнее кризисное состояние аграрного сектора и сельских территорий, представляющее угрозу не только продовольственной, но и национальной безопасности страны в целом [1–7, 10–11]. Рыночная трансформация аграрной экономики сопровождалась ее деиндустриализацией; деинтеллектуализацией трудового потенциала села: деградацией производственного потенциала, сельской демографии, производственной и социальной инфраструктуры села; обнищанием селян; углублением дифференциации в уровне развития аграрного сектора и социальной сферы села между регионами, сельхозтоваропроизводителями, сельскими территориями центра и периферии; резким снижением производства аграрной продукции в 1990-е гг.; деэкологизацией аграрного сектора, выразившейся в разрушении осушительной, ирригационной и химической мелиорации земель, превышении выноса питательных веществ из почвы над их возвратом в виде удобрений; разрывом горизонтальных и вертикальных связей в АПК; диспаритетом в межотраслевом обмене сельского хозяйства с другими отраслями экономики. Для преодоления аграрного кризиса, по мнению ученых и специалистов, необходима новая модель аграрной политики страны и адекватные механизмы ее реализации [3].

Целью данной статьи является исследование последствий рыночных преобразований, влияющих на ситуацию в аграрной экономике и самообеспечение продовольствием населения Республики Коми.

Развитие сельского хозяйства в 1960–1980-е гг.

Анализ динамики показателей аграрного производства Республики Коми за 30-летний период, проведенный с помо-

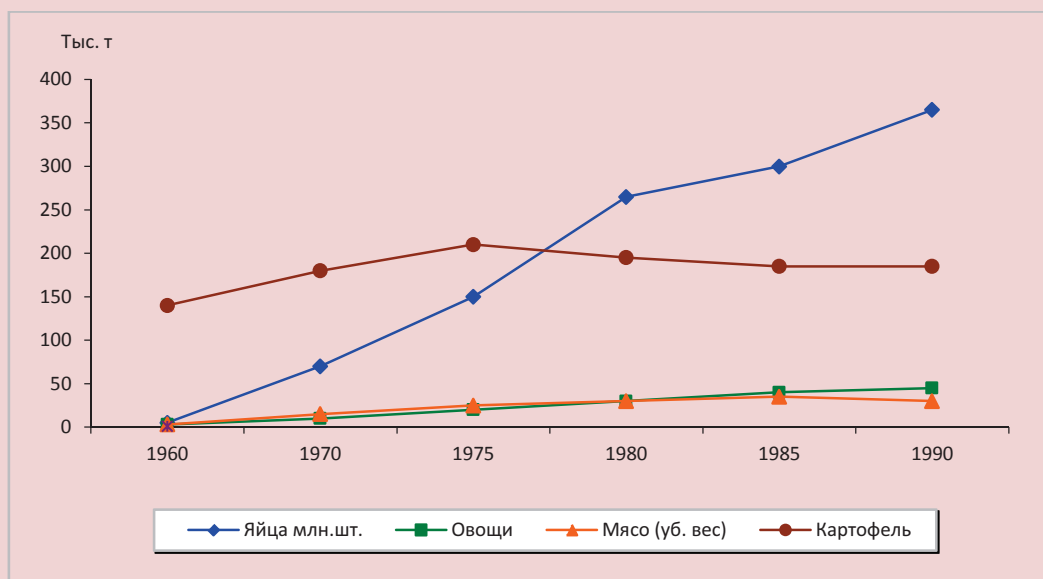
щью регрессионных уравнений, показал, что среднегодовые темпы прироста производства продукции на душу населения составили 1,5%, единицу земельной площади – 4,3, производительности труда в общественном секторе – 4,4%. Причем показатели урожайности сельскохозяйственных культур, надоя молока, среднесуточного прироста живой массы свиней были выше, чем в целом по Северному району.

О положительной динамике производства продукции растениеводства и животноводства до начала 1990-х гг. (за исключением производства картофеля за 1975–1990 гг.) свидетельствуют данные *рис. 1*.

Наиболее высокими были темпы наращивания объемов мяса птицы и свинины. За 1970–1990 г. при общем увеличении производства мяса всех видов в 2,4 раза производство мяса птицы возросло в 10,8, свинины – в 4,2 раза. Это результат реализации программы промышленного развития птицеводства и свиноводства.

Стратегия развития аграрной сферы в предреформенный период определялась интенсификацией сельского хозяйства на основе укрепления его материально-технической базы. За 1965–1990 гг. фондооснащенность возросла в 11,4 раза, фондовооруженность труда – в 9,4, электровооруженность – в 12,4 раза. Парк тракторов увеличился в 2,7 раза, кормоуборочных комбайнов – 4,2, картофелеуборочных машин – в 25 раз, доильных установок – в 3 раза. Уровень механизации сева и посадки овощей возрос с 18 до 91%, кошения всех видов растений – с 30 до 100, уборки картофеля – с 42 до 100%, в том числе комбайнами – с 5 до 38%. В 1990 г. уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота составил 54%, на комплексах по производству молока – 75 и свинины – 80%.

Рисунок 1. Динамика производства основных видов продукции растениеводства и животноводства в хозяйствах всех категорий Республики Коми за 1960–1990 гг.

Составлено по: Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – С. 59, 74.

В предреформенный период в аграрном секторе внедрялись севообороты, новые сорта, породы и кроссы птиц, прогрессивные технологии. В республике коллективами ученых и специалистов сельского хозяйства были разработаны и реализованы научно обоснованные системы ведения сельского хозяйства, дифференцированные по природным зонам [8, 9].

Осуществлялись меры по повышению плодородия земли. Система воспроизводства почвенного плодородия включала ежегодное внесение минеральных и органических удобрений, периодическое поддерживающее известкование, культурно-технические работы, осушительную мелиорацию. Внесение минеральных удобрений на 1 га посева сельхозкультур увеличилось с 57 кг действующего вещества в 1965 г. до 135 кг в 1990 г., внесение органических удобрений – с 12 до 18 т соответственно.

Проводилась большая работа по подготовке и повышению квалификации кадров. В 1990 г. каждый пятый работающий в отрасли имел высшее и среднее специальное образование. Среди специалистов с высшим образованием более 70% имели специальность инженера, агронома, зоотехника и ветврача. В середине 1980-х гг. для сельского хозяйства ежегодно подготавливались две-три тысячи квалифицированных рабочих. Весомый вклад в профессиональную подготовку молодежи внесла сельская общеобразовательная школа. Ежегодно средние школы выпускали около 1000 сельских механизаторов и около 700 операторов машинного доения.

Происходили положительные изменения в ценообразовании на основе повышения закупочных цен на продукты сельского хозяйства и в финансовом состоянии сельхозпредприятий. В 1990 г. уровень рентабельности

сельскохозяйственного производства составил 44%, что соответствовало оптимальной норме, позволяющей осуществлять процесс расширенного воспроизводства на базе собственных средств. Кроме того, значительное место в источниках финансирования сохраняли и бюджетные ассигнования.

Неуклонно возрастали совокупные доходы сельских семей, их уровень постепенно приближался к городским параметрам. В 1990 г. совокупный доход на сельскую семью составлял 85% к уровню городской семьи, а среднедушевой совокупный доход сельского жителя к уровню горожанина – 73%. Четко прослеживалась тенденция повышения уровня обеспечения сельского населения различными видами услуг социально-бытового назначения, велась комплексная застройка центральных усадеб хозяйств как опорных пунктов сельских территорий.

Все это способствовало улучшению продовольственного самообеспечения населения. В 1991 г. потребление мяса жителями республики составляло 86% от научно обоснованных норм питания, молока и молочных продуктов – 79, рыбы – 60, яиц – 104, овощей – 75, сахара – 97%. Показатели потребления жителями республики продуктов питания приблизились к среднероссийскому уровню, а мяса и мясопродуктов, яйца, овощей и бахчевых, сахара были выше чем в России.

Вместе с тем в развитии сельского хозяйства было много и нерешенных проблем. Несмотря на увеличение фондооснащенности, фондовооруженности и наращивание валового производства, негативные тенденции в развитии аграрного сектора сохранялись: низкие урожайность культур, продуктивность скота, производительность труда, эффективность использования ресурсов, высокий уровень потерь произведенной продукции, отставание производственной и социальной

инфраструктуры в сельской местности, отток трудоспособного населения в города и т.д. Более того, в 1970–1980-е гг. происходит снижение темпов роста производства, производительности труда и увеличение темпов прироста фондоемкости и материалоёмкости. В этих условиях наращивание производства требовало всё возрастающего объема финансовых ресурсов от государства. Сложившаяся в конце 1980-х гг. ситуация в АПК объективно требовала создания эффективно действующих субъектов хозяйствования, изменения форм собственности, системных реформ.

И все же процессы, происходившие в сельском хозяйстве республики в дореформенный период, можно рассматривать именно как модернизацию и в аспекте комплексного развития сельской местности, и в плане конкретных производственных достижений.

Трансформация аграрной сферы в период рыночных реформ

Анализ рыночных преобразований не позволяет дать однозначную оценку происходящих в аграрной экономике противоречивых социально-экономических процессов. За последние годы в основном созданы правовые и организационные условия для функционирования разных форм собственности и хозяйствования, заложены основы включения рыночных механизмов развития. Создана новая социально-экономическая структура агропромышленного производства, характеризующаяся наличием частных, коллективных и индивидуальных организационно-правовых форм хозяйствования.

В составе аграрного сектора республики на конец 2014 г. зарегистрировано 148 организаций, в том числе 111 крупных и средних, 37 малых, 370 крестьянских (фермерских) хозяйств, 92 тыс. личных подсобных хозяйств и 106 тыс. семей садоводов и огородников. Среди крупных и средних сель-

хозорганизаций доля обществ с ограниченной ответственностью составила 69%, производственных сельхозкооперативов – 27, муниципальных предприятий – 3, открытых акционерных обществ – 1%.

В общем объеме валового производства сельхозпродукции в 2014 г. на долю сельхозорганизаций приходилось 57,3%, хозяйств населения – 38,1, крестьянских (фермерских) хозяйств – 4,6%. Сельхозорганизации доминируют в производстве яиц, мяса и молока, а хозяйства населения – в производстве картофеля и овощей: фермерские хозяйства не играют существенной роли в производстве аграрной продукции (они повысили долю производства молока с 2,4% в 2005 г. до 12,1% в 2014 г.). С середины 2000-х гг. возрастает роль коллективных форм хозяйствования

в производстве аграрной продукции. В структуре валовой продукции доля сельхозорганизаций возросла с 46% в 2005 г. до 57% в 2014 г., крестьянско-фермерских хозяйств – с 1,7 до 4,6, доля хозяйств населения уменьшилось с 53 до 38 % (табл. 1).

Переход к рынку с использованием монетаристских подходов крайне негативно отразился на аграрном секторе. За 1990–2014 гг. производство мяса крупного рогатого скота сократилось в 5,3 раза, свинины – 3,6, молока – 3,2, яиц – в 2,9 раза. Наблюдался лишь рост производства мяса птицы, составивший 43%. Этот результат был обеспечен развитием мясного производства в ОАО «Птицефабрика Зеленецкая». Особенно сильное падение производства продукции растениеводства зафиксировано в коллективных хозяйствах (рис. 2).

Таблица 1. Динамика соотношения доли различных социальных типов хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции Республики Коми, %

Показатель	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Картофель						
сельхозорганизации	42,1	14,4	12,0	9,6	4,0	5,3
хозяйства населения	57,9	84,7	87,0	89,0	94,6	92,4
фермерские хозяйства	0,0	0,9	1,0	1,4	1,4	2,3
Овощи						
сельхозорганизации	89,6	50,7	35,3	22,4	22,5	18,3
хозяйства населения	10,4	49,2	63,8	75,3	77,0	78,6
фермерские хозяйства	-	0,1	0,9	2,3	1,5	3,1
Мясо (в убойном весе)						
сельхозорганизации	79,9	57,4	54,2	69,7	81,6	87,8
хозяйства населения	20,1	41,7	44,8	28,0	16,2	9,7
фермерские хозяйства	-	0,9	1,0	2,3	2,2	2,5
Молоко						
сельхозорганизации	84,6	63,6	50,0	45,6	53,4	62,8
хозяйства населения	15,4	35,3	48,8	52,0	39,8	25,1
фермерские хозяйства	-	1,1	1,2	2,4	6,8	12,1
Яйцо						
сельхозорганизации	97,7	95,4	98,7	99,2	98,7	96,9
хозяйства населения	2,3	4,5	1,3	0,8	1,2	2,1
фермерские хозяйства	-	0,1	0,0	0,0	0,1	1,0
Валовая продукция						
сельхозорганизации	80,1	53,0	48,5	45,6	53,8	57,3
хозяйства населения	19,9	46,1	50,7	52,7	42,4	38,1
фермерские хозяйства	-	0,9	0,8	1,7	3,8	4,6

Рассчитано по: 1. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2009: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2009. – С. 27, 63, 106. 2. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2014: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2015. – С. 6, 49, 73.

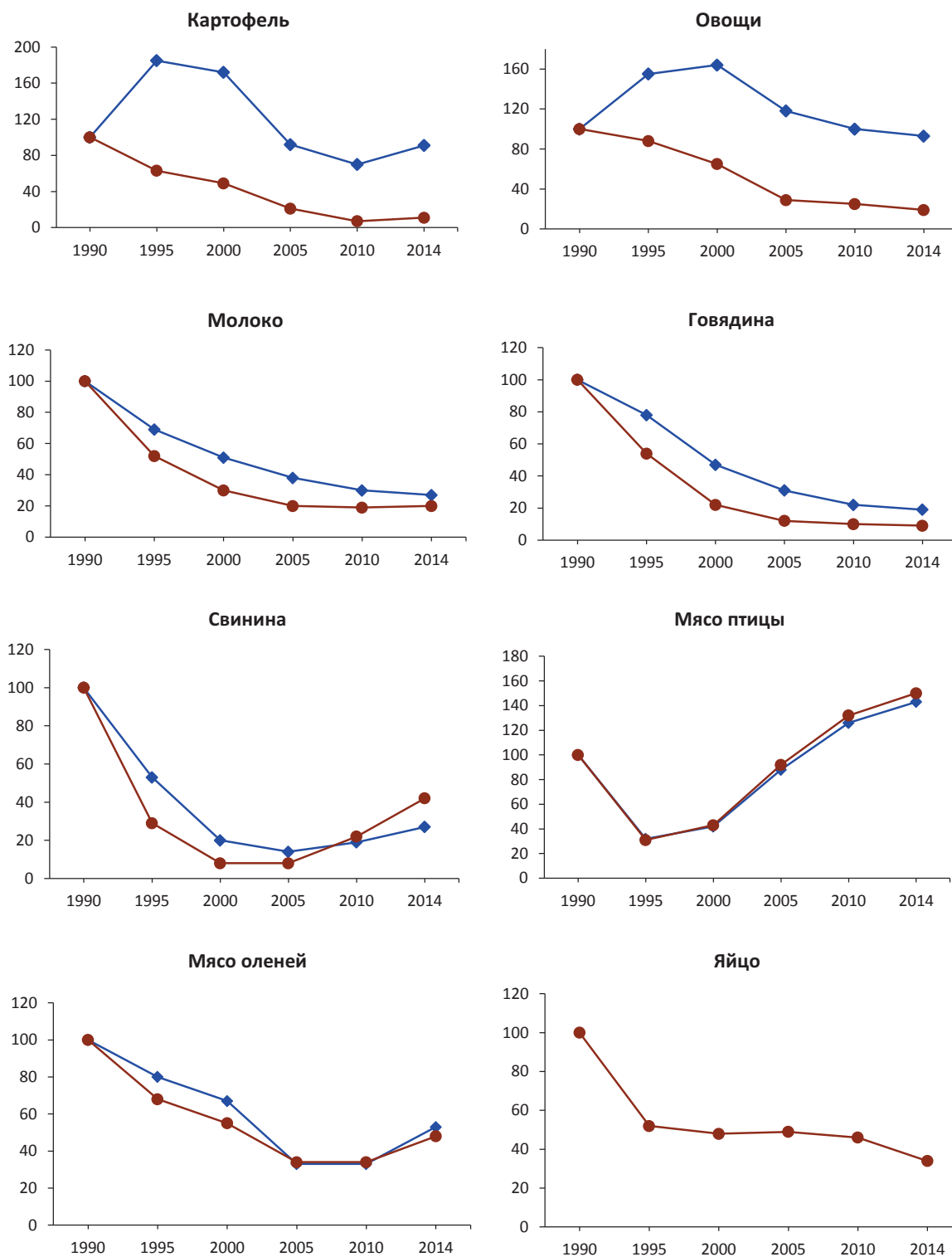

Рисунок 2. Динамика производства сельхозпродукции в Республике Коми за 1990–2014 гг. (1990 г. = 100)

Составлено по: Сельское хозяйство в Республике Коми: ст. сб. / Комистат.

Очень серьезно пострадало сельскохозяйственное производство Арктики (городской округ Воркута). За рассматриваемый период производство молока здесь сократилось в 174 раза. В 1990 г. в городе функционировали семь сельхозпредприятий и более 20 подсобных хозяйств. В них содержалось 9,5 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 4,8 тыс. коров. Имелось более 7 тыс. голов свиней. К 2015 г. осталось только одно сельхозпредприятие. поголовье коров сократилось до четырех, свиней — до 123 голов.

В период рыночных реформ наблюдалось устойчивое падение производства говядины и телятины. В результате структурных сдвигов доля мяса крупного рогатого скота снизилась с 52% в 1970 г. до 37% в 1990 г. и 16% в 2014 г., а доля мяса птицы увеличилась соответственно с 5 до 24 и 63%.

Спад производства продукции растениеводства и животноводства обусловлен сокращением посевных площадей и поголовья животных, особенно в сельхозорганизациях, где за 1990–2014 г. посевные площади сельхозкультур уменьшились в 3,1 раза, картофеля — 15, овощей — 19, кормовых культур — в 2,9 раза. Рост посевных площадей у населения наблюдался до 2000 г. поголовье крупного рогатого скота в сельхозорганизациях сократилось в 7,9 раза, коров — 6,9, свиней — 4,3, птицы — в 2,3 раза. При этом надой молока на 1 корову вырос на 20%, средняя яйценоскость 1 курицы-несушки — 13, среднесуточный привес свиней — 87%, а среднесуточный привес крупного рогатого скота снизился на 12%.

Наблюдается также сокращение производства продукции скотоводства и яичного птицеводства на душу населения. За исследуемый период, при уменьшении численности населения в 1,4 раза, производство

молока на одного жителя снизилось со 166 до 65 кг, говядины — с 11,2 до 2,3 кг, яиц — с 294 до 144 шт. Производство мяса птицы за этот период возросло с 7,4 до 15,2 кг.

Спад производства в животноводстве отрицательно сказался на состоянии перерабатывающей промышленности. За 1990–2014 гг. производство цельномолочной продукции в перерасчете на молоко уменьшилось в 5,9, масла — в 3,5 раза. Что касается мяса и мясопродуктов, то максимальное падение их производства наблюдалось до 2000 года, после чего за счет наращивания производства мяса птицы начались стабилизация и рост выпуска мясных продуктов. В 2014 г. выработка мяса по сравнению с 2000 г. увеличилась в 2,9 раза.

За годы реформ из-за резкого сокращения инвестиций произошла деградация производственного потенциала. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций снизились в 1990–2014 гг. с 5,7 до 0,4%, при удельном весе сельского хозяйства в валовом региональном продукте, равном 1,3%. Темпы снижения инвестиций в аграрный сектор более чем в четыре раза выше, чем в целом по республике. Основные фонды в отрасли изношены почти наполовину, а в большинстве сельских районов — на 70–80%.

Парк тракторов за данный период сократился в 9 раз, машин для посева — в 11, пресс-подборщиков — в 5, кормоуборочных комбайнов — 4, картофелеуборочных комбайнов — в 12 раз, машин для внесения твердых органических удобрений — в 29 раз, машин для внесения жидких органических удобрений — в 13, доильных установок — в 10, объем энергетических мощностей — в 6 раз. Обновление техники до начала реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» приостановилось (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициенты обновления основных видов техники в сельхозорганизациях Республики Коми

Виды техники	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2014 г.
Коэффициент обновления								
Тракторы всех марок	10,0	2,0	5,0	1,6	3,1	6,3	2,8	4,4
Кормоуборочные комбайны	16,1	4,4	4,1	4,8	9,1	11,8	5,8	20,7
Картофелеуборочные комбайны	19,6	0,5	2,2	-	-	31,3	-	-
Доильные установки	14,3	2,0	1,7	2,0	-	3,1	1,1	13,9
Коэффициент выбытия								
Тракторы всех марок	9,4	11,3	10,0	7,6	8,5	3,2	4,4	5,5
Кормоуборочные комбайны	7,5	36,7	5,3	25,0	-	6,8	3,9	-
Картофелеуборочные комбайны	17,1	10,8	17,8	6,6	-	9,1	-	12,5
Доильные установки	9,7	19,1	8,9	21,5	2,9	2,0	4,2	6,3
Рассчитано по: Сельское хозяйство в Республике Коми: ст.сб. / Комистат.								

Значительно ухудшилась техническая оснащенность животноводства. Количество доильных установок за 1990–2014 гг. сократилось в 9,8 раза. Резко сократились показатели ввода в действие отдельных производственных мощностей за счет нового строительства, расширения и реконструкции. Если в 1990 г. для крупного рогатого скота введено 2,8 тыс. скотомест, то в 2014 г. – 0,5 тыс., а работы по осушительной мелиорации земель прекращены с 2007 г.

В растениеводстве происходит ухудшение агрохимических и водно-физических свойств почвы, увеличение площадей заболоченных и закустаренных земель в связи с разрушением осушительных систем и практически прекращением мелиоративных работ. Внесение минеральных удобрений в перерасчете на 100% питательных веществ на 1 га посева упало со 135 в 1990 г. до 20 кг в 2014 г., органических – с 18 до 4,2 т. Если в 2014 г. было удобрено минеральными удобрениями 23%, а органическими удобрениями – 10% посевов сельхозкультур, то в 1990 г. эти показатели составили 81 и 26% соответственно. Особенно резко

сократились удобренные минеральными удобрениями площади лугов и пастбищ. В то время как площади посевов сельхозкультур, удобренные минеральными удобрениями, в сельхозорганизациях республики уменьшились более чем в 8 раз, удобренные площади естественных кормовых угодий – в 25 раз. В результате вынос питательных веществ с урожаем из почвы превышает их внесение.

За годы рыночных реформ количество занятых в сельском хозяйстве сократилось в шесть раз (с 29,5 тыс. чел. в 1990 г. до 4,4 тыс. чел. в 2014 г.). Отток работников из сельского хозяйства привел к дефициту квалифицированных кадров в отрасли. В общей численности работающих в сельском хозяйстве республики, имеющих профессиональное образование, на долю специалистов с высшим образованием приходится 10%, со средним – 21%. В сельской периферии эти показатели были ниже – соответственно 7 и 15%. Особенно низкий уровень профессионального образования в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Здесь на долю работников с высшим

образованием приходится 5%, со средним – 10%. В республике практически свернута система аграрного профессионального образования (закрыт Коми филиал Вятской сельхозакадемии, сокращены и перепрофилированы аграрные специальности в Сыктывкарском лесном институте и средних специальных учебных заведениях).

Рыночная трансформация углубила дифференциацию в доходах между работниками сельского хозяйства и других отраслей. Среднемесячная номинальная зарплата работников отрасли в два раза ниже, чем в целом по народному хозяйству. Во всех сельских районах, за исключением Сыктывдинского и Прилузского, зарплата значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. Низкие доходы, неблагоприятные жилищные условия, неразвитость инфраструктуры, высокая безработица негативным образом сказываются на миграционных процессах села, особенно удаленных сельских территорий.

Значительно отстает сельская местность от города по развитию социальной инфраструктуры и качеству сферы услуг. Индивидуальный жилой фонд на селе практически без коммунальных удобств. Большинство периферийных муниципальных образований не имеют транспортной связи с г. Сыктывкарком по дорогам с твердым покрытием.

В связи с реализацией с 2006 г. приоритетного национального проекта «Развитие АПК» наметился ряд положительных тенденций в агропродовольственном секторе республики. Объем инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в сопоставимых ценах за 2006–2014 гг. увеличился в два раза, в пищевой отрасли – 2,6 раза. В результате этого происходит обновление техники и оборудования (см. табл. 2).

За 2010–2014 гг. в результате реализации 13 инвестиционных проектов введено дополнительно помещений для крупного рогатого скота на 1,9 тыс. скотомест и реконструировано на 3,8 тыс. скотомест, введено 1,23 тыс. мест для свиней. В 2016 г. в ООО «Пригородный» завершено строительство комплекса для хранения и предпродажной подготовки картофеля и овощей открытого грунта мощностью 3200 т.

Модернизационные процессы в мясном птицеводстве и свиноводстве способствовали увеличению производства мяса бройлеров и свинины. С 2007 г. достигнут устойчивый рост производства и реализации продукции рыбоводства.

Доля прибыльных сельхозорганизаций увеличилась с 33% в 2006 г. до 72% в 2014 г.; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, занятых в сфере сельского хозяйства региона, увеличилась в 3,2 раза (с 6,5 тыс. руб. до 20,8 тыс. руб.).

Реализация мероприятий по модернизации производства обеспечила создание в аграрном секторе за последние четыре года 454 рабочих мест, в том числе в 2014 г. – 135 мест, из них создано 56 новых рабочих мест.

В республике продолжается реализация мероприятий по улучшению условий жизни в сельской местности. Реализован ряд проектов по газо- и водоснабжению, а также по благоустройству сельских населенных пунктов. За 2010–2014 гг. улучшены жилищные условия с предоставлением социальных выплат 326 сельских граждан, в том числе 153 молодых семей и специалистов. Введено 34,8 тыс. м² жилья.

Однако современное социально-экономическое состояние аграрного сектора, прежде всего периферийных (удаленных) сельских районов, характеризуется как неустойчивое и может стать крайне нега-

тивным, что связано с ликвидацией сельхозпроизводства и сокращением обжитой сельской территории.

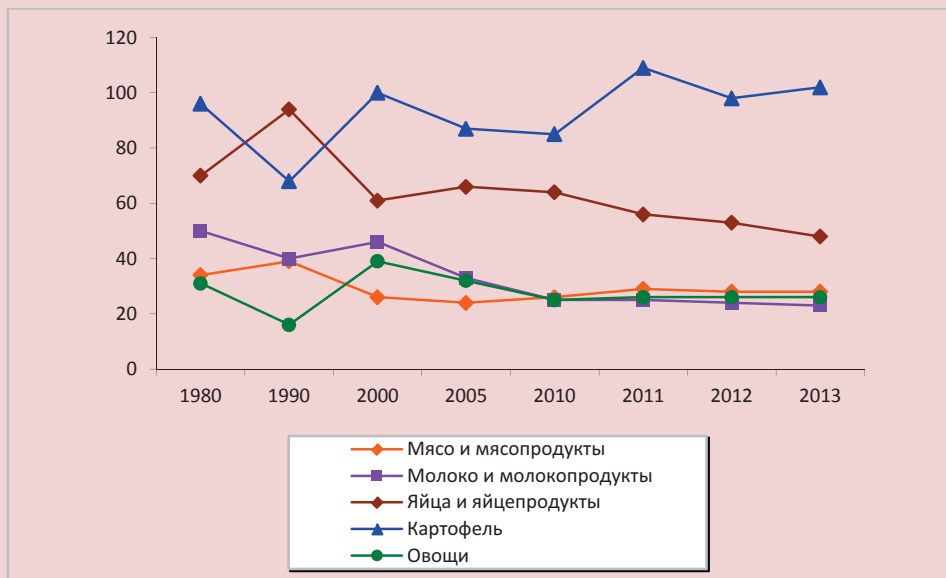
Влияние рыночных реформ на продовольственное самообеспечение

Модернизационные процессы в предреформенный период способствовали наращиванию производства аграрной продукции и самообеспечению ею населения. Динамика изменения уровня самообеспечения населения Республики Коми продуктами питания в период реформ свидетельствует о снижении коэффициента продовольственной самообеспеченности продукцией животноводства. За 1990–2013 гг. уровень самообеспечения населения по мясу и мясопродуктам снизился с 39 до 28%, молоку и молокопродуктам – с 40 до 23, яйцу – с 94 до 48%, по картофелю увеличился с 68 до 102, овощам – с 16 до 26% (рис. 3).

Падение производства продукции животноводства, наряду со снижением покупательного спроса населения, определило сокращение ее потребления населением в 1990-е гг. Увеличение ввоза продовольствия, наращивание производства мяса птицы, рост доходов населения со середины 2000-х гг. положительно сказались на потреблении животноводческой продукции, рыбы, овощей и бахчевых, растительного масла, фруктов и ягод (табл. 3).

В настоящее время среднедушевое потребление в Республике Коми мяса и мясопродуктов превышает рациональные нормы в целом по стране на 5–10 кг, яиц – 6 шт., рыбы – 1–5 кг, хлебных продуктов – 6–16, сахара – 10–14, растительного масла – 1,6–3,6 кг. Следует отметить, что рекомендованные Институтом питания РАМН рациональные нормы потребления на Крайнем Севере по сравнению с

Рисунок 3. Уровень самообеспечения населения Республики Коми основными продуктами питания, %

Составлено по: 1. Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – С. 86-87. 2. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2014: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2015. – С. 103.

Таблица 3. Среднедушевое потребление основных продуктов питания в Республике Коми, кг

Продукты питания	Рациональная норма потребления*	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
Мясо и мясопродукты	70–75	40	52	69	70	51	76	80
Молоко и молокопродукты	320–340	258	295	341	396	211	264	271
Яйцо и яйцопродукты, шт.	260	90	136	306	290	259	273	267
Рыба и рыбопродукты	18–22	25	18	15	21	...
Сахар	24–28	47	56	43	39	38
Растительное масло	10–12	7,7	9,1	12,8	13,8	13,6
Картофель	95–100	133	124	131	95	113	56	55
Овощи и бахчевые	120–140	59	68	81	90	81	91	96
Фрукты и ягоды	90–100	29	50	58
Хлебные продукты	95–100	128	127	125	116	109	116	111

Составлено по: 1. Агропродовольственный комплекс Республики Коми: история и современность: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2011. С. 88. 2. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2014: Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2014. С. 103.
* Рекомендованные рациональные нормы потребления, утвержденные Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 593н.

районами с умеренным климатом должны быть выше: по мясу – в 1,2–1,25 раза, молоку – 1,23–1,3, рыбе – 1,4–1,5, овощам – 1,35–1,4 раза. Следовательно, с учетом специфики Севера, уровень потребления продуктов питания по научно обоснованным нормам в республике будет значительно ниже.

Сценарии возможного развития аграрного сектора и продовольственного самообеспечения

При обосновании перспектив продовольственного самообеспечения Республики Коми необходимо с помощью SWOT-анализа выявить сильные и слабые стороны аграрного сектора, возможности и угрозы его развитию (табл. 4).

В связи с трудными природными и экономическими условиями развития сельского хозяйства для Республики Коми, как и других субъектов Севера России, неприемлем принцип самообеспечения продовольствием. По данным А.Н. Чекавинского, коэффициент самообеспеченности регионов

Европейского Севера в 2014 г. по мясу составил 41%, молоку – 45 и яйцу – 65% [11, с. 142]. Однако производство основных продуктов питания при благоприятных условиях является на Севере в обозримой перспективе объективной необходимостью. Приоритетные направления развития аграрного и промышленного хозяйства Республики Коми: производство социально значимых продуктов питания – картофеля, овощей местного ассортимента, цельного молока, парного мяса, диетического яйца; сохранение и развитие традиционных отраслей, а также сбор дикорастущих грибов и ягод и их переработка.

В качестве прогноза развития аграрного сектора и продовольственного самообеспечения Республики Коми на ближайшие 15 лет выбраны три сценария: инерционный (пессимистический), базовый, оптимистический (табл. 5). При всех вариантах прогнозирования необходимо учитывать продолжающийся в настоящее время системный кризис аграрного сектора.

Таблица 4. SWOT-анализ для прогнозирования развития аграрного сектора и самообеспечения продовольствием Республики Коми

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Конкурентоспособность традиционных северных отраслей на национальном и международном рынках Высокий спрос и гарантированное потребление местной продукции Значительные природные и трудовые ресурсы Длинный световой день в период вегетации, хорошая обеспеченность растений влагой Высокий генетический потенциал крупного рогатого скота Благоприятные условия для производства и экспорта органической продукции Наличие значительного потенциала аграрной науки</p>	<p>Неблагоприятные природные условия для земледелия Низкая обеспеченность сельскохозяйственными ресурсами Большая зависимость производства животноводческой продукции от поставок и конъюнктуры концентрированных кормов Устаревшие технологии и оборудование Дефицит, низкий профессионально-квалификационный уровень кадров Низкий уровень инновационной активности агропродовольственных организаций Недостаточный уровень менеджмента Неэффективные механизмы территориального распределения финансовой поддержки Отсутствие четко выраженной стратегии развития Ограниченный доступ сельхозтоваропроизводителей к рынкам продовольствия, материально-техническим средствам и финансовым ресурсам Низкое качество сельской жизненной среды (неразвитость инфраструктуры, благоустройства, сферы услуг) Низкий уровень жизни крестьян Неустойчивый сбыт аграрной продукции, вытеснение местных производителей с продовольственных рынков Низкая производительность труда, урожайность сельхозкультур, продуктивность скота Недостаточная конкурентоспособность аграрной и пищевой продукции</p>
Возможности	Угрозы (опасности)
<p>Увеличение производства местной продукции Переход на международные стандарты качества и безопасности продукции Создание интегрированных структур в системе производства, переработки и реализации продукции Наличие бюджетных средств для ускорения модернизации и комплексного развития сельских территорий Участие предприятий промышленности в финансировании аграрного и сельского развития Активизация государственной и муниципальной политики стимулирования агропродовольственного сектора</p>	<p>Физическое и моральное устаревание материально-технической базы Зависимость производства продовольствия от импортных технологий Сокращение биологических ресурсов Отток квалифицированных кадров Уменьшение численности сельского населения, его старение станет в перспективе барьером развития аграрной экономики Снижение рентабельности и инвестиционной привлекательности, банкротство аграрных хозяйствующих субъектов в условиях членства России в ВТО Неблагоприятные внешние условия (санкции, экономический кризис, диспаритет цен) Снижение финансовой поддержки, недоступность льготного кредита Усиление дифференциации в аграрном и сельском развитии Ухудшение социально-экономической ситуации на селе в связи со сворачиванием там аграрного производства</p>

Таблица 5. Варианты прогноза развития аграрного сектора и самообеспечения продуктами питания в Республике Коми на период 2016–2030 гг.

Сценарий развития	Ожидаемые социально-экономические результаты
Инерционный (пессимистический)	Уменьшение численности фермерских и личных хозяйств. Рост производства продукции свиноводства и рыболовства в ближайшей перспективе. Стабилизация или незначительный рост объемов производства молока, говядины, продукции птицеводства и оленеводства. Отток квалифицированных кадров из отрасли. Низкая доходность сельскохозяйственной деятельности. Увеличение безжизненного пространства в периферийных районах. Уровень самообеспеченности картофелем составит 85-90%, овощами – 18-23, мясом и мясопродуктами – 23-28, молоком и молокопродуктами – 19-24, яйцом – 48-53%.
Базовый	Незначительная модернизация аграрной экономики и сельской инфраструктуры. Небольшой рост инвестиционно-инновационной активности. Создание условий для снижения кадрового обеспечения отрасли. Развитие кооперации и интеграционных процессов. Умеренные темпы роста производства аграрной продукции. Уровень самообеспеченности картофелем составит 90–95%, овощами – 23-28, мясом и мясопродуктами – 25-30, молоком и молокопродуктами – 24-29, яйцом – 60-65%.
Оптимистический	Сформируется многоукладная аграрная экономика. Активная инновационная модернизация агропродовольственного сектора и инфраструктуры сельских территорий. Опережающее развитие получит производство органической продукции. Глубокая переработка продукции скотоводства, оленеводства и дикоросов, расширение ассортимента пищевой продукции с новыми потребительскими свойствами. Среднегодовые темпы роста аграрного производства составят 4-5%. Полное самообеспечение населения картофелем и овощами открытого грунта местного ассортимента (кроме ранней продукции). Уровень самообеспеченности овощами составит 45-50%, мясом и мясопродуктами – 35-40, молоком и молокопродуктами – 40-45, яйцом – 75-80%.

Инерционный (пессимистический) сценарий не предполагает существенного роста аграрной экономики. Возможно ухудшение социально-экономической ситуации в зависимости от влияния неблагоприятных внешних условий (вступления в ВТО, санкции, экономический кризис, высокие темпы инфляции), сохранения диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, снижения финансовой поддержки, доступа к льготным кредитным ресурсам, усиления оттока квалифицированных кадров из села. На селе сохранится дальнейшее ухудшение демографической ситуации и, как следствие, уменьшится обжитая сельская территория.

Базовый сценарий предполагает сохранение сложившихся в последние годы тем-

пов изменения показателей сельского хозяйства, уровня господдержки отрасли, условий межотраслевого обмена в АПК, доступа организаций и хозяйств на финансовые рынки, ценовой и налоговой политики, относительно низких инвестиционных возможностей обновления производственного потенциала. В данном варианте рост производства сельхозпродукции будет наблюдаться в пригородных, а ее сокращение – в периферийных районах. Уровень самообеспечения продуктами питания повысится незначительно.

Для оптимистического сценария будут характерны использование селекционно-генетических, технико-технологических, организационно-экономических и социально-экологических инноваций, форми-

рующих в агропродовольственном секторе пятый и шестой технологические уклады; активная протекционистская политика государства, использование эффективных инструментов и механизмов стратегического развития: прирост инвестиций, направленных на повышение почвенного плодородия, обновление производственного потенциала; привлечение в отрасль квалифицированных кадров; совершенствование размещения, специализации, кооперации и интеграции в агропродовольственном секторе, обеспечивающее замкнутый цикл производства аграрной продукции, ее переработки и реализации; развитие производственной инфраструктуры, существенное улучшение социально-бытовых условий, качества и уровня жизни крестьян.

Изучение состояния аграрного сектора и продовольственного самообеспечения в дореформенный и рыночный периоды позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

1. Наиболее благоприятным для развития аграрного сектора и обеспечения местными продуктами питания был 30-летний период, предшествовавший современным рыночным реформам. Аграрная политика 1960–1980-х гг., направленная на ускорение темпов интенсификации и индустриализации аграрного производства, обеспечила устойчивый рост производства продукции, производительности труда, повышения уровня и качества жизни крестьян. В начале 1990-х гг. в республике производился нормативный минимальный объем продовольствия, необходимый для устойчивого жизнеобеспечения.

2. Аграрная реформа 1990-х гг., представляющая длительный процесс, проводилась поспешно на основе революционных, а не эволюционных методов, а по ряду положений — заведомо ошибочно.

На практике основными направлениями аграрной реформы стали не повышение эффективности аграрного производства на основе модернизации, а преобразование собственности на землю, реорганизация совхозов и колхозов, их дробление; либерализация цен на материально-технические ресурсы, приобретаемые сельскохозяйственными товаропроизводителями, и сдерживание цен на сельскохозяйственную продукцию, создавшие неэквивалентные экономические условия межотраслевого обмена результатами деятельности; сведение к минимуму субсидирования аграрной сферы; ориентация на завоз импортного продовольствия.

3. Рыночная трансформация сопровождалась разрушением материально-технической базы сельского хозяйства, резким сокращением обрабатываемых земель, поголовья животных, численности работников, ухудшением их профессионального уровня и качества жизни, падением производства аграрной продукции, особенно в коллективных хозяйствах. За годы реформ производство продукции растениеводства и скотоводства упало до объемов второй половины 1950-х гг. Северное село переживает системный кризис. Спад производства продукции животноводства обусловил снижение коэффициента продовольственной самообеспеченности. Сейчас доля ввоза продуктов питания животного происхождения к объему собственного производства существенно превышает этот показатель в 1990 году.

4. Будущее сельского хозяйства и продовольственного самообеспечения республики представлено в виде сценариев: инерционного (пессимистического), базового и оптимистического. Наиболее приемлемым сценарием развития сельского хозяйства является оптимистический

вариант, основанный на многоукладной аграрной экономике и ее инновационном типе воспроизводства. Для его осуществления необходимо прежде всего преодолеть отрицательные последствия резкого перехода отрасли к рыночным отношениям с использованием монетаристских подходов, сформировать многоцелевую аграрную политику, ориентированную на модернизацию агропродовольственного сектора. Возможность реализации оптимистического сценария развития будет зависеть от скоординированной работы Министерства сельского хозяйства и продовольствия, Министерства экономического развития и других ведомств Республики Коми с целью привлечения больших объемов инвестиций в аграрный сектор, научно-образовательные программы и инфраструктурные проекты удаленных сельских территорий, повышение уровня и качества жизни крестьян.

5. Реализация оптимистического варианта развития аграрного сектора позволит полностью обеспечить население картофелем и овощами открытого грунта местного ассортимента (кроме ранней продукции), расширить производство овощей закрытого грунта, увеличить самообеспечение мясом и мясопродукцией до 30–40%, молоком и молокопродукцией – 40–45, яйцом – до 75–80%. Достижение отмеченных результатов будет способствовать улучшению жизни населения в условиях сурового климата.

6. Ключевые результаты исследования могут быть положены в основу разработки и принятия управленческих решений региональным органом управления АПК и муниципальными образованиями при разработке Госпрограммы развития агропродовольственной сферы, а также развития агропродовольственного сектора Республики Коми.

Литература

1. Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации [Текст]. – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – 518 с.
2. Буздалов, И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения [Текст] / И.Н. Буздалов. – М.: ГНУ ВСТИСП Россельхозакадемии, 2013. – 225 с.
3. Буздалов, И.Н. Аграрная политика: научные основы и «особый путь» ее осуществления в России [Текст] / И.Н. Буздалов // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 46-53.
4. Иванов, В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы устойчивого развития [Текст] / В.А. Иванов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 168 с.
5. Костяев, А. И. Политика «рыночного фундаментализма»: последствия для АПК и пути их преодоления [Текст] / А.И. Костяев, Г.Н. Никонова // Аграрная политика современной России: Научно-методологические аспекты и стратегия реализации. – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 7-10.
6. Особенности и механизмы аграрного сектора периферийных сельских районов северного региона [Текст] / В.А. Иванов, Т.Ю. Микушева, В.В. Терентьев и др. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2014. – 204 с.
7. Пшихачев, С.М. Аграрная политика и тип развития: императивность взаимосвязи и взаимодействия [Текст] / С.М. Пшихачев // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 24-28.

8. Система ведения сельского хозяйства Коми АССР. Организационно-экономические основы ведения сельского хозяйства агропромышленного комплекса [Текст] / И.В. Забоева, Г.В. Канев, В.В. Терентьев и др. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 116 с.
9. Система ведения сельского хозяйства АПК Коми ССР на 1991–1995 годы [Текст] / И.В. Забоева, Г.В. Канев, В.В. Терентьев и др. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 208 с.
10. Терентьев, В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) [Текст] / В.В. Терентьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 151-165.
11. Продовольственная безопасность региона [Текст] / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 102 с.
12. Чекавинский, А.Н. Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики [Текст] / А.Н. Чекавинский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 139-150.

Сведения об авторе

Валентин Александрович Иванов – главный научный сотрудник, доктор экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167000, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, ivanov.v.a@iespn.komisc.ru).

Ivanov V.A.

Impact of Market Reforms on the Agricultural Sector Development and Food Self-Sufficiency in the Northern Region

Valentin Aleksandrovich Ivanov – Chief Research Associate, Doctor of Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi SC UB RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, popova@iespn.komisc.ru)

Abstract. The successful development of Northern and Arctic areas depends on sustainable functioning of the agricultural sector. Agriculture and fishing agriculture is a way of life of the indigenous population. The article discusses the state of agriculture and food self-sufficiency in the Komi Republic in the years of relatively stable development (1960–1980) and in the conditions of market reforms. It analyzes production and consumption of food and shows a positive effect of modernization processes on the agricultural sector in the pre-reform period. It studies market transformation of the agrarian economy, accompanied in the 1990s by the sharp decline in agricultural production, degradation of productive capacity, rural demography, rural infrastructure, decrease in living standard of farmers, and disparity of prices on agricultural and industrial products. The paper discloses trends in food self-sufficiency of the northern region in 1980–2013 and reveals reasons for the decrease in its level in the period of market reforms. It considers possible scenarios to develop the agrarian sector and food self-sufficiency. To predict the agriculture development the author identifies strong and weak sides, opportunities and threats by means of SWOT-analysis. The article proposes 3 scenarios: inertial (pessimistic), baseline and optimistic. It finds out the most reasonable optimistic development scenario based on innovative modernization for the Komi Republic. The study results can be used to adjust the current State program of agricultural development and elaborate the strategy of the agro-food sector of the region.

Key words: market reform, agrarian sector, food self-sufficiency, development scenarios, Komi Republic.

References

1. *Agrarnaya politika sovremennoi Rossii: nauchno-metodologicheskie aspekty i strategiya realizatsii* [Agrarian Policy of Contemporary Russia: Scientific-Methodological Aspects and the Implementation Strategy]. Moscow: VIAPI imeni A.A. Nikonova: "Entsiklopediya rossiiskikh dereven", 2015. 518 p.
2. Buzdalov I.N. *Rossiiskoe selo i krest'yanstvo v tiskakh monopol'nogo okruzheniya* [Russian Village and Peasantry in the Grip of Monopoly Environment]. Moscow: GNU VSTISP Rossel'khozakademii, 2013. 225 p.
3. Buzdalov I.N. Agrarnaya politika: nauchnye osnovy i "osobyi put'" ee osushchestvleniya v Rossii [Agricultural Policy: Scientific Basis and "Special Road" of Its Implementation in Russia]. *Agrarnaya politika sovremennoi Rossii: nauchno-metodologicheskie aspekty i strategiya realizatsii* [Agrarian Policy of Contemporary Russia: Scientific-Methodological Aspects and Implementation Strategy]. Moscow: VIAPI im. A.A. Nikonova: "Entsiklopediya rossiiskikh dereven", 2015, pp. 46-53.
4. Ivanov V.A. *Agrarnyi sektor Severa Rossii: transformatsionnye protsessy, perspektivy i mekhanizmy ustoichivogo razvitiya* [Agricultural Sector in the North of Russia: Transformation Processes, Perspectives and Mechanisms for Sustainable Development]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2012. 168 p.
5. Kostyaev A.I., Nikonova G.N. Politika "rynochnogo fundamentalizma": posledstviya dlya APK i puti ikh preodoleniya [Policy of "Market Fundamentalism": Implications for Agriculture and Ways to Overcome Them]. *Agrarnaya politika sovremennoi Rossii: Nauchno-metodologicheskie aspekty i strategiya realizatsii* [Agrarian Policy of Contemporary Russia: Scientific-Methodological Aspects and Implementation Strategy]. Moscow: VIAPI im. A.A. Nikonova: "Entsiklopediya rossiiskikh dereven", 2015, pp. 7-10.
6. Ivanov V.A., Mikusheva T.Yu., Terent'ev V.V. *Osobennosti i mekhanizmy agrarnogo sektora periferiinykh sel'skikh raionov severnogo regiona* [Features and Mechanisms of the Agricultural Sector in Peripheral Rural Areas of the Northern Region]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, 2014. 204 p.
7. Pshikhachev S.M. Agrarnaya politika i tip razvitiya: imperativnost' vzaimosvyazi i vzaimodeistviya [Agricultural Policy and Development Type: Imperative Nature of the Relationship and Interaction]. *Agrarnaya politika sovremennoi Rossii: nauchno-metodologicheskie aspekty i strategiya realizatsii* [Agrarian Policy of Contemporary Russia: Scientific-Methodological Aspects and Implementation Strategy]. Moscow: VIAPI im. A.A. Nikonova: "Entsiklopediya rossiiskikh dereven", 2015, pp. 24-28.
8. Zaboeva I.V., Kanev G.V., Terent'ev V.V. *Sistema vedeniya sel'skogo khozyaistva Komi ASSR. Organizatsionno-ekonomicheskie osnovy vedeniya sel'skogo khozyaistva agropromyshlennogo kompleksa* [System of the Komi ASSR Agriculture. Organizational-Economic Bases of Agriculture of the Agro-Industrial Complex]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1985. 116 p.
9. Zaboeva I.V., Kanev G.V., Terent'ev V.V. *Sistema vedeniya sel'skogo khozyaistva APK Komi SSR na 1991–1995 gody* [System of Farming Agriculture of the Komi SSR in 1991–1995]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1991. 208 p.
10. Terent'ev V.V. Kadrovoe obespechenie modernizatsii sel'skogo khozyaistva severnykh i arkticheskikh territorii (na primere Respubliki Komi) [Staffing for the Modernization of Agriculture in the Northern and Arctic Territories (Case Study of the Komi Republic)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 4 (28), pp. 151-165.
11. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Anishchenko A.N., Chekavinskii A.N. *Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona* [Food Security of the Region]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 102 p.
12. Chekavinskii, A.N. Rezervy rosta molochnogo skotovodstva v Vologodskoi oblasti v kontekste resheniya strategicheskikh zadach gosudarstva po osvoeniyu Arktiki [Reserves of Dairy Cattle Breeding Growth in the Vologda Oblast in the Context of Solving State Strategic Tasks to Develop the Arctic]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4 (40), pp. 139-150.

Влияние иммиграционного потока на региональную экономику: к вопросу о повышении экономической конкурентоспособности провинции Цзянси

Сунь Юйпин

Академия общественных наук провинции Цзянси
Китай

Аннотация. Трудовые ресурсы — необходимый производственный фактор регионального экономического развития и один из важнейших показателей оценки конкурентоспособности региональной экономики. Великие экономические успехи Китая, достигнутые благодаря 30-летней политике реформ и открытости, внесли ощутимый вклад в его развитие: Китай смог использовать преимущество «демографического дивиденда», ускорить процессы индустриализации и урбанизации и стать вторым по величине экономическим субъектом в мире. «Демографический дивиденд» включает в себя трудящихся-мигрантов. К их миграции приводит смена занятости, имеющая типичные региональные черты, и несбалансированность региональной экономики. В целях достижения гармоничного развития слаборазвитые районы должны определить характер и механизмы регулирования данного явления, разработать программу промышленного развития и оказания помощи трудящимся-мигрантам, а также регулировать их поток и помогать им приспособиться к городской жизни. Это позволит улучшить региональную экономическую конкурентоспособность.

Ключевые слова: распределение сельскохозяйственных работников-мигрантов, межрегиональная миграция трудящихся, характеристика потока мигрантов, провинция Цзянси.

1. Тенденция развития и статус трудящихся-мигрантов

Изучая миграционный поток в рамках процесса урбанизации, американский

экономист Луис обнаружил, что сельские жители переезжают в город, если там зарплата на 30% выше, чем в сельской местности. Дисбаланс цен между промышлен-

ными и сельскохозяйственными товарами, существующий со времен основания нового Китая, приводит к значительным различиям в оплате труда в городе и на селе. В 1978 году соотношение зарплат в городской и сельской местности составляло 2,36:1. В связи с ограничением двойной экономической структуры и разделяющей городские и сельские районы системой управления домохозяйствами земельные наделы крестьян, составляющих 80% населения, были ограничены. С начала проведения реформ и политики открытости процессы глобальной интеграции китайской экономики, урбанизации, индустриализации и модернизации сельского хозяйства стремительно развивались, что привело к миграции сельского населения в города, индустриальные парки, экономически развитые районы.

Постоянный избыток в стране трудовых ресурсов в лице крестьян – важнейший ресурс тридцатилетнего быстрого экономического роста и развития. Согласно докладу о миграционной политике в Китае, выпущенному в 2013 году Комитетом по национальному здоровью и планированию семьи, в период с 1970-го по 2012 год «плавающее» население увеличилось с 6 млн. до 236 млн. человек. Вместе с тем мониторинговое исследование мигрантов, проведенное Национальным бюро статистики, показало, что их численность достигла 269 миллионов, из них 166 миллионов – работники, покидающие свой населенный пункт.

2. Характеристика межрегиональной миграции трудящихся

Поток китайских трудящихся-мигрантов неоднороден и зависит от наличия в регионе ресурсов и от степени открытости промышленности. Анализируя основной статус потока трудящихся-мигрантов, вы-

званного реформированием и политикой открытости, мы обнаружили одну очевидную черту – определенное влияние восточных развитых районов на средние и западные слаборазвитые районы. Бурно развивающаяся экспортно-ориентированная обрабатывающая промышленность в восточной части страны привлекла слишком большое количество трудящихся из средних и западных районов страны. Впоследствии избыток рабочей силы был перенаправлен на восток Китая. Для привлечения трудящихся-мигрантов провинциями Чжэцзян и Гуандун использовались региональные преимущества в районах дельты реки Янцзы и дельты Жемчужной реки.

Согласно статистическим данным, опубликованным Национальным бюро статистики в 2012 году, 65% работников, покидающих свой населенный пункт, предпочитают работать в восточной зоне, 17,9% – средней и 17,1% – западной. Например, в провинции Чжэцзян в 2010 году насчитывалось 11 823 900 трудящихся-мигрантов, среди которых более миллиона приехали из 5 других провинций (табл. 1).

Таблица 1. Основное региональное распределение трудящихся-мигрантов в провинции Чжэцзян в 2010 году (10 000 человек)

Общая численность мигрантов в Чжэцзян	1182,39
Включая:	
Аньхой	228,52
Цзянси	152,98
Гуйчжоу	149,92
Сычуань	124,05
Хэнань	122,42
Источник: данные VI национальной переписи населения в 2010 году.	

В то же время численность трудящихся-мигрантов, покинувших свою территорию, составляла только 1,85 млн. человек, хотя

чистый приток трудовых ресурсов достиг 5,4 раза. Трудящиеся-мигранты играют очень важную роль в быстром развитии экономики в провинции Чжэцзян.

3. Поток трудящихся-мигрантов в провинции Цзянси и его влияние на экономическое развитие

Текущая ситуация в сфере занятости трудящихся-мигрантов в провинции Цзянси

Будучи большой сельскохозяйственной провинцией, Цзянси характеризуется значительной численностью сельского населения – 27 234 000 человек в 1978 году, что составляет 85,56% (вся страна – 80,08%) от общей численности населения. После проведения реформ и в результате политики открытости мигранты-трудящиеся, занятые в сельском хозяйстве, пережили первый период смены прежней занятости на работу на поселковых предприятиях, в индустриальных парках, переезд в городские и развитые прибрежные районы. После финансового кризиса в 2008 году большое количество трудящихся-мигрантов возвратились

домой. Но в скором времени многие из них вернулись к работе. В провинции Цзянси было 7,563 млн. трудящихся-мигрантов, которые составляли 23,8% трудового населения, с годовым приростом 226 000 человек, занятых в сельском хозяйстве; 70% трудящихся-мигрантов уехали работать в другие провинции.

Таблица 2 показывает, что количество трудящихся-мигрантов, покидающих провинцию Цзянси, постепенно снижается, очевидны процессы возвращения работников на местном уровне. Однако общая численность трудящихся-мигрантов, уехавших на заработки в другие провинции, еще значительна.

В таблице 3 отражено, что средние районы по-прежнему являются основными направлениями переселения работников сельского хозяйства, а процент занятости внутри провинций Цзянси, Хунань и Аньхой сравнительно низок, что привело к ограничению процессов индустриализации и урбанизации в трех провинциях.

Таблица 2. Занятость сельскохозяйственных работников-мигрантов в провинции Цзянси в 2010–2012 гг.

Год	Занятость за пределами провинции, тыс. чел.	Занятость в пределах провинции, тыс. чел.	Общая численность населения, 1 тыс. чел.	Соотношение, %
2010	518,8	199,5	718,3	72:78
2011	512,8	220,9	733,3	70:30
2012	522,7	233,6	756,3	69:31

Таблица 3. Занятость сельскохозяйственных работников-мигрантов в шести провинциях в 2012 году

	Цзянси	Хэнань	Шаньси	Хубэй	Хунань	Аньхой
Численность населения, 10 000 чел.	756,3	2458	470	1076,3	1470,8	1449
Уровень занятости в пределах провинции, %	30,9	51,6	74	53,5	30,5	26
Источник: данные статистического ежегодника по каждой провинции.						

Влияние на конкурентоспособность региональной экономики

Исчезающий феномен местных трудящихся-мигрантов вызовет ряд серьезных проблем:

- нехватка предложения рабочей силы для развития промышленности в регионе;
- определенные трудности в продвижении урбанизации;
- достижение поляризационного эффекта и пассивность последующей работы по реализации стратегии регионального экономического развития;
- отставание развития частной экономики.

Что касается увеличения предложения рабочей силы, то Академия общественных наук провинции Цзянси рассмотрела деятельность трех индустриальных парков в городе Наньчан в 2012 году и обнаружила, что количество трудящихся-мигрантов составило 73,8% общего числа работников в парках и что они были основной рабо-

чей силой индустриализации провинции (табл. 4). Острота ситуации заключается в том, что показатель нехватки рабочей силы является нормальным для трех парков. Однако в зоне высокотехнологичного и промышленного развития города Наньчан он был равен 15–20%, зоне экономического и технологического развития города Наньчан – около 15% и Шанхайской экономической и технологической зоне – более 50%. Предприятиям парков сложно нанять работников из местных жителей. Они берут на работу людей, проживающих на западных территориях страны, таких как Гуйчжоу и Юньнань. В провинции Цзянси не реализуются многие инвестиционно привлекательные проекты, так как трудящиеся не обеспечены социальными гарантиями.

В таблице 5 сравниваются 4 провинции, расположенные на одной и той же широте: Чжэцзян в восточной, Цзянси и Хунань – средней и Сычуань – западной части региона (рисунок).

Таблица 4. Дефицит рабочей силы в трех индустриальных парках города Наньчан в 2012 году

Индустриальный парк	Уровень дефицита рабочей силы, %
Зона высокотехнологичного и промышленного развития города Наньчан	15–20
Зона экономического и технологического развития города Наньчан	15
Шанхайская экономическая и технологическая зона	50

Таблица 5. Основные экономические показатели провинций Чжэцзян, Хунань, Сычуань, Цзянси в 2012 году

Территория	ВВП, 100 млн. юаней	ВВП на душу населения, юаней	Добавленная стоимость в промышленности, 100 млн. юаней	Трехотраслевая структура промышленности	Уровень урбанизации, %
Чжэцзян	34665,3	63266	15338,0	4,8:50,0:45,2	63,2
Хунань	22154,2	33480	9140,0	13,6:47,4:39,0	46,7
Сычуань	23849,8	29579	10800,5	13,8:52,8:33,4	43,5
Цзянси	12948,5	28799	5854,6	11,7:53,8:34,5	47,5
Китай	519322,0	38354	199860,0	10,1:45,3:44,6	52,6

Расположение четырех провинций

Цзянси, Хунань и Сычуань – провинции, в которых высок уровень трудящихся-мигрантов, покидающих свой населенный пункт, и которые по экономическим преимуществам отстают от провинции Чжэцзян, расположенной в восточной части, и среднекитайского уровня. В целях повышения региональной экономической конкурентоспособности необходимо разумно контролировать поток мигрантов и усилить привлекательность местного рынка труда.

Рекомендации

(1) Постепенное применение опыта развития промышленности прибрежных провинций

Для того чтобы вовлечь население провинции Цзянси в местный рынок труда, властям необходимо обратиться к опыту

модернизации промышленности восточных прибрежных провинций. Требуется, в полной мере используя сравнительные преимущества, укрепить промышленную кооперацию между районами, способствовать привлечению инвестиций и развивать экспортно-ориентированную перерабатывающую промышленность, учитывая особенности индустриализации и местный ресурсный потенциал.

В то же время использование преимуществ местных экологических ресурсов позволит содействовать развитию таких отраслей, как экологическое сельское хозяйство, туризм и сервис, охрана окружающей среды, которые дадут возможность не только расширить рынок рабочей силы, но и достичь устойчивого развития.

(2) Повышение уровня развития открытой экономики

Одной из главных причин неразвитости экономики провинции Цзянси является ее недостаточная открытость. Усиление политики открытости обусловлено необходимостью развивать экономику, сокращая разрыв с развитыми провинциями. Открытая экономика создаст благоприятные внешние условия для возвращения трудящихся-мигрантов и поиска работы в родном населенном пункте.

Необходимо реализовать следующие меры:

1. Усиление внимания в отношении объединения и взаимодействия отраслей, расширения производственных площадей и рыночного пространства.

2. Увеличение степени открытости для иностранных предприятий; привлечение транснациональных предприятий, которые будут иметь глобальное значение, и способствовать повышению конкурентоспособности промышленности.

3. Акцентирование внимания на развитии стратегически новых отраслей промышленности, таких как новая энергия, новые материалы, производство оборудования и биологическая медицина, активное развитие внутреннего и международного рынка, эффективное использование технического переоснащения и модернизации традиционной конкурентной отрасли и укрепление конкурентоспособности региональной промышленности.

(3) Усиление группового развития региональной экономической сущности

Эра промышленности, характеризующаяся низким уровнем конкуренции, подошла к концу. Город, как важная платформа промышленной конкуренции, играет все более ключевую роль. Экономическая интеграция и развитие промышленной группы заставляет городскую экономику выбрать

путь группы, чтобы повысить экономический потенциал региона и его конкурентоспособность. Экономические округа Цзинцзиньцзи, дельты рек Чжуцзян и Янцзы являются типичными случаями развития городских групп и бурного роста.

Провинции Цзянси предлагается использовать стратегический командный пункт «интеграция Наньчан и Цзюцзян» и эффект от создания городской группы экономического района в дельте реки Янцзы для достижения нового прорыва городского экономического развития.

Продвижение уровня городского развития неизбежно приведет к возвращению уехавших трудящихся-мигрантов, что обеспечит постоянную трудовую поддержку развития городского хозяйства и промышленности.

(4) Оказание поддержки трудящимся при смене места жительства и в период их привыкания к городской жизни

Сопровождение перераспределения избыточной сельской рабочей силы является залогом надежности промышленного развития и усиления урбанизации.

Для плавного включения трудящихся-мигрантов в работу необходима их интеграция в жизнь города; они должны стать настоящими горожанами и пользоваться теми же социальными и экономическими правами, что и коренные жители.

Преодоление ограниченности системы городских и сельских домашних хозяйств — это только первый шаг. Более важен тот факт, что мигранты, проживающие в городе, должны обладать способностью работать в городе и быть уверенными в своей полной социальной безопасности. Поэтому основной приоритет заключается в повышении способности к занятости и качества трудящихся-мигрантов; правительство должно предоставлять соответствующие социальные услуги.

(5) Привлечение трудящихся-мигрантов, вернувшихся на родину, к открытию своего бизнеса в целях обогащения

Правительству необходимо создать хорошие условия для начала бизнеса и реализации планов трудящихся-мигрантов, вернувшихся домой. Работа вне региона позволяет накопить стартовый капитал, а также определенные умения и навыки, полезные в управлении организацией. Что касается экономического развития конкретного предприятия, правительству не-

обходимо ослабить ограничения частного инвестиционного капитала. Определение списка полномочий позволит установить границы власти государства, построить эффективное правительство, избавиться от коррупции и создать гибкую среду рыночного экономического развития.

Настал момент процветания частной экономики в провинции Цзянси. Предпринимательство сможет воплотить в жизнь мечту экономического подъема этой провинции.

Сведения об авторе

Сунь Юйпин – научный сотрудник, директор, Институт прикладных стратегий, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай)

Sun Yuping

Analysis of the Impact of the Flow of Migrant Workers on Regional Economy: Based on the Thought about the Promotion of Jiangxi Regional Economic Competitiveness

Sun Yuping – Research Associate, Director of the Institute for Application Strategies, Jiangxi Academy of Social Sciences, Nanchang, China

Abstract. Labor resource is the necessary productive factor in regional economic development, and one of important indexes to evaluate regional economic competitiveness. The great economic achievement brought by the 30-year reform and opening up of China is due to the fact that China brought the backward advantage of “demographic dividend” into play, promoted the fast development of industrialization and urbanization, and became the second largest economy in the world. The entity of “demographic dividend” is

the non-agricultural migrant population, i.e., migrant workers. The transfer employment of migrant workers has typical regional liquidity, and the imbalance of regional economy causes the flow of many migrant workers. In order to achieve harmonious development and coordinated development, underdeveloped areas must understand the character and regulation, adopt positive industrial policy and supportive policy, guide the reasonable flow of migrant workers, and realize the transfer of local employment and citizenization of migrant workers, which can enhance regional economic competitiveness.

Key words: distribution of agricultural migrant workers, interregional migration of workers, characteristic of the flow of migrant workers, Jiangxi province.

Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Lastchaos12@mail.ru

Аннотация. Проблема старения населения России все больше привлекает к себе внимание ученых и политиков. Уже достаточно давно пришло осознание необратимости процесса демографического старения в условиях суженного воспроизводства населения, однако меры по нивелированию последствий данного явления в нашей стране, в отличие от стран Запада, пока недостаточно разработаны. Старение населения с большой долей вероятности ведет к изменению функционирования рынка труда ввиду уменьшения доли трудоспособного населения и детей и, соответственно, перманентного увеличения удельного веса пожилых людей в общей численности населения. В этих условиях одним из важнейших факторов социального-экономического развития территории становится эффективная реализация ресурсного потенциала старшего поколения. Целью данной статьи стало исследование изменений и особенностей трудовой активности населения пенсионного возраста на примере Вологодской области. В первой части статьи показаны основные аспекты влияния демографического старения на экономическое развитие. Рассматриваются предпосылки формирования регрессивной возрастной структуры населения в стране и регионе, определен уровень «старости» России и Вологодской области. Выделены особенности демографического старения области и ее районов, определены основополагающие факторы трансформации возрастной структуры территории. Во второй части статьи представлен анализ изменения экономической активности населения пенсионного возраста в Вологодской области, определена структура занятости старшего поколения. На основе данных социологического опроса рассмотрены основные мотивы к продолжению трудовой деятельности в пенсионном возрасте, современный уровень занятости пенсионеров, различия между фактическим и номинальным пенсионным возрастом и др. Основной вывод статьи: население пенсионного возраста в Вологодской области обладает

значительным ресурсным потенциалом, реализация которого может стать существенным фактором социально-экономического развития территории в условиях демографического старения. Для этого необходимо создавать комфортные условия занятости пожилых людей на уровне региональных органов власти и бизнес-структур.

Ключевые слова: старение населения, трансформация возрастной структуры, пожилые люди, пенсионный возраст, трудовая активность.

Демографическое старение и экономическое развитие

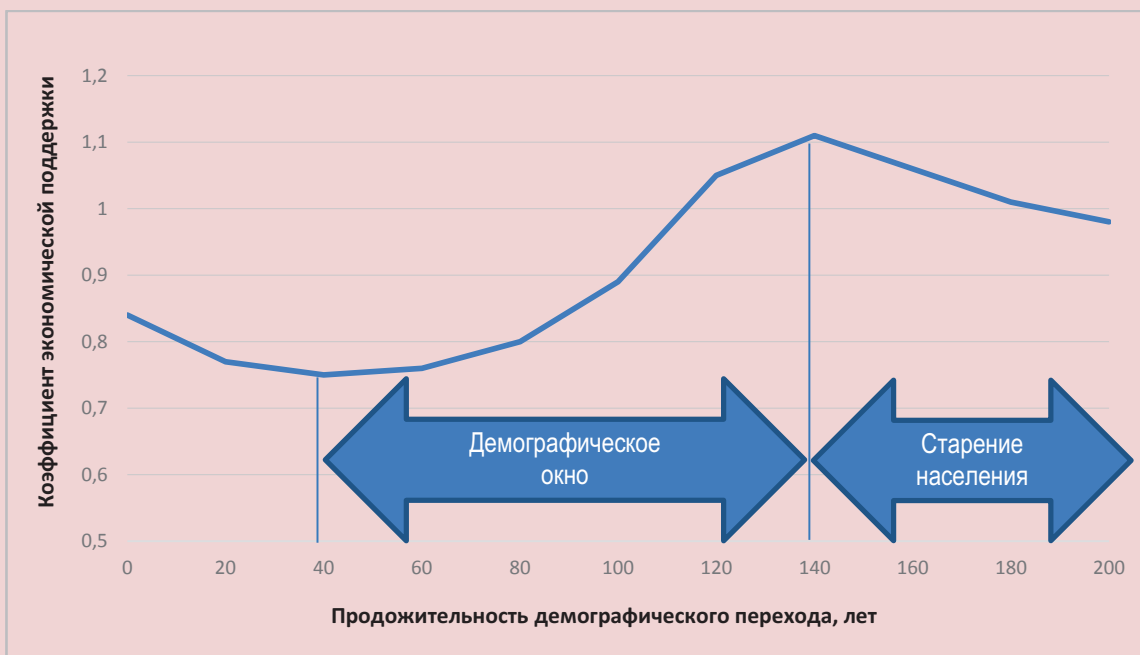
Старение населения является следствием т.н. «демографического перехода» (ДП) – исторического процесса смены типа воспроизводства населения с экстенсивного, с высоким уровнем смертности и рождаемости, на интенсивный – с низким уровнем смертности и рождаемости [18]. В начале четвертой фазы ДП наблюдается небольшой рост рождаемости и естественного прироста, после чего происходит стабилизация или депопуляция населения. Вследствие снижения уровня рождаемости и смертности, сопровождающегося увеличением средней продолжительности жизни и стабилизацией численности населения, возникает процесс *демографического старения* – трансформации возрастной структуры населения в сторону увеличения доли старших когорт. Это явление оказывает значительное влияние на общественное развитие и экономику.

В настоящее время ситуация усугубляется тем, что демографический дивиденд, возникший на втором этапе ДП, когда на фоне резкого снижения рождаемости и, соответственно, сокращения доли иждивенческих групп увеличивается удельный вес трудоспособного населения, уже получен и исчерпан [13]. Указанный период роста численности когорт трудоспособного возраста принято называть «демографическим окном». Американские исследователи Ли и Мейсон разработали модель [24], в которой наглядно представили действие

«окна». Они использовали коэффициент экономической поддержки (ориг. *economic support ratio*), рассчитываемый как соотношение общего числа производителей и общего числа потребителей, и проследили его динамику за 200-летний период ДП (рис. 1).

Из рисунка видно, что в определенный момент демографическое окно «закрывается» вследствие увеличения численности пожилых людей и слабого замещения трудоспособного населения, обусловленных низкой рождаемостью. Если в этот период удастся обеспечить производительную занятость большей части трудоспособного населения, то темпы роста доходов на душу населения значительно ускорятся, что в перспективе приводит к устойчивому увеличению темпов экономического роста [15]. Период демографического перехода и, соответственно, образующегося «окна» может заметно различаться. В частности, в развитых странах, где старение населения началось значительно раньше, временных возможностей для реализации демографического дивиденда и осуществления реформ по нивелированию последствий больше, чем в современных развивающихся странах, где процесс трансформации возрастной структуры происходил гораздо интенсивнее. Однако, несмотря на наличие региональных особенностей старения населения (связанных в первую очередь со временем вступления в четвертую фазу демографического перехода), вектор изменений коэффициента экономической поддержки для всех стран и территорий сходен.

Рисунок 1. Изменение коэффициента экономической поддержки за 200-летний период демографического перехода

Источник: Lee R., Mason A. Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy. – WESS background paper, 2015. – 35 p.

В [24] Ли и Мейсон делают вывод, что при определенных условиях возможно возникновение второго дивиденда, даже после закрытия демографического окна. Увеличение численности населения пожилого возраста создает дополнительный спрос на отдельные виды ресурсов, необходимых для поддержания прежнего уровня потребления в старости.

Авторы приводят три основных аргумента в защиту своей гипотезы:

- пожилые люди имеют возможность к накоплению капитала в течение трудового этапа своей жизни и в среднем обладают большим богатством, чем молодое население трудоспособного возраста;
- если человек планирует прожить долгую жизнь, то в течение жизни он делает больше сбережений и увеличивает накопление средств;

– низкая рождаемость дает возможность увеличивать расходы на личное потребление, в том числе и в пенсионном возрасте.

По всем вышеуказанным причинам даже на четвертой фазе ДП объем богатств на душу населения может возрастать. Тем не менее авторы делают оговорку, что подобный сценарий практически невозможен в странах с низким уровнем дохода на душу населения и, следовательно, малыми сбережениями. В [24] не указано, каким именно доходом должна обладать страна, чтобы стало возможным возникновение второго демографического дивиденда. Хотя в России зафиксирован, согласно методологии Всемирного банка, высокий подушевой доход (внутренний национальный доход на душу населения в 2014 году составлял 23 910 долларов США в текущих ценах, что

значительно превышает необходимый «высокий» порог в 12 616 долларов [23]), она существенно уступает большинству западных стран, для которых выводы Ли и Мейсона корректны. В российском случае потребность в сохранении прежнего уровня потребления вынуждает пожилых людей искать иные источники дохода, наиболее очевидным из которых является продолжение трудовой деятельности на пенсии.

Высокий уровень занятости пожилых людей не всегда имеет положительный эффект. Более того, как показал американский исследователь Джеймс Мур на примере США [25], рост трудовой активности пенсионеров может стать серьезной структурной проблемой для экономики развитых стран. На рынке труда пенсионеры начинают конкурировать с населением в трудоспособном возрасте. В итоге рост рабочей силы в меньшей степени обеспечивается за счет других групп населения, что, в свою очередь, ведет к росту безработицы среди молодых. Как результат – уровень занятости либо остается стабильным, либо перестает расти. В то же время, по словам Мура, Федеральная резервная система США соблюдает свой двойной мандат – контроль инфляции и занятости. На рост безработицы регулятор отвечает еще более длительным периодом низких процентных ставок, что вызывает появление еще большего количества работающих пенсионеров.

Все вышеперечисленные последствия представляют угрозу для экономик развитых стран, где нет недостатка в рабочей силе, а рынок труда успешно регулируется за счет привлечения из-за рубежа иммигрантов трудоспособного возраста.

В России, стране с низкими показателями рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, а также сокращающейся долей населения в трудоспособном возрасте, относительно высокая занятость пожилых людей обеспечивает достаточную

укомплектованность многих отраслей экономики. Ресурсный потенциал старшего поколения – это качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества [9]. Трудовая занятость пожилых людей не только увеличивает их покупательную способность, пенсионный капитал и способствует сохранению социальных связей, но и может оказывать существенное влияние на функционирование крупных общественных институтов.

В качестве примера потенциальных положительных возможностей реализации трудового потенциала населения пенсионного возраста рассмотрим ситуацию с балансом бюджета Пенсионного фонда России. В 2014 году, впервые с 2010 года, расходная часть бюджета ПФР превысила доходную (6,19 трлн. руб. против 6,16 трлн. руб. соответственно [4]). Однако, судя по данным углубленного анализа структуры доходов и расходов, в 2014 году общая сумма страховых взносов на обязательное пенсионное страхование составила 3,69 трлн. руб., тогда как сумма расходов только на выплату по страховой части трудовой пенсии – 4,98 трлн. руб. Из федерального бюджета в ПФР поступили средства в сумме 2,41 трлн. руб., из которых минимум 1,3 трлн. руб. израсходованы на покрытие дефицита, вызванного дисбалансом в соотношении доли трудящихся и пенсионеров. В то же время, согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2031 году число иждивенцев достигнет 832 человек на 1000 человек населения трудоспособного возраста, причём две трети составят люди в возрасте 60 лет и старше [22]. Таким образом, как можно предположить, дефицит бюджета ПФР будет увеличиваться и на его покрытие потребуются привлечение дополнительных средств из федерального

бюджета. В качестве одного из вариантов решения проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы страны чаще всего упоминается повышение возраста выхода на пенсию [14; 17]. Но, как показывают исследования [2], демографических оснований (в первую очередь это касается продолжительности жизни и здоровья населения) для его увеличения в нашей стране пока нет. Данное противоречие затрудняет принятие управленческих решений в условиях демографического старения. Проблему дефицита бюджета ПФР, вероятно, можно решить за счет роста занятости населения пенсионного возраста. Стимулирование занятости пожилых людей (о котором говорится в государственном проекте «Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года» [20]) потенциально может уменьшить нагрузку на трудоспособное население и бюджет ПФР посредством уплаты страховых взносов работающими пенсионерами на протяжении определенного периода после выхода на пенсию.

Тенденции и особенности демографического старения в России и Вологодской области

Россия относится к странам со «старой» возрастной структурой. Снижение рождаемости и смертности привело к тому, что в период с 1926 по 2015 г. доля россиян старше 60 лет увеличилась почти в 3 раза (7 и 20% соответственно). В рейтинге наиболее «старых стран мира» Российская Федерация в 2013 году занимала 44 место [26].

Одной из главных особенностей демографического старения в России является дифференцированность ее регионов по этому показателю. Анализ по методике Э. Роскета, описывающей классификацию территорий по уровню «старости» [16], показывает, что подавляющее большинство регионов перешли на стадию «демографи-

ческой старости» (в 2015 г. в 74 субъектах РФ доля населения в возрасте 60+ превысила порог в 12% [10]), а в 56 регионах доля пожилых людей превысила критическое значение в 18%. Однако разница между самым «старым» регионом (Тульской областью) и самым «молодым» регионом (Чеченской Республикой) составляет 18 процентных пунктов (25 и 7% соответственно).

Северо-Западный федеральный округ занимает второе место по уровню «старости» (доля населения 60+ на 1 января 2015 года составила 21%) после Центрального ФО (22%). Особый интерес вызывает выравнивание процесса демографического старения в регионах СЗФО в период с 1990 по 2015 г. (табл. 1). Такие изменения произошли из-за более высокой интенсивности демографического старения в регионах с относительно «молодой» возрастной структурой. Наибольший прирост коэффициента старения в этот период наблюдался в Мурманской области (в 2,5 раза) и Республике Коми (в 2 раза), в которых рост доли населения пожилого возраста обуславливался не только изменениями параметров естественного воспроизводства населения (т.е. смертности и рождаемости), но еще и существенным оттоком граждан трудоспособного возраста из этих регионов.

Вологодская область «постарела» значительно раньше, чем большинство регионов Северо-Запада: еще в 60-х годах прошлого века доля пожилых людей превысила порог в 12%. На сегодняшний день доля населения старше 60 лет в Вологодской области составляет 20%. По уровню «старения» она занимает 6 место среди регионов СЗФО и 38 место по стране.

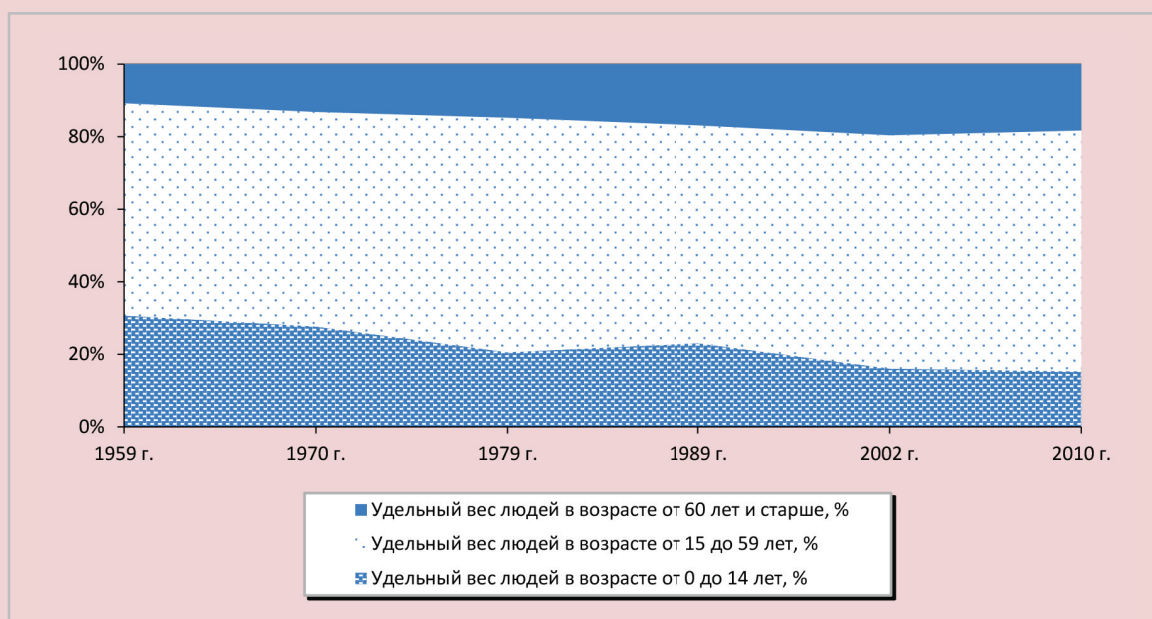
Динамика удельного веса трех основных возрастных контингентов рисует общую картину трансформации возрастной структуры населения Вологодской области с 1959 по 2010 г. (рис. 2).

Таблица 1. Динамика изменения коэффициента старения населения в регионах СЗФО, 1990–2015 гг.

Регион СЗ ФО	Коэффициент старения, %		2015 к 1990, %
	1990	2015	
Псковская область	21,2	23,7	113
Новгородская область	19,2	23,3	121
Ленинградская область	16,8	22,0	131
г. Санкт-Петербург	17,5	21,7	124
Республика Карелия	13,2	20,7	157
Вологодская область	17,3	20,2	117
Архангельская область	12,9	20,0	155
Калининградская область	13,9	19,8	142
Мурманская область	6,7	16,4	245
Республика Коми	8,1	16,0	197

Источник: данные Единой межведомственной информационно-статистической системы [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты автора.

Рисунок 2. Распределение населения Вологодской области по основным возрастным группам

Источник: составлено по данным переписей 1959–2010 гг. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

За полвека произошло двукратное сокращение удельного веса детей и, соответственно, увеличение доли взрослых как в трудоспособном, так и пенсионном возрасте. При этом удельный вес пенсионного контингента рос гораздо быстрее, чем трудоспособного [1].

Важным элементом процесса демографического старения является изменение показателя младенческой смертности. С одной стороны, ее снижение вызывает увеличение числа детей, что гипотетически ведет к «омоложению» населения, т.к. растет выживаемость детей и для возрастной

пирамиды это равнозначно повышению рождаемости. С другой стороны, снижение этого показателя вызывает рост ожидаемой продолжительности жизни, что в условиях низкой рождаемости ведет к старению населения. В Вологодской области в динамике рассматриваемого показателя наблюдаются позитивные изменения: в период с 1990 по 2014 г. младенческая смертность в регионе упала с 17,7 до 7,7 промилле [7]. Снижение младенческой смертности на территориях с моделью «старения снизу» выступает существенным фактором интенсификации процесса старения населения, становясь катализатором роста ожидаемой продолжительности жизни за счет увеличения выживаемости детей. В свою очередь, достижение уровня развитых стран по показателю младенческой смертности исчерпывает ресурсы для повышения ОПЖ «снизу», представляя одну из составляющих процесса перехода территорий к модели «старения сверху», когда главным фактором демографического старения становится удлинение периода дожития в старших возрастах.

Фактором, оказывающим значительное влияние на старение населения большинства регионов России, является миграция. Анализ миграционных процессов в Вологодской области выявил, что отток населения в большей степени происходит за

счет выбытия трудоспособных граждан и представителей младшей возрастной группы (от 0 до 14 лет) из сельских территорий (табл. 2). В то же время в группе населения пенсионного возраста наблюдался миграционный приток (в 2012 году прирост составил 402 человек, в 2013 году – 593 человека). Можно заключить, что возрастная структура сельских территорий в большей степени подвержена деформациям вследствие миграционных процессов. Отток молодых когорт населения создает предпосылки к формированию неблагоприятного прогноза возрастной структуры сельского населения. Актуальность проблемы старения населения для сельских территорий подтверждается и следующими цифрами: в 2014 году в сельских поселениях на 1000 человек приходился 841 иждивенец (средний показатель по области – 737 человек [3]).

В пяти районах области (Вашкинский, Харовский, Белозерский, Усть-Кубинский, Кирилловский) коэффициент старения населения превышает 27%, а удельный вес населения трудоспособного возраста уже меньше, чем суммарная доля детей и пенсионеров (табл. 3). На каждого человека трудоспособного возраста приходится больше одного представителя иждивенческих групп, причем две трети этой нагрузки формируется за счет населения пенсионного возраста.

Таблица 2. Миграционный прирост (убыль) населения Вологодской области в территориальном разрезе и по возрастным группам, чел.

Возрастная группа	Год					
	2012			2013		
	Городские поселения	Сельская местность	Всего	Городские поселения	Сельская местность	Всего
Все население	1017	-2070	-1053	720	-2041	-1321
В том числе: моложе трудоспособного	84	-363	-279	322	-434	-112
в трудоспособном возрасте	935	-2109	-1174	498	-2020	-1702
Старше трудоспособного	-2	402	400	-100	593	493

Источник: данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://vologdastat.gks.ru/>

Таблица 3. Основные показатели демографического старения территориальных образований Вологодской области в 2014 г.

Территория	Коэффициент старения, %	Индекс старения	Демографическая нагрузка	Демографическая нагрузка детьми	Демографическая нагрузка пожилыми	Удельный вес людей моложе трудоспособного возраста, %	Удельный вес людей трудоспособного возраста, %	Удельный вес людей пенсионного возраста, %
Вашкинский	29,0	174	1126	372	754	17,5	47,0	35,5
Харовский	28,3	172	1046	355	691	17,3	48,9	33,8
Белозерский	28,1	172	1034	353	681	17,3	49,2	33,5
Усть-Кубинский	27,9	166	1052	364	688	17,7	48,7	33,5
Кирилловский	27,6	164	1039	359	680	17,6	49,0	33,4
...
г. Череповец	18,3	106	684	304	379	18,1	59,4	22,5
Никольский	18,0	89	783	379	404	21,3	56,1	22,7
г. Вологда	17,8	105	664	295	368	17,7	60,1	22,1

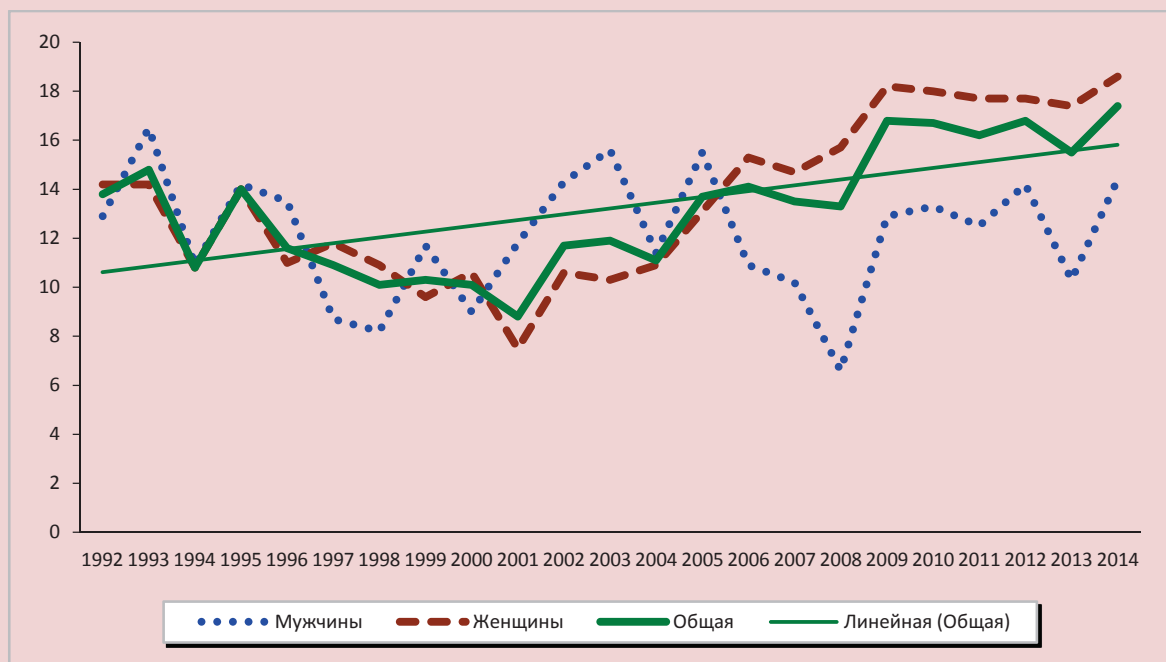
Ранжировано по величине коэффициента старения
 Источник: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 96 с.; расчеты автора.

Вариативный демографический прогноз изменения численности населения Вологодской области до 2030 года свидетельствует о сохранении депопуляции даже при планируемом увеличении рождаемости [11]. В свою очередь, по инерционному сценарию прогноза коэффициент старения населения в регионе к 2050 году увеличится до 30,8% [6]. Осуществление такого прогноза представляется наиболее вероятным ввиду того, что предпосылок для кардинального изменения ситуации в Вологодской области нет. Последствиями существенного прироста численности пожилых людей станут дальнейшее снижение предложения на рынке труда, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, увеличение дефицита пенсионного фонда. Демографические процессы носят инерционный характер, и не зря в литературе старение населения названо «тихой революцией» [8]. Последствия демографического старения растянуты во времени, и, чтобы регион оказался готовым к предстоящим вызовам, при стратегическом планировании необходимо учитывать риски, связанные с изменениями возрастной структуры населения.

Социолого-экономический анализ трудовой активности населения пенсионного возраста (на материалах Вологодской области)

В условиях старения населения, ведущего к трансформации функционирования рынка труда вследствие снижения доли работающих, экономическая активность населения пенсионного возраста становится одним из важнейших ресурсов социально-экономического развития территории. Как показал анализ статистических данных, за период с 1992 по 2014 г. уровень занятости населения пенсионного возраста в Вологодской области имел тенденцию к росту (рис. 3). В 90-х годах снижение показателя было вызвано нестабильной экономической и политической ситуацией в стране и регионе, когда по причине массовой безработицы пожилым людям было сложно претендовать на рабочие места. Однако стабилизация социально-экономической ситуации в стране в начале 2000-х годов привела к возвращению пенсионеров на рынок труда. Обращает на себя внимание скачкообразное изменение уровня занятости мужчин пенсионного возраста, с существенным снижением показателя в «кризисные» годы. Это позволяет сделать

Рисунок 3. Изменение уровня занятости населения пенсионного возраста в Вологодской области, % от общей численности населения пенсионного возраста

Источник: данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://vologdastat.gks.ru>; расчеты автора.

вывод, что положение мужчин пожилого возраста на рынке труда имеет сильную зависимость от изменения социально-экономической ситуации в стране и регионе.

Более высокий уровень занятости женщин объясняется несколькими причинами: они раньше выходят на пенсию, имеют сравнительно более высокую ожидаемую продолжительность жизни, кроме того, характер труда в большинстве случаев менее энергозатратный и вредоносный, нежели у мужчин¹. Помимо этого, существенную роль играют изменения в структуре ценностных установок женщин старше-

го поколения. По мнению экспертов [19], возникшее в последние десятилетия разнообразие женских жизненных стратегий сменяется доминированием стратегии выживания, которая становится все более массовой в условиях усиливающегося социального расслоения населения, высокого риска бедности для подавляющего большинства женщин. В результате у женщин, живущих в семьях, с одной стороны, возрастают затраты времени на домашний труд и обслуживание семьи, с другой – усиливается значение вынужденной трудовой занятости.

¹ Статья 253 ТК РФ устанавливает общее правило об ограничении труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию. Часть 2 ст. 253 ТК РФ запрещает применение труда женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые нормы, установленные постановлением Правительства РФ от 6 февраля 1993 г. № 105. Предельно допустимая масса груза при подъеме и перемещении тяжестей при чередовании с другой работой составляет 10 кг, при подъеме и перемещении тяжестей постоянно в течение рабочей смены – 7 кг.

Если обратиться к видам экономической деятельности работающих пенсионеров в Вологодской области, то можно выделить несколько наиболее «популярных» сфер, к которым относятся образование и здравоохранение, а также сельское хозяйство (для которого традиционно характерна высокая доля работников пенсионного возраста) и добыча полезных ископаемых (табл. 4). Наименьшая доля работающих пенсионеров отмечается в финансовом секторе, а также гостиничном и ресторанном бизнесе.

Распределение работающего населения старших возрастов по группам занятий также имеет свои особенности. Свыше трети (35%) всех квалифицированных работников сельского хозяйства приходится на на-

селение старше 55 лет, так же как и каждый пятый (20%) из числа неквалифицированных рабочих. Опровержением мифа о «геронтологической» структуре управленческого аппарата служит тот факт, что только 14,6% руководителей учреждений, организаций и их структурных подразделений в Вологодской области старше 55 лет [21].

Фактическая необратимость процесса старения населения, наряду с увеличением ожидаемой продолжительности жизни, создает ситуацию, когда социально-демографическая категория людей пожилого возраста приобретает все большее значение, что, в свою очередь, актуализирует проведение исследований по данной тематике. Данные статистики дают возможность оценить степень изменения эко-

Таблица 4. Распределение численности занятых в экономике по возрасту и видам экономической деятельности в 2014 году

Вид деятельности	Всего занятых, тыс. чел.	В возрасте 55–72 года, тыс. чел.	В возрасте 55–72 года, % от общей численности	Средний возраст, лет
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	55,9	12,1	16,2	43,7
Рыболовство, рыбоводство	0,7	0,2	14,4	45,5
Добыча полезных ископаемых	0,4	0,1	25	48,3
Обрабатывающие производства	111,8	10,9	10,5	39,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	24,2	5,2	10,2	43,3
Строительство	41,9	3,9	5,6	37,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	90	6,3	6,5	36,3
Гостиницы и рестораны	10,6	1,3	3,8	38,9
Транспорт и связь	53,6	5,6	6,7	39,6
Финансовая деятельность	9,1	0,4	1,4	34,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	25,5	4,7	9,7	40,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	44,3	3,4	4,1	37,5
Образование	53,6	10,6	13,8	43,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	45,7	9,7	13,0	44
Итого	589,7	77,4	13,1	40

Источник: Труд и занятость в Вологодской области в 2010–2014 гг.: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 111 с.

номической активности пожилых людей и некоторых ее структурных элементов, однако не позволяют определить, например, мотивы к осуществлению трудовой деятельности на пенсии.

Приняв во внимание всю важность проблемы, в 2015 году Институт социально-экономического развития территорий РАН провел специализированный опрос «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области». Объем выборки – 1500 человек. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании выделены два крупных города – Вологда и Череповец. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%. Существенная часть вопросов анкеты была посвящена изучению различных аспектов трудовой активности населения пожилого возраста.

Оценивая ресурсный потенциал старшего поколения в будущем, важно понять, как настроены на продолжение трудовой деятельности граждане предпенсионного возраста. Согласно полученным данным, 53% лиц предпенсионного возраста планируют выйти на пенсию сразу по достижении возрастного рубежа. Четверть (25% из числа опрошенных) пока не определилась с решением. Соответственно, 22% населения в возрасте от 50 до 59 лет на данный момент не планируют оформлять пенсию в первый же год.

Свыше трети населения предпенсионного возраста (35%) планируют продолжить работать на пенсии. Существенная доля опрошенных (38%) затруднились ответить на вопрос о возможности продолже-

ния трудовой деятельности на пенсии: на их решение могут повлиять как экономические (дополнительный заработок), так и неэкономические (потребность в общении) мотивы. Данные нашего исследования подтверждают, что главным мотивом к продолжению трудовой деятельности для населения предпенсионного возраста является потребность в дополнительном заработке (94% из числа опрошенных). Менее значимы заинтересованность в постоянном общении (15%) и желание быть полезным обществу (11%).

Важнейшим параметром оценки трудовой активности пожилых людей является продолжительность работы после выхода на пенсию. По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом, средняя продолжительность работы на пенсии в России составляет 6,3 года у работающих пенсионеров и 6,4 года у граждан, закончивших свою трудовую деятельность [5]. В рамках исследования было выявлено, что средняя планируемая продолжительность трудовой деятельности на пенсии в Вологодской области составляет 5,5 лет. Пятая часть опрошенных (21%) планирует проработать на пенсии от 1 до 5 лет. Примерно такая же доля жителей предпенсионного возраста в регионе в собираются трудиться еще 5–10 лет после выхода на пенсию, а 3% опрошенных уверены, что проработают на пенсии свыше 10 лет. Более половины респондентов (53%), планирующих работать на пенсии, затруднились назвать ориентировочное количество лет, в течение которых они собираются продолжать свою трудовую деятельность.

Данные исследования позволяют проследить разницу между фактическим и номинальным (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) возрастом выхода на пенсию. По нашим подсчетам, фактический возраст

выхода на пенсию у мужчин составляет 58 лет (отклонение от номинального возраста выхода на пенсию – 2 года) (табл. 5), а каждый третий из числа респондентов мужского пола вышел на пенсию досрочно (32,3%). Фактический возраст выхода на пенсию у женщин совпадает с номинальным и составляет 55 лет. В отличие от мужчин только 12% женщин выходят на пенсию досрочно.

подавляющее большинство опрошенных пенсионного возраста получают пенсию по старости (78,5%). Каждый десятый из числа опрошенных (11%) доволен пенсией по выслуге лет, 6% – по инвалидности, 2% – военной пенсией. Средний размер пенсий в области, согласно ответам респондентов, составляет 11860 рублей (табл. 6). Средний размер пенсий по старости находится в пределах среднеобластного значения (11832 рубля). У мужчин она несколько выше, чем у женщин (12090 и 11744 рублей соответственно). Наибольший размер пенсии по старости у жителей области в возрасте 50–54 года

(13670 рублей), наименьший – в возрасте 55–59 лет (10671 рубль).

Около половины опрошенных пенсионеров (45%) продолжили трудиться после выхода на пенсию. Мотивы к продолжению трудовой деятельности респондентов, получающих пенсию, в некоторой степени отличаются от мотивов респондентов предпенсионного возраста: менее значимой является потребность в дополнительном заработке (81% против 94% соответственно), но большую актуальность приобретают потребность в общении (20% против 15% соответственно) и желание приносить пользу обществу (13% против 11% соответственно). Как показал анализ ценностных установок пожилых людей, с возрастом их вектор смещается в сторону альтруистических и эстетических ценностей, в то время как влияние материального фактора становится чуть менее значимым. Подобные изменения в структуре ценностей пожилых людей накладывают определенный отпечаток и на мотивы продолжать трудовую деятельность.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «В каком возрасте Вы оформили пенсию?», %

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины
Нет ответа	4,5	5,2	4,2
до 50 лет	3,2	4,6	2,6
50–54 года	9,4	8,8	9,7
55–59 лет	61,2	18,9	79,9
60–64 года	20,3	60,1	2,7
65 лет и старше	1,4	2,4	0,9
Среднее значение, лет	55	58	55

Источник: здесь и далее, если не указано иное: данные опроса «Качество жизни пожилых людей», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году. Объем выборки – 1500 человек в возрасте 50 лет и старше.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, размер Вашей пенсии», руб.

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		Мужчины	Женщины	50–54 года	55–59 лет	60–64 года	65–69 лет	70 лет и старше
Среднее значение	11 860	12 282	11 686	12 789	10 886	11 334	11 730	12 800
Средняя пенсия: по старости	11 832	12 090	11 744	13 670	10 671	11 394	11 838	12 704
военная	20 167	20 167	-	22 667	22 000	17 250	15 000	22 667
по инвалидности	11 500	11 190	11 741	9750	9889	10 827	10 900	14 093
по выслуге лет	11 038	11 070	11 018	11 167	12 000	10 387	11 544	10 306

В процессе исследования было выявлено, что около половины пенсионеров (45%) из числа тех, кто продолжил работать после выхода на пенсию, трудятся до сих пор (табл. 7). Наиболее явно прослеживается снижение трудовой активности пожилых людей после 70 лет (из которых только 9% на момент опроса все еще работали), тогда как в возрастной группе 65–69 лет 39% пенсионеров продолжают трудиться (из числа работающих после выхода на пенсию). Это позволяет нам предположить, что рубеж в 70 лет является условной точкой ограничения реализации пожилыми людьми своего трудового потенциала. Однако необходимо обратить внимание также и на то, что к 60 годам практически половина респондентов уже закончили свою трудовую деятельность.

Треть пенсионеров (33% осуществлявших трудовую деятельность на момент опроса) собираются проработать на пенсии еще от 1 до 5 лет, а каждый пятый (18%) – в пределах от 5 до 10 лет. Определяющим фактором продления трудовой активности на пенсии является состояние здоровья, что подтверждается снижением с возрастом оценок респондентами возможного периода трудовой деятельности, а также большим «энтузиазмом» женщин.

Большинство пожилых людей из числа тех, кто продолжал работать на момент опроса, осуществляют свою трудовую деятельность на постоянной основе (71%). Каждый пятый пенсионер (20%) трудится по контракту, на временных работах. При этом в большей степени это характерно для пожилых людей после 70 лет (53,8% от об-

щего числа респондентов в этой возрастной группе), причиной чему, с большей долей вероятности, служит неудовлетворительное состояние здоровья, препятствующее возможности осуществлять трудовую деятельность на регулярной основе. Также существенным фактором ограничения к продолжению трудовой деятельности на пенсии может являться позиция работодателя по отношению к пожилым людям: 13% пенсионеров сталкивались с проявлениями возрастной дискриминации при приеме на работу.

Согласно полученным в ходе исследования данным, 21% неработающих пенсионеров готовы согласиться на любую позицию работу, если бы им поступило соответствующее предложение. В то же время свыше половины респондентов (61%) с большей долей вероятности от нее откажутся. Это может быть связано как с невозможностью продолжения трудовой деятельности в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья (70% опрошенных оценили свое здоровье как «посредственное» и «плохое»), так и с недостаточной мотивацией, ввиду того что для многих пожилых людей ценность отдыха превалирует над стремлением к продолжению трудовой деятельности.

Пожилые люди могут реализовать свой потенциал и часть потребностей (общение, хобби и др.), занимаясь волонтерской деятельностью. Тем не менее только 13% пенсионеров положительно относятся к возможности работать на добровольных началах в общественных организациях. Однако доля пожилых людей, скептически отно-

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы в данный момент?», % от числа продолживших работать после выхода на пенсию

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		Мужчины	Женщины	50–54 года	55–59 лет	60–64 года	65–69 лет	70 лет и старше
Да	44,8	48,3	43,3	78,9	73,8	52,2	39,3	9,0
Нет	55,2	51,7	56,7	21,1	26,2	47,8	60,7	91,0

сящихся к данному роду занятий, также относительно невелика – 23%. Большая часть респондентов (63,5%) затруднились дать определенный ответ по поводу возможности поработать в общественных и добровольческих организациях, возможно, по причине недостаточной осведомленности в этой сфере. Волонтерским организациям области следует, на наш взгляд, уделить больше внимания распространению информации о своей деятельности и привлечению в свои ряды представителей старшего поколения.

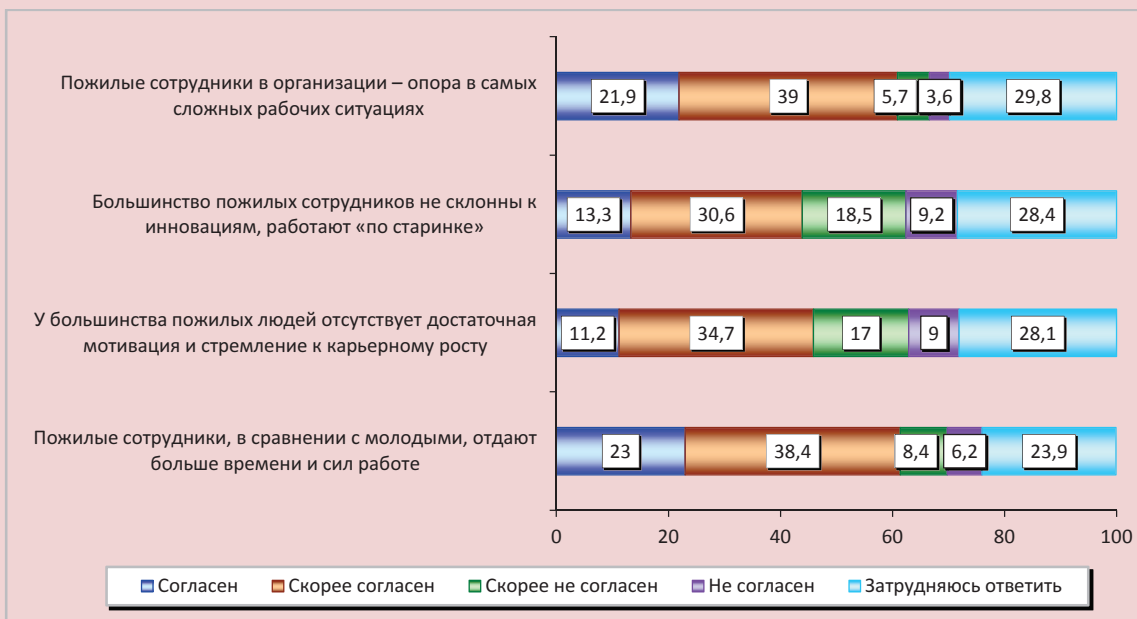
Одним из факторов, определяющих возможность продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте, является уровень квалификации пожилых людей и соответствие их умений и навыков современным требованиям. Способность быстро перестраиваться под нововведения является важным конкурентным преимуществом любого специалиста, которое выступает залогом успеха как самого сотрудника, так и организации в целом. Опрос показал, что

только 12% опрошенных пенсионеров хотели бы в настоящий момент пройти курсы повышения квалификации, получить новые навыки и знания. Почти четверть респондентов (24%) затруднились ответить. Оставшаяся же часть опрошенных (64%) указали, что в данный момент не нуждаются в повышении квалификации.

В анкете респондентам было предложено оценить истинность некоторых утверждений, касающихся трудовой деятельности пожилых людей. Так, 61% опрошенных пенсионеров согласны с тем, что пожилые сотрудники отдают больше времени и сил работе, нежели их более молодые коллеги. Вместе с тем около половины респондентов (46%) считают, что у большинства пожилых людей отсутствует достаточная мотивация и стремление к карьерному росту.

Также около половины опрошенных пенсионеров (44%) считают, что в большинстве случаев пожилые сотрудники не склонны к инновациям и чаще всего работают «по старинке» (рис. 4). Однако, по

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», %

мнению 61% респондентов, пожилые сотрудники в организации являются ее опорой, а накопленный за долгую трудовую жизнь опыт помогает даже в самых сложных рабочих ситуациях.

Таким образом, социологический портрет пожилого работника, основанный на субъективных оценках самих пенсионеров, выглядит следующим образом: это опытный и ответственный работник, к его мнению прислушиваются, однако он отличается достаточно консервативным подходом к выполнению своих обязанностей и с трудом адаптируется к инновациям.

Выводы и рекомендации

Трудовую активность пожилых людей в Вологодской области можно охарактеризовать как среднюю: около 45% респондентов продолжают работать после выхода на пенсию. Для сравнения: в среднем по стране этот показатель составляет 31% [5]. Главным мотивом продолжать трудовую деятельность на пенсии выступает потребность в дополнительном заработке, однако с возрастом растет значимость таких факторов, как потребность в общении и желание приносить пользу обществу. Важным результатом является то, что пятая часть населения предпенсионного возраста не планирует оформлять пенсию сразу по достижении нужного возраста, что в перспективе может иметь положительный эффект для пенсионной системы и экономики региона. Что касается резервов повышения трудовой активности пожилых людей в области, то каждый пятый из числа неработающих пенсионеров готов взяться за любую посильную работу. В то же время 13% опрошенных сталкивались с проявлением возрастной дискриминации при приеме на работу.

С одной стороны, старение населения влечет за собой немало негативных последствий для общества (ухудшение трудовой

структуры населения, увеличение демографической нагрузки и нагрузки на социальную инфраструктуру и т.д.), с другой – пожилые люди обладают огромным жизненным опытом и ресурсными возможностями, которые можно и нужно использовать в социальной и экономической сфере общественной жизни. К положительным моментам стоит отнести рост трудовой и экономической активности пенсионеров, повышение уровня образования. Тем самым подтверждается тот факт, что социальная группа пожилых людей в дальнейшем будет играть все большую роль и уже в ближайшем будущем она станет одним из важнейших ресурсов развития России [19].

Основные направления деятельности государства и общества, которые, на наш взгляд, могут стать существенным подспорьем в реализации ресурсного потенциала населения пожилого возраста, следующие.

1. Необходимо формирование нормативно-правовой базы, которая регулировала бы различные аспекты сферы труда и занятости пожилых людей, в частности условия труда. К этому процессу должны быть подключены все основные субъекты: государство как гарант защиты права на осуществление трудовой деятельности в любом возрасте, работодатели, предлагающие рабочие места, и сами пожилые люди, предлагающие свой труд. Согласно проведенному анализу и экспертной оценке [19], в современных реалиях необходимо принятие закона о недопустимости дискриминации по возрасту, которого в России пока нет.

2. Важно ориентировать и стимулировать представителей бизнес-сообщества на создание рабочих мест, адаптированных для представителей старшего поколения.

3. Необходимо уделять как можно больше внимания повышению квалификации работников на протяжении всего периода их трудовой деятельности, в том

числе и после выхода на пенсию. Сокращение разницы во времени между прохождением очередных курсов повышения квалификации поможет пожилым людям лучше адаптироваться к последним нововведениям.

4. Перспективным направлением повышения трудовой активности и производительности труда пожилых людей может стать вовлечение пенсионеров в работу удаленно, при помощи сети Интернет. Основным препятствием является недостаточная компьютерная грамотность населения пожилого возраста. Девять из десяти опрошенных старше 70 лет (90%) указали, что не обладают навыками работы на компьютере. Однако среди респондентов предпенсионного возраста (50–59 лет) доля таких людей составляет только 37%. Эти цифры позволяют предположить, что уже в ближайшем будущем проблема недостаточной компьютерной грамотности среди пожилых людей будет решена естественным образом.

5. Необходимо сделать акцент на продвижении среди населения идей здоровьесберегающего (самосохранительного) поведения [12]. На наш взгляд, это направление может быть реализовано через принятие на федеральном и региональном уровне концепции активного долголетия, целью которой является формирование личной ответственности человека за собственное здоровье, знаний и навыков долгой и активной жизни.

6. Существует необходимость во внедрении геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми, — медицинских работников, преподавателей, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга.

7. Важно соблюдать сбалансированность режима труда и отдыха, что может положительно повлиять на состояние здоровья человека в пожилом возрасте и, в свою очередь, заметно продлить период его трудовой деятельности.

Литература

1. Барсуков, В.Н. Анализ региональной дифференциации демографического старения [Электронный ресурс] / В.Н. Барсуков // Вопросы территориального развития. — 2015. — № 4(24). — Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4895>
2. Вишневский, А.Г. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни [Электронный ресурс] / А.Г. Вишневский — Режим доступа: <http://institutiones.com/general/2104-vozvrast-vyhoda-na-pensiyu-i-prodolzhitelnost-zhizni.html>
3. Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник [Текст] / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 96 с.
4. Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_PFR_2014.pdf
5. Данные выборочного исследования населения по проблемам занятости в 2014 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#
6. Данные Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Вологодской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pfrf.ru/files/branches/vologda/document/info_otdeleniya/doklad_dlya_sayta_ot_02_2015.pdf
7. Демографический ежегодник России: стат. сборник [Текст] / Росстат. — М., 2001, 2009, 2010, 2014.
8. Денисенко, М.Б. Тихая революция [Электронный ресурс] / М.Б. Денисенко // Отечественные записки. — 2005. — №3(24). — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revoluciya>
9. Доброхлеб, В.Г. Старение населения как фактор модели демографического перехода на примере современной России [Текст] / В.Г. Доброхлеб // Социологический альманах. — 2012. — №3. — С. 67-73.

10. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты автора.
11. Калачикова, О.Н. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области [Текст] / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №5. – С. 143-153.
12. Калачикова, О.Н. Факторы риска в сфере общественного здоровья: образ жизни [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // Регион: экономика и социология. – 2015. – №1. – С. 108-123.
13. Кароне, Д. Может ли Европа позволить себе стареть? [Электронный ресурс] / Д. Кароне, Д. Костелло // Финансы и развитие. – 2005. – №3(43). – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>
14. Кудрин, А.Л. Старение населения и угроза бюджетного кризиса [Текст] / А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2012. – №3. – С. 52-79.
15. Развитие в условиях старения мира: доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
16. Россет, Э. Процесс старения населения [Текст] / Э. Россет. – М.: Статистика, 1968. – 508 с.
17. Силуанов и Кудрин одобрили повышение пенсионного возраста до 65 лет [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2015. – 14 апр. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/economics/2015/04/14/siluanov-i-kudrin-odobrili-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-do-65-let.html>
18. Социологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/socio/815>
19. Старшее поколение и будущее [Текст]: моногр. / под науч. ред. Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.
20. Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pensionreform.ru/files/96725/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%2000-04-26603-06-15-28-9-12-ver2-18846-numb-81322.pdf>
21. Труд и занятость в Вологодской области в 2010–2014 гг.: стат. сборник [Текст] / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 111 с.
22. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
23. Gross national income per capita 2014, Atlas method and PPP [Electronic resource] / The World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GNIPC.pdf>
24. Lee, R. Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy [Text] / R. Lee, A. Mason. – WESS background paper, 2015. – 35 p.
25. Moore, J. What's Your Number at the Zero Bound? [Electronic resource]. – URL: <https://www.pimco.com/insights/viewpoints/viewpoints/whats-your-number-at-the-zero-bound>
26. World Population Ageing 2013 [Electronic resource]. – URL: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Lastchaos12@mail.ru)

Labor Activity of the Population of Retirement Age as a Factor in Socio-Economic Development of the Territory

Vitalii Nikolaevich Barsukov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, Lastchaos12@mail.ru)

Abstract. The problem of population ageing in Russia is increasingly attracting attention of scientists and politicians. Long ago researchers recognized the irreversibility of the population ageing process in the conditions of narrowed population reproduction, but the measures to mitigate the consequences in our country, unlike Western countries, are not well developed yet. Population ageing with high probability leads to the change in labor market functioning due to the reduction in the share of able-bodied population and children and, consequently, the permanent increase in the proportion of older people in the total number of population. In these conditions the effective realization of resource potential of the older generation becomes one of the most important factors in socio-economic development of the territory. This article is aimed at studying the changes and specifics of labor activity of the population of retirement age on the example of the Vologda Oblast. The first part of the article is devoted to the main aspects of the impact of population ageing on economic development. It considers the prerequisites for the formation of the regressive age structure of population in the country and the region, determines the level of “age” of Russia and the Vologda Oblast. It identifies the features of population ageing of the region and its districts and the underlying factors of transformation of the age structure of the territory. The second part of the article presents the analysis of changes in the economic activity of the population of retirement age in the Vologda Oblast, the structure of employment of the older generation. On the basis of the sociological survey data the author describes the key incentives to continue working in retirement age, the current level of employment of seniors, and the difference between actual and nominal retirement age, etc. The main conclusion of the article is the following: the population of retirement age in the Vologda Oblast has considerable resource potential. Its realization can be a significant factor in socio-economic development of the territory in the conditions of population aging. For this purpose it is necessary to create comfortable conditions for the employment of older people at the level of regional authorities and business structures.

Key words: population ageing, transformation of the age structure, the elderly, retirement age, labor activity.

References

1. Barsukov V.N. Analiz regional'noi differentsiatsii demograficheskogo stareniya [Analysis of the Regional Differentiation of Demographic Ageing]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of Territorial Development], 2015, no. 4(24). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4895>
2. Vishnevskii A.G. *Vozrast vykhoda na pensiyu i prodolzhitel'nost' zhizni* [Age of Retirement and Life Expectancy]. Available at: <http://institutiones.com/general/2104-vozvrast-vyxoda-na-pensiyu-i-prodolzhitelnost-zhizni.html>
3. Vozrastno-polovoi sostav naseleniya Vologodskoi oblasti v 2014 godu: stat. sbornik [Age-Sex Composition of the Vologda Oblast Population in 2014: Statistical Collection]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast]. Vologda, 2015. 96 p.
4. *Godovoi otchet Pensionnogo fonda Rossiiskoi Federatsii za 2014 god* [Annual Report of the Pension Fund of the Russian Federation for 2014]. Available at: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_PFR_2014.pdf
5. *Dannye vyborochnogo issledovaniya naseleniya po problemam zanyatosti v 2014 godu* [Data of the Sample Study of the Population into Problems of Employment in 2014]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#

6. *Dannye Otdeleniya Pensionnogo fonda Rossiiskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti* [Data of the Office of the Pension Fund of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Available at: http://www.pfrf.ru/files/branches/vologda/document/info_otdeleniya/doklad_dlya_sayta_ot__02_2015.pdf
7. Demograficheskii ezhegodnik Rossii: stat. sbornik [Demographic Yearbook of Russia: Statistical Collection]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2001, 2009, 2010, 2014.
8. Denisenko M.B. Tikhaya revolyutsiya [Quiet Revolution]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 3(24). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuiciya>
9. Dobrokhleb V.G. Starenie naseleniya kak faktor modeli demograficheskogo perekhoda na primere sovremennoi Rossii [Population Ageing as a Factor in the Demographic Transition Model on the Example of Modern Russia]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2012, no. 3, pp. 67–73.
10. *Edinaya mezhdovomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema* [Unified Inter-Departmental Information and Statistical System]. Available at: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>.
11. Kalachikova O.N., Shabunova A.A., Lastochkina M.A. Tendentsii i perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii i Vologodskoi oblasti [Trends and Prospects of Demographic Development of Russia and the Vologda Oblast]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no.5, pp. 143-153.
12. Kalachikova O.N., Korchagina P.S. Faktory riska v sfere obshchestvennogo zdorov'ya: obraz zhizni [Risk Factors in the Field of Public Health: Way of Life]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2015, no.1, pp. 108-123.
13. Carona D., Costello D. Mozhet li Evropa pozvolit' sebe staret'? [Can Europe Afford to Grow Old?]. *Finansy i razvitie* [Finance and Development], 2005, vol. 43, no. 3. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>
14. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Starenie naseleniya i ugroza byudzhethnogo krizisa [Population Aging and a Threat of a Fiscal Crisis]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2012, no. 3, pp. 52-79.
15. *Razvitie v usloviyakh stareniya mira: doklad Departamenta po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam OON* [Development in the Conditions of the Ageing World: Report of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations]. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
16. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Process of Population Ageing]. Moscow: Statistika, 1968. 508 p.
17. Siluanov i Kudrin odobrili povyshenie pensionnogo vozrasta do 65 let [Siluanov and Kudrin have Approved Raising the Retirement Age up to 65 Years]. *Moskovskii komsomolets* [Moskovsky Komsomolets], 2015, April 14. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2015/04/14/siluanov-i-kudrin-odobrili-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-do-65-let.html>
18. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/socio/815>
19. *Starshee pokolenie i budushchee : monogr.* [Older Generation and the Future : Monograph]. Under scientific editorship of N.M. Rimashevskaya. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2014. 212 p.
20. *Strategiya deistvii v interesakh grazhdan pozhilogo vozrasta do 2025 goda* [Strategy of Actions in Interests of Senior Citizens by 2025]. Available at: <http://pensionreform.ru/files/96725/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%2000-04-26603-06-15-28-9-12-ver2-18846-numb-81322.pdf>
21. *Trud i zanyatost' v Vologodskoi oblasti v 2010–2014 gg.: stat. sbornik* [Work and Employment in the Vologda Oblast in 2010–2014: Statistical Collection]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast]. Vologda, 2015. 111 p.
22. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru>
23. Gross National Income Per Capita 2014, Atlas Method and PPP. *The World Bank*. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/download/GNIPC.pdf>
24. Lee R., Mason A. *Population Aging, Wealth and economic Growth: Demographic Dividends and Public Policy*. WESS background paper, 2015. 35 p.
25. Moore J. *What's Your Number at the Zero Bound?* Available at: <https://www.pimco.com/insights/viewpoints/viewpoints/whats-your-number-at-the-zero-bound>
26. *World Population Ageing 2013*. Available at: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)

Об итогах VII научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект»

17–19 декабря 2015 г. в г. Вологде состоялась VII научно-практическая конференция «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект», которая была приурочена к отмечаемой в декабре 25-й годовщине Института социально-экономического развития территорий РАН. Можно сказать, что история ИСЭРТ – это уникальный опыт формирования и поступательного развития учреждения Российской академии наук в регионе в условиях становления рыночных отношений.

Сегодня осуществляется переход Российской Федерации к новому этапу развития. С одной стороны, страна укрепляет свою позицию во внешней политике, с другой – возникают внутренние комплексные, системные проблемы, сокращаются темпы экономического роста. В свою очередь это приводит к проблемам в региональном развитии, снижению качества жизни населения.

В этой ситуации регионы вынуждены приспособливаться к новым вызовам реальной жизни, которые также обусловлены неопределенностью и неустойчивостью развития, быстрой сменой ситуации в мировой, национальной и региональной

экономике. В зависимости от социально-экономической и политической ориентации государства на конкретном этапе развития меняются и стратегии экономического развития регионов.

Принятие в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» открыло новые возможности для повышения эффективности государственного и муниципального управления. Устойчивое развитие территорий невозможно без определения целей и приоритетов, без разработки инвестиционных, инновационных и социальных стратегий. Последние годы экономических реформ показали, что регионы, которые применяют прогрессивные методы управления своим развитием, в меньшей степени подвержены кризисным тенденциям. В сложных условиях выхода из кризиса относительное преимущество имели прежде всего те регионы, которые использовали адекватные методы и инструменты управления своим развитием. Безусловно, увеличивается и самостоятельность регионов, которые несут все большую ответственность за результаты регионального экономического развития.

Поиску путей решения возникающих проблем и была посвящена VII научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект».

Организаторами конференции выступили: Федеральное агентство научных организаций, Российская академия наук, Правительство Вологодской области, Департамент стратегического планирования Вологодской области, Администрация г. Вологды, Институт социально-экономического развития территорий РАН.

Конференция поставила своей целью развитие теории и практики социально-экономического реформирования и перспектив развития российских регионов в контексте модернизационных преобразований. Совместное обсуждение успехов и неудач, возможностей и механизмов повышения эффективности государственного управления в сфере формирования и реализации региональной политики в общем кругу ученых-регионалистов, а также исследователей в области региональной экономики, представляющих государственные исследовательские и научные институты, органы государственной власти, масс-медиа, общественные и коммерческие организации.

В мероприятии приняло участие более 300 человек. С докладами выступили ведущие российские ученые: А.Д. Некипелов, М.К. Горшков, В.Н. Лаженцев, Р.С. Гринберг, С.Д. Валентей, С.С. Губанов и др.

В рамках научного форума обсуждалось значение социально-экономических реформ для регионального развития на новом этапе становления российской государственности, были сделаны попытки оценить положительные результаты, достигнутые в ходе проводимых реформ, обозначить проблемы и пути возможного

их решения. Большое внимание было уделено проблемам российских регионов в современных реалиях российского общества и вызовов времени и вопросам роли и значимости повышения качества государственного управления.

С приветственным словом на открытии форума выступили директор ИСЭРТ РАН д.э.н., профессор В.А. Ильин, первый заместитель Губернатора Вологодской области А.И. Шерлыгин, начальник управления координации деятельности организаций в сфере науки ФАНО России М.Ю. Романовский, директор Московской школы экономики МГУ академик РАН А.Д. Некипелов.

Как отметил В.А. Ильин, первая конференция прошла в 1997 г. под идейным руководством академика Д.С. Львова и авторитет Дмитрия Семеновича способствовал привлечению к участию в конференции академиков и ведущих ученых-экономистов РАН.

От имени Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова участников конференции поприветствовал А.И. Шерлыгин. По его словам, технологическая модернизация, необходимость которой обозначена Президентом страны В.В. Путиным, невозможна без инновационных и научных разработок. Складывающаяся ситуация требует новых подходов и смелых решений. В современных условиях конкурентные преимущества экономики и возможность модернизации в значительной степени сопряжены с накопленным и реализованным человеческим потенциалом. Правительство Вологодской области уделяет значительное внимание развитию кадров, научного и инновационного потенциала, чтобы иметь основу прогрессивного экономического базиса, который будет определять лицо региона через 15–20 лет.

Президиум

Пленарное заседание

А.И. Шерлыгин

М.Ю. Романовский

А.Д. Некипелов

М.К. Горшков

Р.С. Гринберг

С.Д. Валентей

Справа налево: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Т.В. Ускова

Награждение В.А. Ильина

В.В. Локосов

Е.Б. Шулепов

С.С. Губанов

В.Н. Лажнецв

В.В. Маркин

В.К. Егоров

М.Ю. Романовский подчеркнул важность намеченных для обсуждения на конференции вопросов и пожелал дальнейших успехов коллективу ИСЭРТ РАН.

По мнению А.Д. Некипелова, проведение данного форума на системной основе, — а это уже седьмая конференция, — свидетельствует об уровне развития науки в Вологодской области и о тесном взаимодействии Правительства области и научных учреждений. Александр Дмитриевич подчеркнул, что тема конференции выбрана очень точно. В настоящее время страна в целом и регионы сталкиваются с большим количеством текущих проблем, без решения которых трудно говорить о решении стратегических задач. Но если не заглядывать в будущее, то можно увязнуть в реактивных действиях на то, что происходит. Тема стратегии сегодня привлекает к себе внимание с самых разных сторон. На федеральном уровне разрабатывается стратегия до 2030 г. Достигнут консенсус в отношении того, что стратегия должна обеспечивать модернизацию страны, ее экономики, общества в целом. Однако есть огромное поле дискуссионных вопросов, касающихся того, что нужно для этого сделать по-настоящему. Должны быть стратегические подходы к различным направлениям экономической политики, чтобы эту задачу можно было решить. Поэтому очень важно, отметил А.Д. Некипелов, что на конференции эта проблема будет рассматриваться под углом стратегии региона — региона интересного и непростого, и результаты обсуждения должны быть весьма значимы. Это будет своего рода проверка общих подходов, а также особенностей, которые неизбежно будут характеризовать применение этой стратегии в разных регионах, в данном случае Вологодской области.

Работа конференции проходила в формате пленарных заседаний, каждое из которых имело свою тематику. Тема *первого пленарного заседания* — «Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски» — была обусловлена следующими обстоятельствами. Поскольку на стыке XX и XXI веков человеческая цивилизация претерпела качественные изменения, возникла новая социальная реальность, имманентными элементами которой являются потенциальные угрозы и риски, способные вовлечь современное общество в глобальную катастрофу.

Социально-экономические противоречия в современном российском обществе стали ключевыми препятствиями для перехода к новой модели развития взамен исчерпавшей свой ресурс сырьевой модели. В новой геополитической и социальной реальности определяющими факторами развития становятся человеческий потенциал, социальный капитал и научные знания. С главным докладом — «Российское общество: год в условиях кризиса и санкций» — выступил академик РАН директор Института социологии РАН Горшков Михаил Константинович. Он представил результаты «третьей волны» мониторинга (октябрь 2015 г.) общероссийских социологических исследований, имеющих мониторинговый характер. Было показано мнение россиян по следующим вопросам: перемены в обществе; влияние кризиса на социально-психологическое самочувствие россиян; от чего готовы отказаться россияне ради своей страны; основные противоречия общества в контексте ценностного восприятия населения; власть и общество в условиях кризиса: между консолидацией и недовольством; что сегодня важнее в повседневной жизни россиян.

В докладах А.И. Шерлыгина, В.В. Локосова, Д.В. Афанасьева, В.В. Маркина, А.А. Шабуновой рассматривались вопросы перехода российской экономики к новой модели развития, а также социальной консолидации и становления гражданского общества.

Второе пленарное заседание было посвящено проблемам повышения качества государственного управления. Современное российское общество является результатом реформ, преобразовавших советскую плановую экономическую систему в рыночную. Однако осуществляемые более двадцати лет рыночные трансформации не дают желаемых результатов. Функционирование национальной экономики в условиях рынка, интеграция ее в мировое хозяйство требуют новых, научно обоснованных форм и методов управления социально-экономическими процессами. В этой связи проблема эффективности государственного управления приобретает особую актуальность.

В рамках заседания обсуждались доклады и рекомендации, обосновывающие необходимость существенной корректировки социально-экономической политики, проводимой государством по преодолению негативных тенденций в экономике, ускорению темпов экономического роста, повышению на этой основе реальных доходов и качества жизни населения.

Подводя итоги своего выступления, член-корреспондент РАН научный руководитель Института экономики РАН Р.С. Гринберг подчеркнул, что существует закономерность: смена власти происходит через политический процесс, политическая конкуренция — очень важный инструмент смены экономической политики.

В докладе «О современных методах и проблемах управления крупным городом» представил опыт г. Вологды Глава города Е. Б. Шулепов. С докладами также выступили С.С. Губанов, Д.Б. Кувалин, В.К. Егоров.

Идейным вопросом *третьего пленарного заседания* неслучайно стали современные проблемы российских регионов. Социально-экономическое пространство России отличается неоднородностью, что оказывает значительное влияние на функционирование государства, на эффективность социально-экономической политики, ее структурную составляющую, на стратегию и механизмы институциональных реформ. Устойчивые негативные тенденции в экономике и социальной сфере регионов России, их значительная дифференциация по уровню социально-экономического развития снижают конкурентоспособность и безопасность страны, сдерживают перевод экономики на новую модель развития.

Научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова главный редактор журнала «Федерализм» д.э.н., профессор С.Д. Валентей выступил с докладом на тему «Российские регионы и экономический рост», в котором сделал попытку показать на примере интересных, на его взгляд, научных публикаций, насколько отечественные эксперты, даже ведущие, далеки при выработке рекомендаций по выводу российской экономики из кризиса от понимания важности учета в них региональных особенностей процесса ее развития. Проблема эта, по мнению С.Д. Валентея, имеет принципиальный характер. Часть вины за недостаточное внимание исполнительной и законодательной ветвей власти к роли региональных факторов в развитии экономики России лежит на науке.

С.А. Пономарева, В.Н. Лаженцев, К.В. Янков представили в своих докладах научно обоснованные пути решения современных проблем российских регионов, обеспечивающие эффективную модернизацию региональных социально-экономических систем.

Участники конференции высоко оценили полученную возможность познакомиться с обобщенным опытом социально-экономического реформирования и регионального развития в контексте модернизационных преобразований и механизмами повышения эффективности государственного управления в сфере формирования и реализации региональной политики. Большой инте-

рес вызвали приведенные докладчиками результаты эмпирических исследований, посвященных обсуждавшимся вопросам.

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук выражает признательность Федеральному агентству научных организаций, Правительству Вологодской области, Департаменту стратегического планирования Вологодской области, Отделению общественных наук Российской академии наук, Администрации города Вологды за поддержку и содействие в организации этого чрезвычайно важного научного мероприятия и надеется, что традиция, заложенная в 1997 г., будет продолжена и в перспективе.

Л.В. Бабич

*кандидат экономических наук,
заместитель директора ИСЭРТ РАН*

ЮБИЛЕИ

Ильину Владимиру Александровичу – 75 лет

19 января 2016 г. исполнилось 75 лет доктору экономических наук, профессору заслуженному деятелю науки РФ Ильину Владимиру Александровичу, научному руководителю Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук, почетному гражданину г. Вологды.

На протяжении 25 лет В.А. Ильин являлся бессменным директором Института социально-экономического развития территорий РАН, созданного им практически «с нуля» в условиях рыночных трансформаций отечественной экономики. В науку он пришел зрелым руководителем: за его плечами уже было 32 года работы в наиболее развитой отрасли советской

индустрии – оборонной промышленности, где он прошел путь от рядового рабочего до генерального директора специализированного производственного объединения. Системные подходы, принесенные из производственной сферы, послужили базовыми критериями в последующей работе В.А. Ильина руководителем научного учреждения.

Его приход непосредственно в научную сферу был обусловлен целым рядом объективных обстоятельств. Первое из них состояло в том, что к концу 1980-х годов Вологодская область вышла на ведущие позиции в хозяйственном развитии Европейского Севера (особенно в производстве продуктов чёрной металлургии,

минеральных удобрений, лесопродукции, производстве продуктов животноводства, по объемам капитального строительства). Однако перспективы развития Вологодчины не имели должного научного обоснования. В то время как в соседних северных территориях – Мурманской области, Коми и Карельской автономных республиках уже многие годы действовали и развивались научные центры Академии наук СССР. Власти Вологодской области активно доказывали союзному центру, что в регионе также требуется приступить к формированию фундаментальной научной базы. Именно тогда на Вологодчине и было создано первое академическое научное учреждение, в исследовательских работах которого всегда отражается текущее социально-экономическое положение в стране и регионе.

В.А. Ильин – автор свыше 300 научных публикаций. Первые из них были посвящены анализу процессов, представлявших собой «прыжок» от советской планово-распределительной системы к рыночным принципам хозяйствования, получивший название «шоковой терапии».

В течение всех 1990-х годов научным коллективом под руководством В.А. Ильина был выполнен целый ряд исследований, в которых доказывалась неотложная необходимость корректировки социально-экономического курса, проводившегося тогда российскими властями.

В авторских работах В.А. Ильина и сотрудников научного учреждения начала 2000-х годов отмечалось, что предпринятое новым президентом России усиление роли государства в управлении экономической и социальной жизнью страны дает позитивные результаты. Под руководством В.А. Ильина были созданы и опубликованы такие монографические работы,

как «Стратегия развития региона» (М.: Academia, 2006), «Региональная стратегия экономического роста–2015» (М.: Наука, 2007), «Пространственные аспекты развития региона» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008). Авторитет научной организации, действующей в Вологде, существенно вырос в научной среде благодаря изданию под руководством В.А. Ильина научных трудов «Тенденции и проблемы развития региона» в трёх частях в 2005 году и в четырех томах в 2010 году, а также собрания трудов «Тенденции и проблемы развития территорий» в шести томах в 2015 г.

Неоднократно монографии В.А. Ильина признавались одними из лучших научных книг России. Так, в 2014 году лауреатами Третьего областного конкурса «Вологодская книга – 2013» в номинации «Лучшее научное издание» названа работа В.А. Ильина и А.И. Поваровой «Проблемы эффективности государственного управления: бюджетный кризис регионов». В 2015 году лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу признана монография В.А. Ильина, подготовленная им в соавторстве с А.И. Поваровой, – «Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия–2020: проблемы реализации».

В преддверии юбилея В.А. Ильина вышла его книга «Проблемы эффективности государственного управления: точка зрения – от главного редактора», в которой собраны его статьи, открывавшие выпуски журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в период 2008–2015 гг. Главная их тема – проблемы эффективности государственного управления. Автором показывается сложности и трудности данного процесса,

формируемые внутренним и внешним положением современной России. Рассматриваются объективные и субъективные факторы, сдерживающие повышение эффективности государственного управления в стране, обосновываются возможности конструктивных действий различных ветвей российской власти с этой целью. Точка зрения автора базируется на его многолетней созидательной производственной, научной, организаторской и общественной деятельности.

Вклад Владимира Александровича в развитие ИСЭРТ РАН трудно переоценить. Главные достижения Института стали возможными во многом благодаря его самоотверженному, поистине подвижническому труду. Коллеги Владимира Александровича — академики, директора научных институтов РАН, политические деятели отзываются о нем как о настоящем уче-

ном, талантливом организаторе, человеке с огромным жизненным опытом и незаурядными «пробивными» качествами, знающем и умеющем собирать вокруг себя таких же увлеченных людей, как он сам, обладающем способностью предвидеть перспективное и верно расставлять приоритеты, соединять и направлять усилия на достижение намеченной цели.

В преддверии юбилея за значительный вклад в развитие региона и высокие достижения в научно-исследовательской деятельности В.А. Ильин награжден высшей государственной наградой Вологодской области — медалью «За заслуги перед Вологодской областью».

Редколлегия журнала поздравляет юбиляра с этой замечательной датой и желает творческих успехов и благополучия на долгие годы.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (200 – 250 слов; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscs.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № ____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	И.А. Головина

Подписано в печать 26.02.2016.
Дата выхода в свет 29.02.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 26,8. Тираж 500 экз. Заказ № 64.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru